

МЕДИА ГРУППА МЕЖДУНАРОДНЫХ
ЛИТЕРАТУРНО ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

«ИНТЕЛЛИГЕНТ»

Дорогие друзья!

Перед вами новый номер журнала «Интеллигент. Избранное». И мы рады сообщить вам, что в этот номер снова вошли авторы с детскими произведениями. Редакторский совет «Интеллигента» считает, что такие работы необходимы в любые времена, так как они — неотъемлемая часть русской словесности. Остальные произведения мы выбрали из наших газетных публикаций, из архивов и по нашим обязательствам с авторами и участниками — представителями проекта. Следует отметить, что при формировании нового номера журнала мы старались дать больше свободы нашим представителям, поэтому надеемся, что этот номер будет интересен большому кругу читателей.

Приятного всем чтения!

Содержание

Слово учредителя.....	1
Содержание.....	2

Работы для детей

Светлана Савицкая.....	3
Татьяна Триленко.....	4
Ольга Яралек.....	6
Леонид Брайловский.....	7
Вера Тансканен.....	8
Надежда Сергеева.....	9
Игорь Калиш.....	10
Владимир Эйсер.....	11
Марина Тараненко.....	12
Юлия Сандлер.....	13
Андрей Сунгуров.....	14

Австралия

Залман Шмейлин.....	15
Инга Даугавите.....	16
Юрий Вайсман.....	17
Наталья Крофтс.....	18

Арзамас

Ксения Горохова.....	20
----------------------	----

Башкортостан

Михаил Смирнов.....	22
---------------------	----

Бельгия

Майя Шварцман.....	23
--------------------	----

Великобритания

Георг Чёрный.....	25
-------------------	----

Германия

Анастасия Винокурова.....	27
Аркадий Ляховецкий.....	29

Греция

Fulgur Conditum.....	30
----------------------	----

Израиль

Лев Вайсфельд.....	32
София Бронштейн.....	33
Елена Элентух.....	34
Нахум Виленкин.....	35
Марк Луцкий.....	36
Лернер Татьяна (Тали).....	37

Карелия

Дина Лебедева.....	39
Наталья Лайдинен.....	40

Кострома

Екатерина Каргопольцева.....	41
------------------------------	----

Красноярск

Андрей Калинин.....	43
Николай Ерёмин.....	45
Антон Гаврилов.....	46

Латвия

Ирина Зиновчик.....	48
---------------------	----

Магадан

Сергей Малашко.....	50
---------------------	----

Москва

Андрей Баранов.....	54
Микаел Абаджянц.....	56
Владимир Борисов.....	57
Мария Панфилова.....	59
Светлана Сударикова.....	61
Ирина Гусева (Науменкова).....	63

Омск

Вячеслав Омский.....	67
----------------------	----

Португалия

Ирина Фещенко-Скворцова.....	68
------------------------------	----

Смоленск

Александр Агеев.....	69
----------------------	----

Санкт-Петербург

О'Санчес.....	70
Юлия Андреева.....	71
Александр Смир.....	72
Татьяна Громова.....	73
Екатерина Асмус.....	75

США

Владимир Зильберберг.....	76
Женя Павловская.....	78
Аркадий Шляпинтох.....	79
Татьяна Янковская.....	80
Сергей Гора.....	81
Вадим Крейд.....	84
Елена Дубровина.....	85
Геннадий Норд.....	87

Томск

Елена Клименко.....	89
---------------------	----

Тула

Маргарита Дутлова.....	90
------------------------	----

Украина

Яков Вакс.....	91
Юрий Ващенко.....	92

Урал

Дмитрий Бобылев.....	93
Римма Дышаленкова.....	94
Анна Турусова.....	96

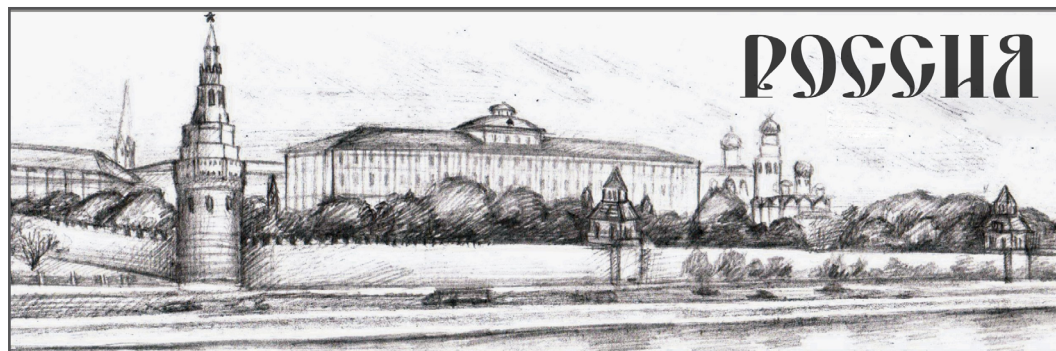
Франция

Юрий Юрченко.....	98
-------------------	----

Эстония

Марина Викторова.....	98
Влад Пеньков.....	99

Работы для детей

Светлана Савицкая

Журналист, сказочница, художник, мастер по изготовлению кукол, инициатор открытия новых музеев кукол не только в России, но и в других странах мира, председатель Международного национального литературного конкурса «Золотое перо Руси», главный редактор общероссийской независимой интернет-газеты «Молодежь Московии», входит в редакторский совет медиа-группы «Интеллигент», писатель - всё это Светлана Савицкая. Она легко шагает по жизни, одаривая окружающих оптимизмом, радостью, искренним теплом и позитивным взглядом на мир.

Семкин лук

Шумная ватага ребятишек, опрокидывая стулья, ринулась к тарелкам с супом. Не спешили только Маша-воображала и ее паж Семка.

- Ненавижу лук! Меня от него тошнит! – брезгливо выживала Маша прозрачные кусочки.

- Я тоже! – повторял Семка.

Воспитательница ничего не могла сделать с этими капризами.

Мало того. Семка перестал есть лук и дома!

Пожарит мама картошку, Семка вилочкой отберет жареный лучок, уложит веером по тарелке. Отец нервничал. Дед ложку облизывал, чтобы по лбу Семке дать. Да мать запреща-
ла.

А по весне вручила сыну лукошко с лучком-сеянцем, от-
правила сажать.

Насупился Семка. Решил навредить. Засунул лук ко-
решками вверх, и закопал землей:

- Не нужен мне ваш лук! Я его ненавижу, - повторял мальчик за четырехлетней подружкой из садика.

В сердцах бросил лукошко в сенки. Стал ждать.

День проходит – пусто на его грядке. Второй проходит – не всходит лук. Ухмыляется Семка, как же хорошо он на-
вредничал!

Взрослые нет-нет, да и польют его грядицу. То дед при-
хромает на поливку. То мать окатит из шланга землицу. То

отец, вернувшись с работы притащит ведро-другое, да и тоже
польет лук, которого нет.

Уж и морковка взошла. И свекла. И горох выпустил кру-
глые цепляющие усы из земли. А лук как не было, так и нет.

Жалко стало Семке, что он лук вверх тормашками зарыл.
Совесть его одолела.

Припелся к своей грядке, льет воду из леечки, слезы вы-
тирает, приговаривает:

- Лук! Прости меня, лук! Я буду! Буду тебя есть! Ты толь-
ко вылезай поскорей! Отец гляди на тракторе вкалывает до
седьмого пота, но к тебе к первому идет на полив. Дед, даром
что ногу на войне потерял, ведра с водою к тебе носит! Мама
ждет. А я всех обманул. И суп без тебя – не суп! И картошка –
не картошка! И пирожки – не пирожки! Вылезай, лук!

Через неделю появились всходы. Зеленые ростки неров-
ными рядками вылезли кое-как. Но таки вылезли. Семка и
сам не понимал, как это лук вывернулся под землю, и выпу-
стил острые зеленые мечи на поверхность грядки.

Воспитательница очень удивилась, когда мальчуган при-
нес в садик свежей зелени. Лучок она порезала, и покрошила
всем в суп. Детки хвалили:

- Как же вкусно!

И даже Маша-воображала съела целую тарелку супа.

- Конечно! – сказала она, - это же не просто там какой-то
лук. Это же Семкин лук. Поэтому он и такой сладкий!

Татьяна Триленко

Педагог-живописец. Пишу для детей рассказы, сказки, новеллы, этюды. Член Союза литераторов России (2012г). Публикации в СМИ России, Украины. Журналы: «Муравейник» - Москва, «Толока» - Курск, «Саксагань» - Украина, Кривой Рог, работы издавались в литературных альманахах России. Автор книг: «Трава кололась» - повести и рассказы, «Голубая планета» - сказки-показки, город Москва. Удостоена специальным дипломом в конкурсе «Серая шейка» в номинации «Художественные произведения о детях и для детей». Призёр международного литературного конкурса «Новые добрые сказки».

Эх, яблочко!

Сегодня в нашей семье праздник. У папы день рождения. С самого утра кутерьма. И мама, и бабушка хлопочут в летней кухне. Там что-то жарится, варится, печётся, дымится и булькает. Ароматы шкочут нос, и слюна заполняет рот. Украдкой подцепила пальцем приготовленный крем для «Наполеона» и лизнула.

Над головой громычнуло:

— Ты руки мыла?!

От неожиданности голову втянула в плечи. Так и не успела понять вкус крема. То ли его проглотила, то ли он сам проскочил в желудок.

— У кого спрашиваю?! — повторила мама.

А мне и сказать нечего. Решила промолчать и тихонько выскользнула во двор. Вслед донеслось:

— Вода закончилась. Бегом принеси!

„Хорошенькое дело, — подумала я, — ну, ещё к колонке с пустыми ведрами добегу, а назад как с полными бежать?“

Понимаю, сейчас все нервничают, торопятся. Через несколько часов гости явятся, а многое ещё не готово, да и времени в обрез.

В саду на случай непогоды папа с дедом устраивают над столами навес из прорезиненного брезента, чтобы гостей дождь не намочил. А про меня, так пусть их намочит. Устала от этой суеты, беготни и нерво-трёпки.

Дед руководит, командует:

— Ты, Гош, правее, правее возьми...

Гош — это ласкательное обращение к зятю, от имени Георгий. И Гош старается: почти на самую верхушку яблони взобрался, чтобы повыше закрепить тент. Пытался дотянуться до места, на которое указывал дед.

— Папа, осторожнее! — волнуясь, предупредила его.

— Молчи, дочь. Под руку не говори.

— А я не под руку, а под ногу...

Ветка, на которой стоял отец, с треском сломалась, и он едва успел хватиться за верхние ветки.

— Ё-кэ-лэ-мэ-нэ! — с этим возгласом и повис над землёй, упрятанный под тяжёлым брезентом. Папа замотал головой, а сбросить не может.

— Ты, это, Гош, погоди. Сейчас лесенку принесу.

— Давай, батя, шей-то не каменная. Оторвётся.

— Ну да, ну да... как же без шей-то голове быть? — запричитал дед, направляясь в сторону сарая. Возле лестницы старик неспешно несколько раз затянулся папиросой, осмотрел её со всех сторон, будто раздумывал: ещё курнуть или бросить окурочку.

— Да кинь ты сигарку! — подражая бабушке, шумнула я. — Давай скорее лестницу отнесём. Помогу тебе.

Дед дышал тяжело, пыхтел, как паровоз. Лоб покрылся испариной. Капля пота скатилась на кончик носа. Старик, направляя воздух губами, пытался её сдуть.

На пороге показалась бабушка.

— Внучка, ты воду принесла?

— Нет, ба...

— Почему?

— Папа повис...

Бабуля спиной оперлась о стенку и по ней медленно сползла вниз. Открытым ртом хватала воздух. Наверное, хотела что-то сказать.

— Да не переживай ты, сейчас драбину подставим с внучкой и снимем его, — попытался успокоить дед.

— Охти... ой! — закричала бабушка, не слыша его, — Лиза, скорее, горе у нас!

Лиза — это моя мама. Она выскочила из кухни.

— Ой, дочь, горе-то, какое горе! — раскачиваясь из стороны в сторону, заголосила бабушка.

Мы с дедом переглянулись. Мама медленно перевела взгляд от бабушкиного указательного пальца в сторону дерева. Из-под шлейфа брезента виднелись стопы отца.

— Жорочка, родненький мой! — возопила мама и прыткой кошкой

вскарабкалась на яблоню. И как у неё ловко получилось? Будто каждый день прыгала по деревьям.

— Ё-кэ-лэ-мэ-нэ! Когда же вы лестницу принесёте? — рассердился папа.

— Слава Богу! Живой! — расплакалась мама и уселась на ветку, шмыгая носом. Подолом юбки промокнула слёзы.

Тем временем мы с дедом поставили лестницу. Для устойчивости он вдавил её в землю, сказал:

— Ты это, Гош, правую ногу чуть приподними и немного в сторону отведи. Так... теперь вперёд подай... Во, молодец. Наступай.

Почувствовав опору под ногами, отец опустил руки, страхнув усталость и напряжение.

Я подбежала к бабуле. Помогла ей подняться. Она перекрестилась.

— Тыфу на вас. Это же надо, чуть до смерти не довели. А ты, старый, чего стоишь? Лезь вверх да помоги Георгию.

— Так я, это...

— Что — это? Чуть зятя не лишили. Внучка, возьми кочергу, подай деду, пусть подцепит и приподнимет брезентуху, и отцу будет легче освободиться...

Наконец, с помощью деда и кочерги отец выбрался из-под тяжёлой «заразы» — так мужчины обозвали тент.

Бабушка посмотрела на маму.

— А ты-то чего там расселась, как курица на насесте? Слазь. Время торопит, работы ещё много.

— А как я спущусь?!

Папа улыбнулся.

— А как взлетела, так и слетай.

— Ага, думаешь, я помню, как здесь оказалась?

— Ну, тогда вспоминай, пока с батей закрепим последний угол навеса.

Мама согласилась. Сидела на толстой ветке яблони, слегка болтала ногами и щурилась от яркого солнца.

— Фу-у, — с облегчением вздохнула бабушка. — Кажется, всё успели: столы накрыли, лавки и тент соорудили, принарядились. Пора и гостей встречать.

Я поправляла капроновые белые банты в косичках, которые смешно подпрыгивали на плечах, любовалась собою в зеркало, потому как мне очень нравилось голубое ситцевое платье с белыми оборками. Как сказала бабушка: «Оно под цвет твоих глаз, и ты в нём очень свеженькая». Свеженькая, как это? Я не поняла, но бабушке поверила: наверное, красиво. Мне не терпелось, чтобы мою «свежесть» оценили и гости. Я побежала выглянуть за калитку, будто почувствовала их приближение.

Папина бригада шла с весёлыми шутками мне навстречу. Кто-то вскрикнул, увидев меня:

— Ох, какой василёк прекрасный!

— Я не василёк, а девочка.

— Нет, это не девочка, а цветок луговой с синеглазками. Как зовут прелестного ангела?

— Прелестного ангела бабушка с дедом зовут внучкой, папа и мама — дочкой.

Мужчины переглянулись, и один из них с иронией сказал:

— Ты смотри... грамотные дети пошли...

— У умных родителей и дети неглупые, — подражая интонации взрослого, ответила я.

— Умный ребёнок, имя-то как твоё?

— Танюшка.

— Замечательное имя. А отведи нас, Танечка, к папе.

Мне почему-то захотелось быть не только луговым цветочком, синеглазкой и умной, но ещё и вежливой, воспитанной девочкой. Повела рукою по направлению к открытой калитке и в низком поклоне пригласила гостей.

— Пожалуйста, проходите, не стесняйтесь. Мы давно вас ожидаем.

После папиной бригады начала подтягиваться родня. Ох, как долго они подтягивались. Да как их много!.. Тёти, дяди, братья, сёстры двою-

родные и троюродные, ещё бабушки, дедушки да их дети, внуки, правнуки. Уже и сама запуталась, кто кому и кем приходится.

Вот так всегда: приглашаем к четырнадцати – являются к пятнадцати. И никто не думает о том, что мы голодные, как волки, и ждали всех с нетерпением, чтобы скорее сесть за столы и трапезничать.

Начались поздравления, тосты. Гостей много, а подарок – не очень. „Но зато ценные“, — так определила бабушка. Самым главным подарком был ламповый чёрно-белый телевизор «Рекорд-64», гордость не только Воронежского радиозавода и страны Советов, но и мечта всей нашей семьи. Обрадовал и другой подарок – электробритва «Харьков». Ему позавидовал даже дед. И я заликовала, захопав в ладоши. Надоело видеть лица папы и деда после бритья опасной бритвой.

Процесс подготовки к бритью выливался в настоящую церемонию. На никелированной спинке кровати висел широкий кожаный ремень с латунной толстой пряжкой. На ней – символика морского якоря с пятиконечной звездой, в центре которой был серп и молот. Это ремень моего отца, бывшего моряка Военно-Морского Флота СССР.

Снимался пояс с быльца кровати только в двух случаях: первый – опасный для меня, когда надо было убежать дальше, чем видела, потому как подлежала наказанию, и второй – когда папе надо было затянуть его на брюках. В основном его использовали, чтобы править опасную бритву. А правил дед её по своей, особой технологии. Сначала протирали ремень от пыли, затем зажимал оба конца пояса между средним, указательным и большим пальцами. Натягивал его и другой рукой под углом, который только ведом деду, почти плашмя плавно водил обухом лезвия вверх-вниз, вверх-вниз... Затем в пластмассовый стаканчик клал обмылок, немного добавлял воды и помазком взбалтывал до плотной пены. Густо наносил её под нос и на бороду. Поворачивая голову в профиль, косил глазом в маленькое настольное зеркало и, подтягивая кожу лица в разные стороны, аккуратно выбирал виски, щёки, подбородок и шею. После опасного и сложного занятия умывался тёплой водой, промокал влагу полотенцем и опять садился за зеркальце. Наливал в ладонь «Шипр» или «Тройной» одеколон, плотно смежив веки, растирал по лицу. От газеты отрывал белую полоску, отщипывал маленькие кусочки и, лизнув языком, запечатывал ранки. Папа тоже лепил «веснушки». Кровинки пропитывали бумагу, и с коричневыми конопутками, словно клоуны по арене, оба они выхаживали по дому. Так что электробритва «Харьков» была очень полезной и нужной вещью.

Перед вручением каждого презента звучали поздравления, тосты и шутки. Под шутки пили и ели, пели частушки, танцевали.

Весело играла гармонь. Дядя Витя, наш сосед, на ней наяривал без устали. Дедуля с бабулей уже чуть не пустились в пляс. Их ноги притопывали, ладоши прихлопывали. Ещё бы немного, и пошли бы они в круг «Барыню» плясать.

И вдруг! Замолкла гармонь.

Наступила мгновенная тишина. Взгляды устремились в сторону дома. А возле него стоял отец. Он успел сменить парадный костюм на морскую форменку с синим квадратным гойсом и белыми кантами. Из прорези ворота фланелёвки виднелась тельняшка. Брюки-клёш, подпоясанные ремнём с сияющей уже чуть не пустились в пляс. Их ноги притопывали, ладоши прихлопывали. Ещё бы немного, и пошли бы они в круг «Барыню» плясать.

Пять медалей блестя на груди: «За победу над Германией», «За боевые заслуги», «За отвагу», «За победу над Японией», «Адмирал Нахимов».

Папа улыбался.

И дядя Витя, подмигнув ему, растянул меха, пальцами пробежал по кнопочкам, дал несколько аккордов и запел в медленном темпе:

— Э-эх, яб-лоч-ко,

Ку-да ты ко-тишь-ся?

Ко мне в рот по-па-дэш

Да не во-ро-тишь-ся!

Ко мне в рот по-па-дэш

Да не во-ро-тишь-ся!

Папа завёл руку за затылок, залихватски сдвинул наперёд бескозырку. Молодецки вскинув голову, широкими шагами медленно, спокойно, не спеша валяжно прошествовал к гостям, и они расступились в круг. Пошёл по кругу, осматривая всех с достоинством, показывая свою осанку, горделивую походку.

Музыка постепенно усиливала темп, и каждый из присутствующих уже ощущал нарастающий темперамент и мощь танца.

...Эх, яб-лочко, пляска флотская,

Сходишь в кружок, братва матросская.

Ветра, шторма – дела обычные...

Вразвалочку ходить привычнее...

Пошёл моряк вразвалочку... Различными движениями в танце показывал всё, что происходило с ним и вокруг него. Вот разбушевало море, закачался корабль... Вдруг накатилась большая волна и смыла матроса с палубы... Кричи не кричи... шум моря трудно перекрыть. Только слышен грубый низкий голос буреви́стика: то гогочет, как гусь, то кудахчет курицей, то кряхтит и вздыхает по-старчески. Жмёт гармонист клавиши, и звуки льются, переливаются, спорят со стихией. И человек борется с волнами: то кролем плывёт, то брасом. На носочках стремится вперёд. Наконец! Взобрался по веревочной лестнице...

Мощно аккорды ударили, связкой зазвучал небольшой перебор, слился с плясовым наигрышем.

Моряк закусил ленты бескозырки, чтобы не слетела во время танца, заплесал, то широко раскинув руки, то подбоченясь. Лихо, удало и ухарски со свистом и пересвистом впрыскал, выбрасывая поочерёдно ноги вперёд, а при сильных отталкиваниях взмывал вверх высокими прыжками, растягивая ноги в поперечном шпагате. И в танце чувствовалась свобода, вольность матросской души. Глаза сияли воодушевлённо и радостно. Взгляд привлекал бесшабашностью и отчаянностью. Всеми движениями, поворотами, присядками, прыжками, качалочками и верёвочками, словно хотел оповестить: „Я люблю море! Я тоскую о нём! Я хочу уйти в море!“

Танцор под такт музыки бил в ладоши, бил по подошвам, ударял по настилу.

Гармонист, нажав кнопку, быстро сдвинул меха. Раздался мощный, призывный к особому вниманию звук.

Отец деловито подтянул рукава, воткнул большие пальцы рук за пояс, повернул голову в пол-оборота, загадочно посмотрел на гостей. Очень тихо, еле уловимая ухом, послышалась далёкая, мелкая дробь. Звук постепенно нарастал, приближался, становился сильнее, наконец, донёсся барабанным боем, насторожил присутствующих. Этот частый ритм моряк отбил ногами, будто предупредил: „Внимание! Сейчас – самое интересное!“

Интересное началось после музыкального проигрыша.

Гармонист наигрывал такты, растягивая и сжимая меха. Музыка звучала тихо, медленно; то ускорялась, набирая темп; то неслась быстро, буйно и бойко, казалось, что меха не выдержат и разорвутся. И вдруг замолкла на время, чтобы дать возможность гостям насладиться другой музыкой – музыкой чётки.

В лёгких движениях удивительного танца плясун ударял сначала пяткой, потом носком одной ноги, затем носком другой и так по очереди, меняя: носок-пятка, пятка-носок. Описывал круги ногами, при этом не сбивая ритма. Немного наклонившись вперёд, простучал всей ступней правой ноги и носком левой, и наоборот. Чередовал движения и скорость. Танцевал непринуждённо, показывая всем своим видом и улыбкой, как просты и несложны элементы чётки. Исполнение танца казалось игрой, забавой. Каскад разнообразных звуков, идущих от ударов стоп о землю, ладонями – по бёдрам и плечам, хлопками, перестуком и шарканьем, создавал замысловатый и ритмический музыкальный рисунок. Работали не только ноги и руки, но ещё и тело, каждая мышца и мимика лица.

Неожиданно всем послышался каданс* – и темп в чётке сбился. Я даже подумала: „Наверное, отец устал“. Запереживала и сунула палец в рот. От волнения откусила ноготь. Среди гостей пробежал шепоток, но вдруг кто-то выкрикнул: „Вот это матлот!“

Тогда я не знала значения слова МАТЛОТ, и мне показалось оно ругательным и оскорбительным по отношению к танцору. Ведь он старался, и у него хорошо получалось. Поэтому поняла его как обиду для папы. Мне стало его жаль. Больно и огорчительно приняла к своему сердцу. Слёзы закапали на платянице, оставив мокрые пятнышки. Наверное, он заметил мои слёзы и почему-то громче продолжил дробь. И этот «кто-то», которого я не приметила, выкрикнул:

— Вот матлот так матлот! Истый, настоящий матрос! Чётку морякнюк бьёт!

Послышались голоса:

— Ох... и правда!

— Точно, точно... чёт, что выделяет, окаанный!

От восторженных возгласов я успокоилась. Ко мне подошёл папин друг, обнял за плечи и спросил:

— Знаешь, что говорит тебе отец стэпом?

Я качнула отрицательно головой.

— Сначала послушай, потом тебе расшифрую. Тоже во флоте служил и морянку знаю.

Папа выбивал длинные и краткие звуки. Некоторые из них усиливал тональным ударением – хлопком в ладоши, а дяденька вслух повторял азбуку звуков:

Потом шепнул мне:

— Я тебя очень люблю, дочь. Не плачь, родная.

С удивлением посмотрела на папиного друга. А он пояснил мне:

— Твой отец так передал дробь.

Помню, моё сердце подпрыгнуло, и было готово вылететь из груди, и я хотела броситься папе на шею и расцеловать его. Но дядя Витя воспроизвёл аккорд:

...Эх, «Яблочко», пляска флотская,

Гуляй, дружок, душа матросская!

Пляши, браток, душа матросская!...”

И папа продолжил танец.

Прошло много лет и зим. У меня хранится снимок, на котором фотограф уловил фрагмент танца моего отца. Когда смотрю на фото, слышу аккомпанемент гармонии:

...Эх, яблочко,

куда ты котисься?...

И в этот момент очень хочется отбить самой чётку, и азбукой морзе простучать:

Я люблю тебя, папа.

*Каданс (от лат. *Cadere* – падать) – сбой, остановка ритма, музыкального такта.

Ольга Яралек

Детский автор. Член международного творческого объединения детских авторов (МТО-ДА), редактор детской страницы ежемесячной газеты «Интеллигент», выпускающий редактор детского электронного журнала «КВАНЯ».

Повышенная вредность

– Отстань.
– Я и не пристаю.
– Надо было за час выходить, тогда бы не летели, как сумасшедшие! – шипела я.

– Даже если бы мы вышли за час, всё равно опоздали бы! Тебе на остановке люди говорили, сколько времени автобуса нет? – на бегу умудрился пожать плечами Андрей.

– Значит, за два часа!

– Да зачем за два, нужно было ещё вчера выйти, точняк бы уже дошли. Я кинула на него, как мне казалось, испепеляющий взгляд, но ничего не ответила.

– И потом. Ну, опоздаем, так опоздаем. Вернее, опоздали уже. Чего там теперь рваться?

– Ты вообще можешь не ходить, а я не могу подвести человека. Как представлю, что она там стоит, ждёт, волнуется. Смотрит на часы...

– Ну, посмотрит на часы, и что?

– Болван!

– Смеяться некому. Два варианта. Посмотрит на часы и будет ждать дальше или посмотрит на часы и пойдёт себе. Ты, кстати, какой предпочитаешь?

– Я предпочитаю, чтобы ты от меня отстал.

– Я и не пристаю.

Я страшно не люблю опаздывать. А тут.... Вчера мама достала билеты для Андрюшкиной тётки на единственное в городе выступление какой-то знаменитости. Концерт как раз сегодня. Мы обещали эти билеты привезти тётке Гале к началу концерта. И вот какая история! Пришлось ждать автобус 45 минут! В итоге он не пришёл. Ну, кто мог подумать! Мы бежали, как только могли.

– Если она нас дожждётся, войдёт позже, что теперь поделаешь? – запыхавшись, говорил Андрей.

– Ногами шевели, а не языком! Вот, что поделаешь. Позор какой! Эти автобусы, их кто-нибудь контролирует?

– В каком смысле?

– В прямом! Когда они приезжают, когда уезжают. Нет, надо было через десять минут ожидания бежать к театру. Это всё ты: «Подождём ещё, подождём ещё», – передразнила я Андрея. – Вот и дождались.

– Ты чересчур ответственная.

– Я просто ответственная, безо всяких чересчур.

– И психованная.

Я внезапно остановилась и резко посмотрела на Андрея.

– То есть, нервная, – отпрыгнул он от меня.

– А ты безответственный пофигист!

– Зато у меня нервная система в порядке.

– Зато у меня совесть есть!

– У меня тоже есть.

– И где она?

– Дома храню. Чего с собой таскать? Потеряю ещё.

– Оно и видно. Это ведь твоя тётка, не моя!

– Я и говорю! Тётка-то моя, не твоя. Чего ты-то переживаешь?

– «Лучше молчать и казаться дураком, чем заговорить и рассеять все сомнения», – процитировала я зло.

– Во завернула! Повтори ещё раз. А я тоже знаю одну фразочку. Сейчас..... Сейчас..... Память не успевает за моим телом!

– Она в нём не живёт.

– Вот ведь какая ты невыносимая становишься, когда у тебя вредность повышается! Просто уму не постижимо!

– Что у меня повышается? – на ходу схватила я Андрея за рукав рубашки.

– О! Ай! Вспомнил! Вспомнил фразочку! Отцепись!

Я отпустила руку, и Андрей в два прыжка выскочил вперёд.

– Я на расстоянии от тебя побегу, а то, боюсь, у тётки станет меньше на одного племянника.

– И правильно. Сколько ещё времени? Сил нет. Я сейчас просто лягу на асфальт.

Мы выбежали на площадь, в конце которой стоял театр. Его входная дверь на расстоянии была с маковое зёрнышко. И тут Андрей как рванёт! Собрав последние силы, я кинулась за ним. Вернее, мне так показалось. Потому что на скорости это никак не отразилось. Я кричала себе: «Быстрее, быстрее!». Но ноги заплетались и передвигались точно так же, как и до моей команды.

– Эй! Ты куда? – прошептала я пересохшими губами самый глупый из всех возможных вопросов, но тут же успокоилась. Андрея хватило ровно на пять прыжков.

– Там «скорая»! Ты видишь? Там «скорая» стоит у входа! – закричал Андрей через плечо.

– И что? – почти неслышно произнесла я, но Андрей меня понял. Он остановился, нагнулся и стал тяжело дышать.

– Вдруг это тётка? Сил нет. В горле танцы ёжиков.

– Почему вдруг сразу тётка?

– По закону подлости. Ждала, ждала, – так же, прошептал Андрей, – очень попасть на концерт хотела. Поняла, что не попадёт – и всё!

– Что всё?

– Ну, что там в таких случаях бывает?! Я же не знаю!

– Ну, не умерла же она!

– Я сам сейчас умру.

– Давай хоть пешком пошли. Что мы тут стоим, раскачиваемся? Вон на нас все уже косо смотрят.

Андрей поднял голову.

– Т-к-а! – протянув руку, одними губами проговорил он, снова начав движение.

– Что?

– Т-к-а!

Андрей шёл на не сгибающихся ногах, вытянув впереди себя руки, как слепой. Я посмотрела ему вслед. К нему бежала тётка Галья. Я обрадовалась ей, как родной.

– Что? Что с вами? Вы в красных пятнах оба! Мокрые! – закричала она.

Андрей повис на плече тётки:

– Тётя, мы ограбили человека! Спасай. За нами погоня.

– А? – в ужасе вскрикнула тётка Галья.

– Он ак утит.... Вот леты.... – смогла проговорить я.

– Что? Ничего не понимаю, – хватаясь за сердце, проговорила тётка Галья.

– Шучу я так. Вот билеты. Ты опоздала? – на одном дыхании, закатывая глаза, проговорил Андрей.

– Что за шутки? Где вы были! Конечно, опоздала!

– Ну, минут на пять. Да? Не больше? – спросил Андрей.

– Мы автобус прождали, а потом сюда мчались, – уже внятно удалось проговорить мне.

– Всё понятно. Я побежала. Вот вам деньги на лимонад и мороженое. Охладитесь! Маме спасибо, Оля.

С этими словами тётка Галья заторопилась в театр.

– Вот для кого «скорая»-то была! – тяжело вздохнув, сказал Андрей.

– Для кого?

– Для нас, разумеется. Ты куда предпочитаешь, в реанимацию или сразу в морг?

– Слушай! Мне так хорошо, что я, пожалуй, ещё поживу.

– Хорошо?

– Ну да! Хочется лечь, закрыть глаза и улыбаться.

– Противоречивые желания. Или лечь, закрыть глаза и, наоборот, уснуть. Или улыбаться.

– У тебя что, вредность повысилась? – ехидно спросила я.

– Я заразился, – беззаботно ответил Андрей.

ИЗРАИЛЬ

Леонид Брайловский

Член Союза русскоязычных писателей Израиля. Диплом им. В.И. Вернадского «Зеленая планета». Диплом им. Риммы Казаковой. Диплом «За высокий уровень песен для детей» 2010 года. Диплом и кубок депутата Государственной Думы РФ Дмитрия Саблина «За высокую гражданскую позицию МТО ДА». Лауреат литературного конкурса им. Януша Корчака. Лауреат конкурса «Золотое перо Руси 2007». Обладатель национальной литературной премии и нагрудного знака «Золотое перо Руси 2008». Медаль А.С. Грибоедова. Медаль «За солнечную деятельность» (2011 год). Медаль TV «Поющая звезда». Орден С. Есенина «Золотая осень». Учредитель и руководитель Международного творческого объединения детских авторов (МТО ДА).

Сороконожкины ножки

Перед сном сороконожке
Нужно было вымыть ножки.
Развязать сперва шнурки,
Снять кроссовки и носки.
Все намылить, сполоснуть,
Полотенцем обернуть.
Но... взялась она за дело
И работа закипела.
В общем, споро дело шло.
Жаль, что солнышко взошло.

Сапог

Возле леса, у болот
Цапля белая живёт.
На одной ноге стоит,
За лягушками следит.
Проплывала мимо утка
И спросила: – Что за шутка?
Ну, зачем, хочу я знать,
На одной ноге стоять?
Отвечала цапля чинно:
– У меня на то причина!
Мне когда-то носорог
Подарил один сапог.

Обиделась

Шла по городу ворона
По зелёному газону,
По аллее вдоль скамеек
И ругала канареек:
– Вот, с утра уже поют –
Слово каркнуть не дают!

Пирог

В день рождения Носорог
Сам себе испёк пирог!
Просит папу Носорожка:
– Дай попробовать немножко.
Можно я лизну разок
Чудно пахнущий пирог!
Улыбнулся папа крошке...
А потом подмёл все крошки.
Почесал в раздумье рог
И ещё пирог испёк!

Неуклюж, как бегемот

Вдоль болот раззявив рот,
Шел большущий бегемот.
Сам в костюме отутюженным,
Поспешал к друзьям на ужин он,
Выставил живот наружу
И... свалился прямо в лужу.
– Фи! – промолвил старый крот, –
Неуклюж, как бегемот!

Не растерялся!

Чтоб запутать след лисе.
Зайка прыгал по росе –
Через кочку, через шишку
И... уткнулся прямо в Мишку!
Удивился «косопалый»:
– Заяц сам явился в лапы!
Видно, что-то тут не так,
Этот Заяц не протак!

Мишка сделал строгий вид.
А «косой» и говорит:
– Время трачу я с тобой!

Я тут гнался за Лисой.
Нужно ей намять бока,
Извини, Медведь. Пока!
– Ох, смысленный хвастунишка! –
Про себя подумал Мишка
И промолвил: – Ну, прощай,
Но Лису не обижай!

Я – художник!

Я себе на майку
Нарисую зайку,
А затем на спинку
нарисую свинку.
На штанишки – мышки,
На рубашку – шашку.
Сверху на фуражку –
Нинзю черепашку,
А еще на попку –
Медвежонка Стёпку.

Я подумал о еже,
Только места нет уже!

Так вкуснее

Я спросил у нашей кошки:
– Почему ты ешь без ложки?
Как ты кашу с молочком
Будешь кушать язычком?
И ответила мне кошка:
– Я ведь кушаю немножко.
Лапка кошки – не рука,
Да и ложка велика.
Если в мисочке мордашка,
Я намного ближе к кашке.
А чтоб было повкусней –
Молочка скорей подлей!

Вера Тансканен

Является членом объединения русскоязычных литераторов Финляндии «Иные берега». Принимаю активное участие в работе литературной интернет-газеты «Северная широта» в Финляндии.

В круг скорее, детвора!

Год окончен! Позади
Школьные занятия
А в подарок за труды –
Солнышка объятия!

Горн трубит: «Отряд, подъём!
Ребята, на зарядку!
Веселей! Бегом, бегом!
Стройся, по порядку!»

Быстрым-быстрым «ручейком»,
По луговой тропинке
Друг за другом босиком...
Спортивная разминка!

В круг скорее, детвора,
С улыбкой скажем дружно:
«Физкультурникам – ура!
Спорт нам очень нужен!»

Кот-проказник!

Любопытный и смешной
Бегал котик озорной!
Прыгнул смело прямо в грязь!
В глине лапками увяз!
«Ах, глупыш!» – ворчит свинья.
«Потревожил ты меня!
В тёплой луже отдыхать
Так приятно! Благодать!»
«Мяу-мяу! Я тону!»

Я сейчас пойду ко дну!»
Свинка хрюкает в ответ:
«Помогу! Вопросов нет!
Есть идея! Прост рецепт!
За крючок тянуть прицеп!
Ну, держись, за хвостик мой!
Вот проказник! Бррр-ысь домой!»

Колесо

Прокачусь на колесе,
Колесо квадратное!
«Вот чудак! – кричат мне все. –
Мысль неадекватная!»

Диалог о птице

- Воробей?
- Не воробей!
- Маленькая скворушка?
- Клюв – крючком, разлёт бровей!
Пёстрая головушка!

Не похож на петушка!
- Может, это – уточка?
Роста ровно три вершка -
Вот портрет!
- Минуточку...

Оперенье?!
- Удивлён: в сахарную крапинку!
Мудрый взгляд...
- Птенец умён?
- Своенравен «паинька»!

-Воробьиный сыч – сова -
«Барынька-матрёшка»!
-Зоркий глаз! – твердит молва.
-Хитрая, как кошка!

Ква-у-ква!

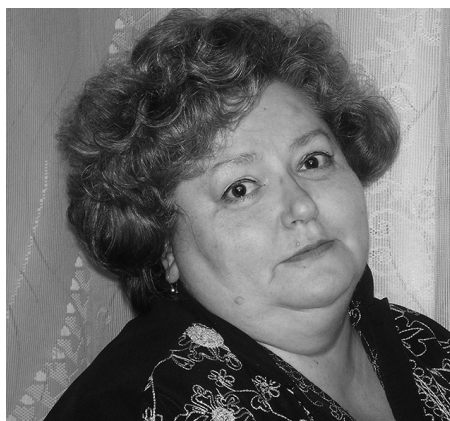
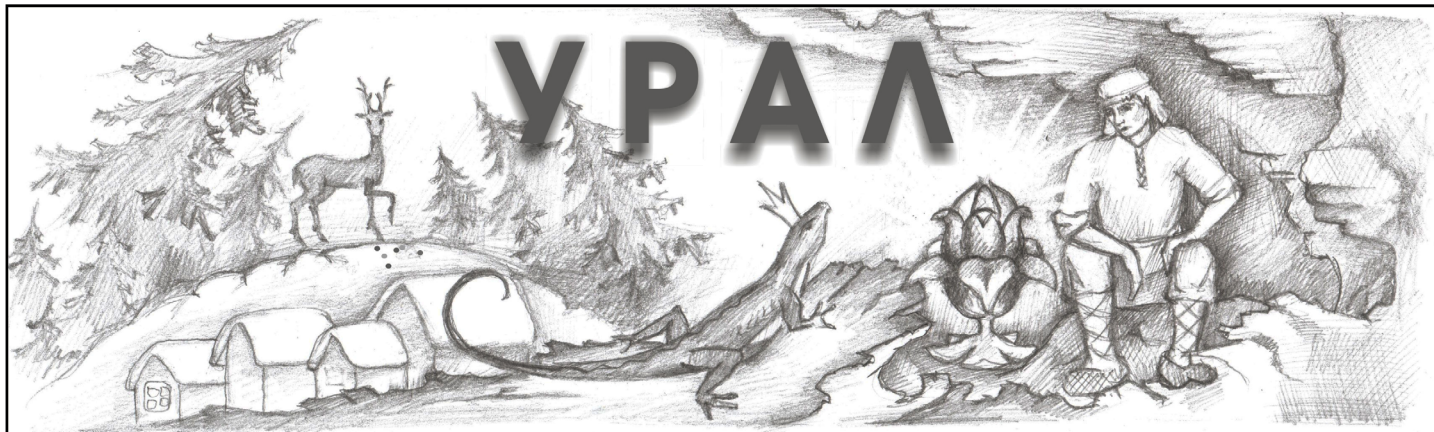
Хлынул дождь как из ведра,
Пузырятся лужицы,
В небе радуга. Ура!
Ручейки по улицам!

«Ква! Потоп, потоп, потоп!
У-ррр, как замечательно!»
Жаба квакнула: «Тепло!
Недосуг печалиться!»

Шлёпну лапкой по воде!
Заводи пропеллеры!
Ква-у-ква, и я – на дне...
Пальцы лапок – веером!»

Щука в зарослях пруда:
«Вот съем тебя, лягушка!»
Жаба смело: «Ерунда!
Моя идея лучше:

Так, внимание! На старт!
Заплыв по курсу - суша!»
«Ну, хитрунья, Ква-у-ква,
Тебя теперь не скушать!»

Надежда Сергеева

Родилась и выросла на Урале. Серьезно занялась творчеством на пенсии. Лауреат конкурса «Грани таланта». Победа в Золотом пере Руси в номинации «Поэзия». Три книги – «Я поделюсь душою с вами» - сборник прозы, «И руки просятся к перу» – сборник стихов, «Зелёные огоньки» – сборник сказов», много публикаций в поэтических и прозаических сборниках, СМИ.

Жужжалка

Да, задача нелегка –
Майского поймать жука!
Крылышки блестящие,
Поющие, звенящие!
Жук летит, жук жужжит,
И полётом дорожит!
И не хочет майский жук
Быть сачком пленённым вдруг.
Говорит он: «Жу-жу-жу,
Я все силы приложу,
Чтоб ловушку облететь,
Домой к уж-ж-ж-жину успеть!»

Мячик

Веселится мячик, скачет.
Бьют его. А он не плачет.
Буду я как этот мяч –
Сам себе скажу – не плачь!

Танюшкина подружка

У Танюшки есть подружка -
Не зелёная лягушка,
Не сова, и не кукушка -
Это вовсе не зверушка!
Не кастрюлька, и не кружка,
Не цветная погремушка.
Значит это – не игрушка!
И её не съест, как плюшку.
У неё четыре ушка,
Два больших и теплых брюшка...
Снов Танюшкиных подружка –
Белоснежная подушка!

Танюшкины варежки

У Танюшки, у сестрички
Потерялись рукавички!
Варежки пуховые,
Беленькие, новые...

Стали всей семьёй искать -
Посмотрели под кровать,
В холодильник, под столом...
Весь перевернули дом!!!!!!

А нашли мы их у Глаши!
(Глаша - это кошка наша!)
Ей на варежках Танюшки
Сладко спать... как на подушке!

Барабан

Пам-па-рам, па-рам, пам-пам
Мне купили барабан!
Почему же просит мама
И бабуля, и сестра –
Помолчать дать барабану
Ну, хотя бы до утра?

Мама заболела

До чего же хмурый день!
Небо в туче серой
Словно в шапке набекрень.
Серой кажется сирень,
Одуванчик – серый.

Серой ватой тишина
Всё укрыла смело.
Вид печальный из окна,
И не радуется весна –
Мама заболела.

Заварю для мамы чай
С мёдом и малиной,
Полной кружкой, через край,
Сладкий доктор, выручай!
Справимся с ангиной.

Только выпила глоток
Чаю золотого –
Солнце в небе, как желток!
Замечательный денёк –
В доме праздник снова!

Вам скажу я без прикрас,
Что улыбка мамы
Мир раскрасит в тот же час
В жёлто-золотой для нас,
Разогнав туманы.

Дождик

Ходит дождик по дорожке.
Бедный плачет без сапог.
Жалко мне босые ножки,
Я отдам свои сапожки.
Только бабушке – молчок!

Стану великаном

Стану я однажды выше папы ростом...
Буду – Великаном, а не взрослым просто..
Буду самым добрым,
самым сильным стану,
И для мамы звёздочку с неба я достану.

Положу я звёздочку в мамины ладошки,
И скажу: «Мамуля, отдохни немножко!»
За неё посуду сам я перемою,
Соберу игрушки и в шкафчик их закрою.

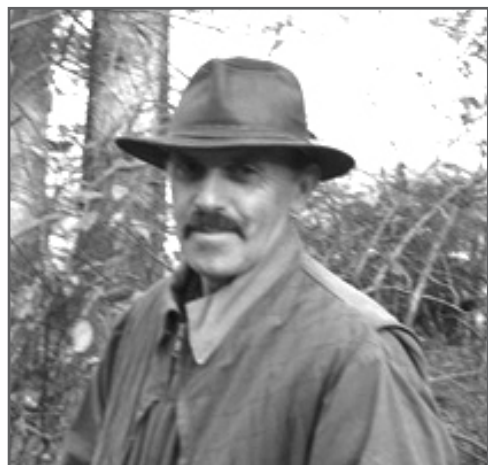
Замешу я тесто (я видел, я сумею)...
Трудности с начинкой легко преодолею.
Будут всех вкуснее пирожки
с картошкой,
А ещё с лесною ягодой-морошкой!

США

Игорь Калиш

Золотой дипломант и лауреат международной премии «Золотое перо Руси» 2011, 2012 и 2013 годов. Люблю наряжать Рождественскую ёлку и рассматривать облака. Пишу стихи для детей.

На море

На крутолобом ялике
Летаю вверх и вниз!
Солёных брызг хрусталики
Подхватывает бриз!
Играет небо с чайками
И пляшет над волной,
И проплывают стайками
Рыбёшки подо мной.

А мимо всех медуза,
Раскрыв прозрачный зонт,
К заливу Лаперуза
Плывёт за горизонт.

Счастливый лимон

Лимон привлекательной
Жёлтой расцветки,
На дереве жил,
Зацепившись за ветки.
Как пахли приятно
Лимонные щёки!
Под шкуркой бродили
Лимонные соки.
Но странно,
Никто не хотел
С ним водиться,
Не ела его
Ни букашка,
Ни птица.
Висел он под солнцем
Кислея, скучая.
Но вскоре увиделся
С Чашечкой Чая.

И звякнула Ложка:
- Душистому, здарсьте!
И сердце Лимона
Забилось от счастья!

Дождались

В переулке,
За углом,
Ждал жильцов уютный
Дом.
В этом доме,
У окошка,
Дожидалась ласки
Кошка.
Телевизор
Ждал скучая,
Чашки
Тихо ждали чая.
Под столом,
Играя в прятки,
Тапки ждали
Чьи-то пятки.

А когда
Открылись двери,
Чашки
Тут же зазвенели,
Кошка
Спрыгнула на пол,
Заскрипел довольно
Стол,
Телевизор подмигнул,
Замер
В стойке «смирно»
Стул.

Тапки,
Бросив игры в прятки,
Обхватили мягко
Пятки.

И вздохнув спокойно
Дом,
Весь наполнился
Теплом.

В парке

В парке ветер
Играет с листочками –
Вот кленовый
С румяными щёчками,
Вот дубовый
С оранжевым хвостиком,
Вот берёзовый
Спрятан под мостиком.

А за ними,
Присев на сучок,
Наблюдает
Осенний жучок.

Подарок для Овечки

Однажды соседке Овечке Барашек
Принёс в День рожденья букетик
ромашек.
Овечка сказала:
- Спасибо тебе!
И скусав подарок, добавила:

- Бееее.

Владимир Эйснер

Родился в 1947 году. Живет в Германии, в г. Ветцлар. Прозаик. Автор книги рассказов «Макарова рассоха». Член ЛИТО «Literaturkreis der Deutschen aus Russland». Публикуется в Германии, России и Америке. Лауреат ряда литературных конкурсов.

Сказка о камнеломке

Татьяне посвящается

«Цветы — это улыбка Бога на земле.

Кто созерцает цветы, творит молитву Всевышнему».

(Из арабских сказок).

Давным-давно, когда мир был ещё молодым, послал Всевышний Фею Цветов украсить землю. Рассыпала добрая волшебница повсюду семена самых разных цветов, а через год полетела проверить не нуждаются ли первые побеги в помощи и совете.

И спросила Фея у Розы:

- Не надо ли тебе чего, прекрасный цветок? Говори, я исполню твои желания!

Ответила благородная Роза:

- О, Повелительница! Дай же мне шипы для защиты и дай много солнца, и дай восхищение Человека во все дни моей жизни.

Взмахнула Фея волшебной палочкой и сказала:

- Да будет так!

Полетела волшебница к Тюльпану и спросила у него:

- Не надо ли тебе чего, прекрасный цветок? Говори, я исполню твои желания!

Ответил гордый Тюльпан:

- О, повелительница! Посели меня у всех на виду. И пусть Человек поклонится до земли, выкапывая мои луковицы.

Взмахнула Фея волшебной палочкой:

- Да будет так!

Полетела она к Астре и спросила у неё:

- Не надо ли тебе чего, прекрасный цветок, говори, я исполню твои желания!

Ответила нежная Астра:

- О, повелительница! Сделай меня похожей на звезду, чтобы Человек любовался мной, как частицей Вселенной.

Улыбнулась Фея, взмахнула волшебной палочкой и сказала:

- Да будет так!

Фея посетила много мест, где росли цветы, и с каждым исполненным желанием становилась земля всё нарядней и краше.

Чем дальше к северу улетала Фея, тем чаще попадался ей Человек-с-Рюкзак. Оставив жену и детей своих малых, ходил он путями нехоженными, искал драгоценные камни и золото, давал имена горам, озёрам и рекам и зарисовывал контуры берегов.

Наконец, прибыла Фея в очень холодное место, под на-

званием Северный Берег Таймыра, не увидела там цветов, присела на камень и задумалась.

- О, Повелительница! Камни холодные, ты простудишься! - услышала она вдруг голосок.

Изумлённая Фея осмотрелась и увидела семейку крошечных цветов цвета тающего льда. Росли они на каменистом берегу тундрового ручья, где и почвы-то нет.

- Вы кто такие? - удивилась Фея цветов.

- Мы камнеломки, мы тут живём! - ответили неприметные цветочки. - Будь же нашей гостьей, испей воды из ручья, отдохни, поговори с нами; мы рады встрече с тобой - нашу страну редко посещают путешественники.

Отдохнула Фея на берегу тундрового ручья, выпила его холодной, звонкой воды, рассказала камнеломкам все новости, какие знала, а напоследок спросила:

- Не надо ли вам чего, храбрые малютки, живущие в стране снега и скал? Говорите, я исполню ваши желания!

- О, Повелительница, у нас всё есть. Нам ничего не надо!

- Но здесь же холодно, может, перенести вас в тёплое место?

- Не очень у нас тепло, но мы держимся вместе и согреваем друг друга.

- Может добавить вам солнца, воды или хорошей почвы?

- Нам хватает влаги от туманов, над нами четыре месяца в году не заходит солнце. И почвы нам богатой не надо - мы небольшого роста и привыкли довольствоваться малым.

Удивилась Фея Цветов и сказала так:

- Милые цветочки суровой Арктики! За скромность и отзывчивые сердца примите же подарки: моя мантия коснётся лепестков ваших и станут они царского пурпурного цвета!

Скоро пройдёт здесь Человек-с-Рюкзак, остановится он полюбоваться вами. И ощутит аромат, похожий на запах новорожденного ребёнка, и задумается о путях своих.

Изображение Камнеломки войдёт огнем в гербы* многих северных городов и провинций как символ стойкости и мужества!

И да будет так!

И взмахнула Фея Цветов волшебной палочкой.

И стало так.

*Изображение камнеломки входит в герб провинции Нунавут в Канаде и в гербы ряда северных городов мира.

Марина Тараненко

Живу и работаю в Краснодаре. По образованию историк. Стихи пишу с детства, для детей – с 2004 года (после рождения сына Никиты). В 2007 году выпустила первый сборник стихов для детей «Чистюля», в 2009 году второй сборник «Царство послушания», в 2011 году третий – «Где вешают носы». В 2011 году стала серебряным лауреатом конкурса Национальная литературная премия «Золотое перо Руси» в номинации стихи для детей.

Абы Как

Так ли это, а может, не так –
В нашем доме живет Абы Как.
Абы Как заправляет постель,
Абы Как собирает портфель.
И рубашку, и школьный пиджак
Надевает всегда Абы Как.
Абы Как отвечает урок,
Абы как... А ведь лучше бы мог!
Это правда, иль скажете, враки,
Что живут среди нас Абы Каки?

Как слон хотел заниматься балетом...

Пришел к хореографу слон:
- Хочу заниматься балетом!
В ответ изумления стон:
- Да что Вы! Забудьте об этом!
Невиданно – слон на пуантах!
Идите-ка Вы в музыканты!
А лучше идите в поэты!
- Хочу танцевать пируэты!
- Какой же Вы, слон, упрямый!
Ведь есть цирковые программы.
Займитесь ушу, карате...
- Хочу танцевать фуэте!
- Найдите другое дело!
- Хочу я быть в пачке белой!
- Но пачек не носят мужчины,
В них пляшут одни балерины.

Задумался слон не на шутку,
Еще постоял минутку
И тут же забыл про балет –
Без пачки в нем радости нет!

Вздыхнул хореограф тихо:
А если была б слониха...

Где вешают носы

Часто слышу я вопрос –
Почему повесил нос?
Где повесил? Как же так?
Нос – не шляпа, не пиджак.

Я смотрю, смотрю кругом,
Обошёл уже весь дом:
Вот картина на стене,
Занавеска на окне,
Надо мной висят часы...
Где же вешают носы?..

Пропажа

Во дворце у нас беда,
Во дворце пропажа,
Целый день туда-сюда
Ходит-бродит стража:

- Потерялся?
- Нет! Сбежал!
- Правда? Это же скандал!
- От каких таких обид
Нас покинул Аппетит?

Королева причитает,
Плачет, бедная, навзрыд:
- Тут мороженое тает!
Где же этот Аппетит?

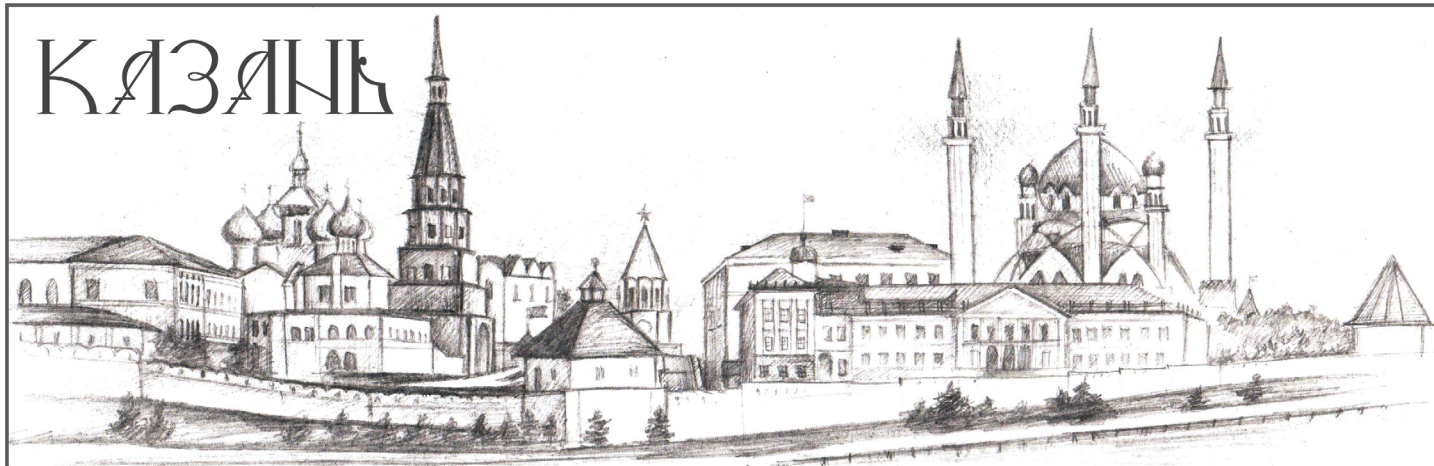
А король без Аппетита
Смотрит грозно и сердито.
Аппетит, как воздух, нужен.
Без него какой же ужин?

Не нанес ли Вам визит
Королевский Аппетит?!

Эскимо с ангиной

Я под деревом сидел,
Отдыхал на лавочке,
Полтора десятка съел
Эскимо на палочке.

А теперь горячий чай
Дома пью с малиною.
Видно, съел я невзначай
Эскимо с ангиною!

Юлия Сандлер

Родилась в Казани. Закончила Казанский электротехникум связи, Казанский государственный технологический университет. Участница литературной студии Наили Ахуновой «Белая ворона» при КГМУ. Публиковалась в журналах «Идель», «Татарстан», газетах «Казанский медик», «Еврейская улица», «Провинциальный интеллигент», в альманахе поэзии «Ковчег» литературной студии «Белая ворона». Автор нескольких книг. Лауреат XII Открытого фестиваля поэзии «Галактика любви» (2010). Обладатель Гран-при городского конкурса поэзии и авторской песни «Песня, гитара и я» (2010).

Странный господин

Луна сияла в небесах
Над городом ночным,
И город спал и, как всегда,
Цветные видел сны.
А по безлюдным площадям
Неоновых витрин
Беспечною походкою
Шёл странный господин.
Ботфорты выше голенищ
И в клеточку пиджак,
А на кудрявой голове
Велюровый колпак.
В одной руке он нёс фонарь,
В другой нёс бубенцы,
А из карманов пиджака
Летели леденцы.
Он шёл и песню напевал
Про вкусный антрекот,
А на плече его сидел
Пушистый рыжий кот.
За угол дома повернул,
И след его пропал...
О господине я не раз
В дальнейшем вспоминал.
И вот однажды в поздний час
Я сочинял сонет,
Вдруг за окном меня привлёк
В деревьях яркий свет,
И в нём знакомый силуэт
Я в тот же миг узнал -
На ветке дуба господин
Просматривал журнал.
Зевая, ветер шелестел

Желтеющей листвой,
На тонкой веточке фонарь
Качал над головой.
А кот мурлыкал на плече,
Хвостом бил по руке,
Он, оторвавшись от страниц,
Пошарил в пиджаке
И, сыра вытащив кусок,
Разрезал пополам
И половину дал коту,
И съел другую сам.
Закрапал дождь - он зонт раскрыл,
Снял с веточки фонарь,
Задул в нём свет и вмиг исчез,
Как будто календарь.

Портняжка

Портняжка славных летних дней -
Камзол расшит парчой -
За пояс ножницы заткнул
С хрустальной иглой.

Ну, до чего же он хорош:
Два дня тому назад
Он в небе облака ловил,
Чтоб милой сшить наряд.

У радуги он одолжил
Тончайший лоскуток,
Чтоб у единственной его
Цветной был поясок.

А нынче утром без зонта
Под дождем ходил,

И капли мелкие его
В напёрсток свой ловил.

И эти капельки потом
Нанизывал на нить,
Чтобы небесной чистоты
Ей бусы подарить.

Все, что угодно, для неё,
Лишь для неё одной,
Портняжка славных летних дней
Хрустальной шил иглой.

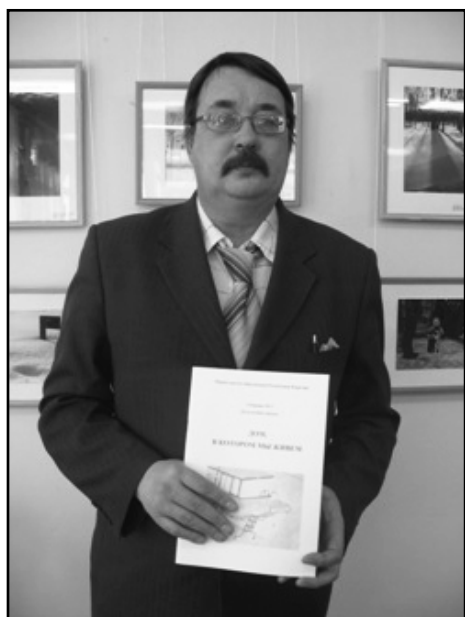
* * *

Шли путники погожим днём
На праздник в Армавир,
Палило солнце, и с себя
Картофель снял мундир.

«А мне что делать, плавлюсь я, -
Вздыхнул печально сыр, -
И как назло во фляжке скис
Любимый мой кефир!».

«Ах, если бы прохладой
Наполнился эфир,
Я сухофруктом бы не стал», -
Посетовал инжир.

Вот так и шли погожим днём
На праздник в Армавир
Три друга из окрестных сёл:
Инжир, картофель, сыр.

Андрей Сунгуров

Поэт, писатель и преподаватель, директор школы-интерната №23 г.Петрозаводска. Закончил филологический факультет Карельского государственного педагогического института в 1985 г.. А. Е. Сунгуров пишет стихи, очерки, рассказы, повести для детей и взрослых, которые печатались в журналах «Мурзилка», «Кипиня», «Новые рубежи», «Север», «Школьный вестник», в газете «Лицей», в коллективном сборнике поэтов Карелии «Волны трав». Первая книга стихов для детей называлась «Речка может простудиться?». В 2006 г. вышла новая книга писателя – «Волшебная зеленая страна».

Стекланный, оловянный, деревянный

Я за ними наблюдал пару месяцев. Загадочные петроглифы человеческой души! Простота печеного картофеля. И вместе с тем – нераскрытая тайна.

Седой покров сентябрьского тумана. Гулкое утро города. Тогда они еще были живы, и по-своему счастливы.

Приглянулся им влажный и теплый подвал пятиэтажки – не хватало тепла человеческого. Влаги хватало, благо «Тройной» продавали неподалеку в киоске, и пьяных слез пролито немеряно.

Мусорные контейнеры, словно реакторы подводных лодок, давали энергию, жизнь. В автономное плавание по океану-жизни отправлялись по разным причинам-обстоятельствам. Кто-то по пьяни потерял работу и квартиру, оставил якорь-семью на грунте. Кто-то погнался за длинным рублем, да угодил в мальстрим, разрушающий все надежды водоворот. Кто-то изначально родился рохлей.

Специалист по стеклянному тару был шустрый малый в клетчатом пальто.. Ловко он выуживал разноцветные банки и бутылки, иногда подолгу выдаивая капли пива или водки.

Коротконогий крепыш в желтом рваном комбинезоне таскал в пункт приема цветной металл. Не выветрились уроки пионерского детства! Даже станину от фортепиано (кажется, чугун, выкрашенный бронзовой краской) умудрился в одиночку дотащить на покатых плечах до заветного ангара!

«Деревянный» предпочитал яростно рвать коробки из

гофрокартона, перевязывая разнокалиберные пачки веревкой. Он запомнился по нелепо оранжевой бейсболке, качающейся над контейнерами, как бакен на волнах.

Странно, эти люди всегда одевались как-то приметно, вычурно. Сигнал для других: мы есть и будем? Вызов? Себе? Вам?

Стекланный, оловянный, деревянный... «Стекланный», «Оловянный», «Деревянный»... Вы не так устроены, не так. Вас необходимо запомнить. Вы – исключения. Одна лишняя буква-ген, всего одна, а уже не подходите под общее правило! Ис-ключ-ен-ие! Где бы найти тот ключ, который подошел бы к замку другой жизни?! Где же тот прочный корень, что цепко держится за жизнь?!

Что ни говори, а как мусорщики, они знали свое дело. Не растаскивали мусор собаки, не дрались за кусок съестного вороны и чайки.

Это понимал и усталый участковый, опрашивающий несколько дней подряд жителей соседних домов? Что? где? как? Молчали. Или, правда, не знали? Исключения. Исключительный случай стал правилом.

Их так и нашли рядышком в трюме-подвале.

Пятнадцатилетние забили палками. Просто так. Исключили из правил, исключили из списка живущих.

«Стекланный», «Оловянный», «Деревянный»... А сколько исключений в Рос..., русском языке!?!

Залман Штейлин

Родился в городе Витебске. Закончил Львовский Политехнический Институт. В Австралии с 1996 года. Печатался во многих русскоязычных изданиях. Лауреат поэтических конкурсов, финалист лондонского Турнира поэтов «Пушкин в Британии» 2007 и 2012г.г. Автор стихов, рассказов, очерков, эссе. В 2012 г. вышла книга поэзии и прозы «На костре своих строчек...». Публикации: «День литературы»; «Дон»; «Острова»; «Альбион»; «Лауреат»; «Автограф»; «Австралийская мозаика»; «Витражи»; «Интеллигент»; «Новая Неринга» и др.

Каждая женщина – Ева.
Каждый мужчина – Каин.
Если карга и стерва,
Значит коса на камень

Значит напрасно в мире
Летом трава и росы.
Значит не по ранжиру
Встречали весну и осень.

Значит даже с увечной
Тебе ничего не светит,
Если у этой женщины
Ты не один на свете.

Мир достается нежным -
Прочее не по чину.
Нет нехороших женщин,
Есть плохие мужчины.

Каждый мужчина мечен.
Снобы, ваш ценник плакал -
Нет некрасивых женщин,
Есть плохой парикмахер.

Снова улица пахнет дождем.
Я люблю этот влажный запах.
Он мне напоминает о том,
Как красив украинский Запад.

Черепица готических крыш
Под набухшим, тяжелым небом.
Говорили: «Наш малый Париж».
И все верили - кто там не был.

Чистых улиц домашний уют,
Весь пронизанный блеклым светом.

Целовались и там и тут
В листопаде с платановых веток.

Годы не повернутся вспять,
К тем восторженным самым, самым,
Чтоб бежать на свиданье опять,
Как в огне, на Высокий Замок.

Вновь и вновь под косым дождем
Я иду, погруженный в думу,
Размышляя о том, о сем -
Не практическом и не нужном.

Оказалось, не так далеко
Тайничок у меня припрятан:
Лоб суровый Ивана Франко
И агава у Альма Матер...

Мною всех не целованных женщин
Я прошу – извините заранее,
Что из большего выберу меньшее,
За мое к вам не приставание.

За мое к вам лишь платонически
Неумное, нежное чувство.
За отсутствие уз физических
Извиняюсь легко и грустно.

И зачем я прошу прощения -
Вряд ли вам будет интересно
Оголтелое увлечение
Но безадресное, хоть тресни.

Нет достойной альтернативы,
Виртуальной, уж вы поверьте,
Чем вздыхать: «Как вы все красивы!»
Безответно, зато до смерти.

Однажды утром я проснусь слепым -
Мир скроется за мутной пеленою.
И я в себе незримый мир открою,
Что был до этого невидимым, немым.

Однажды утром я проснусь слепым,
Чтоб научиться изощренно слушать,
Как шевелятся внутри тела души
И трутся о терновые шипы.

Однажды утром я проснусь слепым,
Чтоб ночь продлить в сияньи ярком света -
Час ворожбы для женщин и поэтов, -
И зов почувствовать нехоженной тропы.

Возраст – мундир надрывается куцый;
Возраст – зайдется в истерике глаз;
Возраст – зажившие швы разойдутся;
Возраст – попозже, потом, не сейчас.

Возраст, когда ты все реже и реже
Можешь сказать про себя – повезло
Возраст, когда ты попрежнему нежен,
Но поступаешь все чаще назло.

Возраст – не годы, они лишь личина
Как ночничка чуть струящийся свет.
Возраст, когда от друзей половина
А от врагов и того даже нет.

Возраст не годы – сплошное расстройство
От незначимого – лучше не трожь.
Возраст, когда места нет для геройства
И совмещается правда и ложь.

Возраст, когда все становится пресным
Мысль, разговоры, желанья, уют.
Возраст, когда тебе нравятся песни
Только когда их другие поют.

Инга Даугавиете

Родилась в Риге, окончила Латвийский государственный университет. Финалист и призёр ряда конкурсов, в том числе «Пушкин в Британии», «Эмигрантская лира». Публиковалась в журналах «Австралийская мозаика», «Интеллигент. Избранное» и «Витражи». С 1994 г. живёт в Мельбурне.

* * *

Только ей, потому как женщина, только так..
А над головой лохматые плывут облака,
В доме – стакан молока на столе, в духовке хлеб.
Замирать от запахов в до боли родном тепле.

Только ей, потому что мать, может – поймет.
Всю жизнь – по кромке, по краю. Ломкий лёд
Под ногой. Закрывая глаза, закусив губу –
Ей без слов рассказать. Пожаловаться на судьбу.

Но ничего не просить. Потому что..именно так.
Ну может чуть-чуть, для внучки (коса, ямка у рта).

Слепые глаза на иконе в углу заливают закат,
А в небесах – растекаются облака.

Ностальгия

До последнего круга – ладони на стол, и – вслепую
Оставлять на некрашеном дереве след ножевой..
Ты пойми, я ведь больше ничем, ну ничем не рискую –
Только телом своим. И душой.

До последнего тракта – таверн, итальянских trattorias,
Где вино – золотая тоска в виноградном плену,
На заплёванный пол, и, вжимаясь всем телом – до крови,
Проклинать этот город, религию или – страну.

До последнего слова – ни до и ни после, и вправе
Лишь последний – последыш, подкидыш – чужого не трожь!
Словно камень тяжёлый в старинной гранёной оправе
На помосте швыряет к ногам...И ломается нож.

* * *

Что происходит ? Листья – лавиной – вниз,
Вверх – по спирали – витрины, шпили, дома..
В этом городе денежных знаков и виз
Вновь наступает зима.

В этой стране, где день на день не похож,
И лишь во сне станешь самым собой
Невероятно, чтобы зимою – дождь
Выстукивал дробь по каменной мостовой.
В этом городе, где всё – сталь, стекло и гранит,
Где спуститься в метро – всё равно, что сойти с ума,
Я свечу задуваю, Мы снова с тобою одни
Не веришь? Лицо запрокинув к солнцу взгляни
И поверь – в который раз – наступила зима.

* * *

Найти бы место на земле –
чтоб для меня, и для него
В снегах, в степи..
И чтоб была река – на дно..
А вечером – бокал, вино –
И до утра – стихи..
Чужое небо – Южный Крест,
И незнакомый флаг и герб,
Захлёбываясь пустотой иных пространств –
Глаза горе, на серп луны –
Какие ночью видишь сны ?!
На языке какой страны
Молитв слова ?..
А помнишь – некогда, с моста,
Что выгнулся – над Той рекой..
У тонкого – в улыбке – рта
Остался шрам...А под рукой –
Янтарь... Нет места на земле...

Дина

Вдохом на первом слоге, и стоном – Ди-
На!... Слова застывают на языке.
Кольца твоих волос на моей груди,
Выдохом, эхом – имя твоё. Шехем.

Шёпот двоих осыпается вглубь ковров,
В кубке пылает нетронутое вино.
Спины рабов вздрогнут под серебром –
Сладкое право Дину назвать женой

Перед народом! Нитью красной прошит
Снег простыни...и – храмовых жриц наряд..
Смуглый мальчишка, только живи! Дыши –
Слышишь?! Владей душой моей, сын царя!

Тают ладони. Вниз по течению плыть.
Очи твои – так рубинам во тьме мерцать!
Лица богинь квадратны, тела – круглы,
Что мне – безликий Бог моего отца,

Братьев?! Зачем амулеты сжимать в горсти,
Если по венам – пятнадцатая весна –
В дрожь! О, если бы мне – сиротой расти.
И не узнать. Или – не вспоминать!

Тихо свернулась кошка клубком в углу,
Дочь рабыни играет кольцом ключей.
Мой господин, не кори нерадивых слуг.
Дай мне..ещё одну ночь. На его плече.

Юрий Вайсман

Родился в городе Калинковичи, что в Белорусском Полесье. Окончил Рижский политехнический институт, по специальности инженер-строитель. Автор двух сборников: «Исповедь» (1989) и «Рубикон» (1991). С 1994 г. живёт в Мельбурне.

* * *

В крике матери, с первым криком,
Звёздным эхом в земном эфире –
Чудом трепетным, чудом диким
Мы рождаемся в этом мире.

Вырастаем, и со слезами –
От кровати до табуретки,
Пьём ромашковыми глазами
Унавоженный опыт предков.

Вырастаем. От детских криков
До скандалов пустых и пьяных,
Вырастаем, – странная дикость
Переходит в дикую странность.

А по улицам бродит лихо,
В каждом доме – чужая стая,
В каждой стае – неразбериха...
Вырождаемся. Вырастаем.

* * *

Кого просить о пощаде
На небе или в груди?
Несчастье крадётся сзади,
Хотя оно впереди.

Мы долго играли в прятки,
Петляя. Меняя масть.
В начале пути – с оглядкой,
В конце – уже не таясь.

Какая была погоня!
Огонь заслонял огонь...
В прекраснейшей из агоний
Металась моя ладонь.

Скользя по ступеням шатким,
И падая, и крича...
Мы долго играли в прятки,
Но вот оно – у плеча.

И бестолку душу прятать,
И прятаться, и кружить.

Смешное слово – расплата.
Расплата – как способ жить!

А был у судьбы украден
Всего то – затёртый грош...
Кого просить о пощаде
Когда пощады не ждёшь.

* * *

Мгновение – и осень далека
Сопротивляться незачем и нечем.
Пусть не зима, а лишь её предтеча,
Не сам Господь, но всё ж его рука.

Мгновение – и мы обречены
Дышать на пальцы и писать на стёклах.
И зябнут тополя. И мир застёгнут
До подбородка, то есть до весны.

* * *

Закружит, запорошит, задушит
Среднерусская грусть с бубенцами,
И взорвётся, и вывернет душу,
И проступит по телу рубцами.

А потом по накалу куплета,
По количеству содранной кожи
Нас просеют на пыль и поэтов,
Иностранцев и просто прохожих.

Кто расценит – какая наука
Сколь причудливо и вдохновенно
Это хитросплетение звуков,
И слогов, и кровей в наших венах.

Эй потомки – готовьте награды.
Презирайте. Молитесь. Забудьте!
Выбирая меж Раем и Адом,
Мы слоняемся на перепутье.

Обречённые вещими снами
На безбожие милостью Божьей!
И витает над грешными нами
Скоморошеский дух бездорожья...

Наталья Крофтс

Родилась в г. Херсоне (Украина), окончила МГУ имени Ломоносова (Россия) и Оксфордский университет (Англия). Живёт в г. Сидней, Австралия. Автор двух поэтических сборников и многочисленных публикаций в русскоязычной периодике (в «Литературной газете», журналах «Юность», «Работница», «День и ночь», «Новый журнал», «Новый берег», «Австралийская мозаика» и многих других). Стихи на английском опубликованы в четырёх британских поэтических антологиях.

Австралия

Мы уплываем – словно шаткий плот,
чуть не слетевший вниз, в земную полость,
когда планета ринулась вперёд –
и древняя Пангея раскололась.
И мы – на ней. Пришельцы. Чужаки.
Колёсами цепляемся за камни
меж бесконечным морем и песками
и чувствуем – на нас глядят веками
чужих теней тяжёлые зрачки.
Живём в плену. Пустыня и вода.
Звоним глухим, усталым абонентам...

Мне страшно оставаться навсегда
в смиренной рубашке континента.

* * *

На развалинах Трои лежу, недвижим...
(Ю. Левитанский)

На развалинах Трои лежу в ожидание последней атаки.
Закурю папироску. Опять за душой ни гроша.
Боже правый, как тихо. И только завывли собаки
да газетный листок на просохшем ветру прошуршал.
Может – «Таймс», может – «Правда». Уже разбирать неохота.
На развалинах Трои лежу. Ожиданье. Пехота.
Где-то там Пенелопа. А может, Кассандра... А может...
Может, кто-нибудь мудрый однажды за нас подытожит,
всё запишет, поймёт – и потреплет меня по плечу.
А пока я плачу. За себя. За атаку на Трою.
За потомков моих – тех, что Трою когда-то отстроят,
и за тех, что опять её с грязью смешают, и тех,
что возьмут на себя этот страшный, чудовищный грех –
и пошлют умирать – нас. И вас... Как курёнка – на вертел.

А пока я лежу... Только воют собаки и ветер.
И молюсь – я не знаю кому – о конце этих бредней.
Чтоб атака однажды, действительно, стала последней.

Осколки

Разбиваются – опять – на куски
все мечты, что я держала в руке.
Барабанит горечь грубо в виски
и болтает – на чужом языке.

Поднимаю я осколки с земли –
может, склею – зажимаю в кулак.
Но мечты уже – в дорожной пыли:
и не там я – и не с тем – и не так...

Только вишенкой на рваных краях –
на кусочках – тёмно-красным блестит
капля крови – от мечты острия,
от осколка, что сжимаю в горсти.

* * *

Ты, конечно, забудешь и странное это безумье,
непонятный, неожиданный, смешной урагановый бред.
Ты вернёшься в тот мир, где до слёз надрывается зуммер
в телефоне пустом. И где найден удобный ответ

на вопросы «зачем», по каким неизвестным спиралям
нас несло через дни – чтоб, столкнувшись у края земли,
мы друг друга с тобой беззастенчиво, бешено крали
у стреноженных дней. И над нами шумел эвкалипт,

удивляясь неистовой страсти двуногих растений,
что пришли в этот лес – и расстаться почти не смогли.
Ты, забудешь, любимый. И только останутся тени.
Две счастливые тени – у самого края земли.

* * *

Я – жёлтый листик на груди твоей.
Меня на миг к тебе прибило ветром.
Вот и конец. И не найти ответа,
зачем в тиши изнеженного лета
поднялся ветер и, сорвав с ветвей,
мне дал на миг прильнуть к груди твоей.

* * *

Вслепую, наощупь,
судьбу подбираем по слуху,
научно трактуем причуды
планид и планет.
Подводим итоги.
Как взрослые – твёрдо и сухо.
По-детски надеясь на чудо.
Которого нет.

* * *

В любой из масок – или кож –
ты неизменно безупречна:
спектакль хорош!
Но вдруг замрёшь,
нежданно понятая встречным,
как беспристрастным понятым –
до глубины, без слов и фальши
дрожащих губ, до немоты...
Скорей к нему? Но немо ты
шагнёшь назад – как можно дальше
от беззащитной наготы,
когда – во всём, конечно, прав –
твой гость, не вытирая ноги,
придёт, чтоб разбирать твой нрав,
твои пороки и пороги.
Как театральный критик – строг,
внимателен и беспощаден
он составляет каталог
в тебе живущих ведьм и гадин.
Он справедлив. Отточен слог.
Ему неведомы пристрастие
и со-страдательный залог –
залог любви и сопричастия.
И ты закроешь двери, чтоб
свой собственный спектакль – без судей,
без соглядатаев, без толп
смотреть:
как голову на блюде
несут и, бешено кружа,
в слезах танцует Саломея,
как капли падают с ножа,
как Ева искушает Змея,
как Брут хрипит от боли в такт
ударам, завернувшись в тогу...

А критик видел первый акт.
Не более. И слава Богу.

* * *

Мир исчез.
Мгновения скользят.
В телефон я глупости шепчу.

Ум твердит: «Оставь его. Нельзя».
Сердце властно требует: «Хочу».

Через стык континентальных плит
я за сотни вёрст к тебе лечу,
сквозь «нельзя», которое болит,
к одному желанному «хочу».

И сомкнувшись так, что не разнять,
не унять и не остановить,
не понять запретов, не принять –
пьём одно кипучее «любить».

...Но уводит прочь моя стезя
от тебя. Ты куришь. Я молчу.
Глотку жмёт суровое «нельзя»
веру потерявшему «хочу».

Всё. Рука пуста. Реванш не взят.
По закону чести я плачу:
падаю на остриё «нельзя»
с выси недоступного «хочу».

Второй ковчег

По паре – каждой твари. А мою,
мою-то пару – да к другому Ною
погнали на ковчег. И я здесь ною,
визжу, да вою, да крылами бью...
Ведь как же так?! Смотрите – всех по паре,
милуются вокруг другие твари,
а я гляжу – нелепо, как в кошмаре –
на пристани, у пирса, на краю
стоит она. Одна. И пароход
штурмует разномастнейший народ –
вокруг толпятся звери, птицы, люди.
...Мы верили, что выживем, что будем
бродить в лугах, не знающих косы,
гулять у моря, что родится сын...
Но вот, меня – сюда, её – туда.
Потоп. Спасайтесь, звери, – кто как может.
Вода. Кругом вода. И сушу гложет
с ума сошедший ливень. Мы – орда,
бегущая, дрожащая и злая.
Я ничего не слышу из-за лая,
мычания, рёва, ора, стоны, воя...
Я вижу обезумевшего Ноя –
он рвёт швартовы: прочь, скорее прочь!
Второй ковчег заглатывает ночь,
и выживем ли, встретимся когда-то?
Я ей кричу – но жуткие раскаты
чудовищного грома глушат звук.
Она не слышит. Я её зову –
не слышит. Я зову – она не слышит!
А воды поднимаются всё выше...
Надежды голос тонок. Слишком тонок.
И волны почерневшие со стоном
накрыли и Олимп, и Геликон...

На палубе, свернувшись, как котёнок,
дрожит дракон. Потерянный дракон.

Моя Одиссея

Рассеян по миру, по морю рассеян
мой путанный призрачный след.
И длится, и длится моя Одиссея
уж многое множество лет.

Ну что, Одиссей, поплывём на Итаку –
на север, на запад, на юг?
Мой друг, нам с тобою не в новость – не так ли? –
за кругом наматывать круг

и загодя зная, что по волнам рассеян
наш жизненный путанный путь...
Слукавил поэт – и домой Одиссея
уже никогда не вернуть.

Ars poetica

Я ослеп. Измучился. Продрог.
Я кричу из этой затхлой бездны.
Господи, я тоже чей-то бог,
заплутавший, плачущий, небесный.

Вот бумага. Стол. Перо и рок.
Я. (больной, седой и неизвестный)
Но умру – и дайте только срок,
дайте строк – и я ещё воскресну.

Ксения Горохова

Дата рождения: 07.04.1986. Место жительства: Нижегородская обл., г. Арзамас. Публикации: в печатном литературном альманахе – Новые имена «Автограф» №10, 2014 г., в электронном сборнике – Лучшие работы конкурса «Понять себя», в альманахе – «Жарки сибирские», стихи №15, март 2014 г.

Счастья маленький мой островок

Посвящено любимому сыну Глебу Горохову

Бледно—жёлтое на голубом,
по весеннему небу, пешком...
...ходит солнце...

И я слышу, как над головой
ветер шустрый, шалун озорной...
...вслух смеётся...

Ты со мною, любимый сынок,
счастья маленький мой островок,
ты — блаженство...

Для тебя я рассвет разожгу,
брошу радость у краешка губ —
мир — торжества...

Для тебя разбуду стаи птиц,
чтобы пели нам песни, на «бис».
Ты — прекрасен...

Для тебя солнце я попрошу,
совершилось тепло, чтоб без шуб.
Мальчик — ясный...

Я тебе все цветы покажу,
в мир богатства, скорей, провожу.
Мой — хороший...

Моя часть, мой любимый сынок,
мой продолженный в жизнь островок,
моя крошка...

Бледно—жёлтое на голубом,
по весеннему небу, пешком...
...ходит солнце...

Громко слышно, как над головой
ветер шустрый, шалун озорной...
...нам смеётся...

Молитва поэта

Прости меня, Господь, за все не сложенные ямбы.
Помилуй, я взяла перо воспеть надежды их:
что строчки вечной доброй песней на бумагу лягут,
что будет жить на белом свете каждый новый стих.

Помилуй, я взяла перо: воспеть — Твои красОты,
пределы храма-дома, что зовётся шар земной,
воспеть, сей мир, воистину — красивый и особый,
сей мир, который выдуман не нами и не мной.

Прости меня, Господь, твоя навеки ученица
исправиться спешит, осозная, счастье — жить.
Прости меня, я честно обещаю: он, случится,
Твой каждый новый стих, что мне начертано сложить.

Подсказка — в философской лирике искать

Вот он идёт ко мне, уставший, но родной,
хранящий в строчках ритм — душевный, тихий ямб.
Пять дней разлуки срок, а кажется — давно,
я не брала пера, чтоб новый стих принять.

Как слышен шаг его меж выдохов секунд
в вечерних недрах сонных комнатных пространств.
Где встречи наши к творческой любви влекут.
Где вспышки мыслей — сумрачным цветам контраст.

И буквами следы на белый лист легли,
как отпечатки строк, искавших в речи клад.
Читатель, их найди среди письменных улик.
Подсказка — в философской лирике искать.

Прогноз любви

И дождь, и снег — и нет весны,
а есть дорога.
Дорога к дому моему
в стихи и в отпуск.

Пусть город наш лицом уныл,
но ради Бога,
не отвергай погодных мук.
Всё будет после:

и солнца яркого лучи
на светлой коже;
и летний дождь — творец грибов, —
прохладой с тучи.

Оставь печаль и не ворчи —
там будем тоже:
и ты, и я — равно любовь.
И нету лучше...

чем руки верные твои —
кольцом объятий,
и мысли тёплые мои.
Прогноз понятен?

Мир — гениально светел

Шелест листвы весной
шепчет душе о лете.
Крошечный лист, резной,
взгляд мой сейчас заметил.

Этот волшебный мир
создал, бесспорно — Гений.
Я его «раб-кумир» —
молекулярный, генный.

Любящий жизнь фанат —
факел, фонарик, филин.
Что существует «над»,
как в эпизодах фильмов.

В вечных начал эпох,
в круговороте смертном.
Точно, как хочет Бог,
чётко по всем приметам.

Шелест листвы весной
шепчет душе о лете.
Сказочный мир, чуднОй,
МИР — ГЕНИАЛЬНО СВЕТЕЛ.

Хорошая весна

Триптих

1. Это март

Среди пышных причуд занавесок,
ярко светятся солнца лучи.
Это март везде лампы развесил.
Это март в небе люстру включил.
Воробьи облепили кормушки
и чирикают, славя весну.
Хорошо, во дворе потому что,
когда свет с поднебесья блеснул.

Среди улиц, домов снова праздник —
разгулялась погода. Тепло.
Это март — весельчак и проказник.
Русский март, вместо тысячи слов.

2. Апрель и карандаш

Простым карандашом
апрель рисует дни.
Выходит хорошо —
в пейзаж окна взгляни:

вот дерева штрихи
и параллели крыш;
вот тени туч лихих.
Просто им шепчет: «Кыш».

Вот вертикали труб,
без дыма — налегке.
Их профиль чётко, груб —
застыл в воротнике.

Апрель и карандаш.
Весенних дней эскиз.
Зелёная гуашь
и первые мазки.

3. Видней

Во взгляде мая ясность и добро —
приветлив месяц к уличным гуляньям.
Улыбки солнца близость душ сулят нам.
Уж во дворах общается народ.

Звучит земля отчётливой весной —
секретов нет от форточек открытых.
На воле детская резвится прытькость,
всему, погода — летняя виной.

Чем статней дом и выше этажи,
тем очевидней их всезнайство судеб.
Кто понял жизнь, чужих людей не судит.
Кто понял смысл —
в себя любовь вложил.

Зелёный лик у светлых тёплых дней.
Насыщен город ярким колоритом.
А, в общем, лето во дворах творится
и каждый в них пред Господом видней.

Листок

Я влюбилась в пустой листок,
прилепилась строкой навек,
изливая тех чувств поток,
излучает что человек.

Как бы ни было — рай со мной,
белым пятнышком на столе.
Подойду, прошепчу: — родной, —
и поведаю мысль тебе.

Мне приятно счастливой быть
и делиться минутой сей.
Обо всём рассказать, не скрыть,
и довериться насовсем.

Мы сплелись воедино так,
что проходим не разлепить.
Для кого-то листок пустяк,
для меня — это способ жить!

Три точки...

Мне не писать — как не дышать,
и строчка тянется за строчкой...
Влечёт к стихам мой каждый шаг,
причём напористо и срочно...

Я поддаюсь — ступать легко,
по местности, где чистый воздух —
когда свободно, нет оков —
когда не нужно делать позу...

Мне не писать — как не дышать
и строчка тянется за строчкой...
Стихи для сердца — благодать,
поэтому в конце три точки...

Стих, прости

Я по замыслам зреющей ночи,
взглядом, будто дежурный вожу.
Месяц, в небе закрепленный прочно
опроверг беспричинную жуть.

Просто вспомнилась сказка из детства,
где парила по небу яга.
Как девчонкой боялась вглядеться
в её профиль летящий, тогда.

И визжат по шоссе чьи-то шины,
нарушая глубокую тишь.
Территория ночи обширна,
но мне хочется спать: — Стих, прости.

Тот самый амфибрахий, который шуршал в тенётах

Когда раскрывается утро,
направленным к солнцу цветком
и из колыбели уютной
выпархивать жизни легко...
Ты раньше собратьев проснёшься,
разбуженный зовом души —
в сплетённых намерении тенётах,
в строках,
амфибрахий шуршит...

Когда музыке воздуха мало

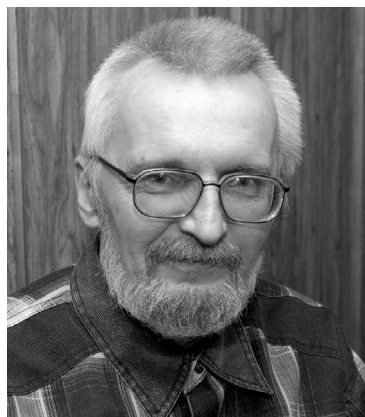
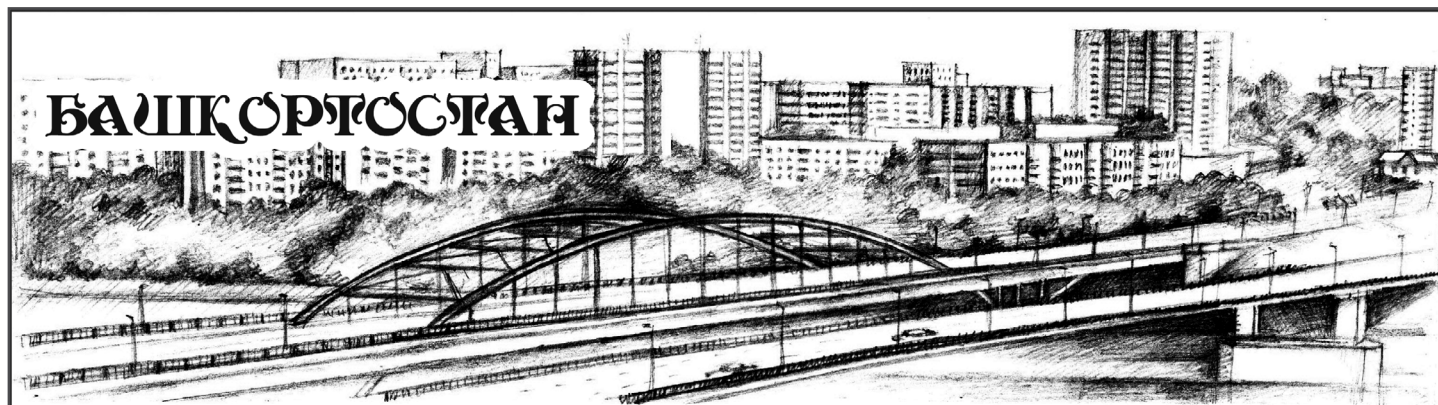
Когда музыке воздуха мало
в том сосуде, в котором родилась,
она ищет спасения в залах,
чтоб со зрителем слиться в
единстве.
Она рвётся на волю, как лошадь,
мужиком запряжённая в сани.
Она горло молчанию гложет,
тишину на кусочки кромсает.

Когда музыке воздуха мало,
ты услышишь дыхание Света.
И вздохнёт оно в актовом зале,
через горло сосуда-поэта.

Выбор сделан

Луна — клочок бумаги чистой,
оставленный для пары строк.
И ночь в окно моё стучится,
ища добычу, сон и кров.

И я в когтях её орлиных —
в колючих звёздах, (выбор сделан),
пишу те строчки торопливо.
Но всё же, смело. Очень смело.

Михаил Смирнов

Родился в 1958 году в городе Салават, печатался в нижегородских, московских изданиях, Интернет-изданиях, в различных сборниках. Победитель конкурса короткого рыбацкого рассказа еженедельника «Рыбак рыбака», лауреат ряда литературных премий, в том числе победитель Международного конкурса Национальной литературной премии «Золотое перо Руси», награжден медалями Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого.

Внутри рассвета

Много лет прошло с тех пор, когда я впервые попал на Ивановские обрывы.

Помню, меня удивило, что сюда приезжали одни и те же рыбаки, причем не все ловили рыбу, иные просто сидели по берегам на травяных полянах, о чем-то разговаривали, бесцельно и бездельно бродили среди подлеска, - такое поведение не свойственно рыбакам, большинство из них все же добытчики, к созерцательности не очень-то склонные. Между тем раз за разом я наблюдал именно такую картину: сидят дядьки у костров часами, словно замороженные... Словом, какая-то магия была у этих мест.

Околдовали они и меня.

Зачистил я сюда.

...Тихо шуршали шины по мягкой земляной дороге, выходящей среди полей с ровными рядами изумрудных озимых. Из предутренних сумерек свет фар изредка выхватывал неподвижные желто-коричневые столбики сусликов, торчавших по обочинам. Тонко и сладковато пахло пылью.

Машина остановилась недалеко от крутого спуска в просторную долину. Брат включил дальний свет – невдалеке появились очертания десятка старых домов, беспорядочно разбросанных по низине. Там и сям пепельно светились тропинки, по одной деловито спешила собака по своим собачьим делам. Я уже знал, что многие дома давно осиротели, заброшены, заколочены, зарастают вездесущей крапивой и татарником. На иных и крыши просели, обнажив стропила, похожие в сумраке на ребра неведомых чудовищ. Повсюду буйно цвела сирень, словно желая своей дикой красотой сокрыть убогость брошенного жилья. Покосившиеся, поваленные заборы открывали надворные постройки, тоже шаткие, словно притулившиеся друг к другу, чтобы окончательно не упасть и не рассыпаться. Журавль колодца сиротливо торчал на обочине, ведро на серебрищей цепи поблескивало – значит, есть в деревеньке люди, и жизнь теплится.

Я открыл окно в машине, потоком ворвался аромат сирени и земли, - видимо, тут недавно узкой полосой прошел дождик. Кругом запустение, необжитость, но земля все так же призывно пахнет, словно зовет к себе живых. Меня всю жизнь восхищает запах сырой земли.

Мы медленно спустились вниз. Лучи фар выхватили из слабейшей тьмы избу: в окошке мелькнул и тут же исчез багровый огонек лампы в красном углу. Сердцу стало тепло: еще одно подтверждение, что жизнь не окончательно покинула эту деревеньку.

Сразу за околицей открылась река. Запахло водой и речными травами, дымом костров. Галечная коса реки. Невдалеке по сторонам долину обрамляют темные стены, - это и есть Ивановские обрывы. Видимо, поэтому возникает ощущение замкнутого, но уютного пространства.

Странное, слегка тревожное, но и восторженное чувство охватывает человека, когда он оказывается в теснине предутренней полутьмы. Помни- гивают последние высокие звезды, холодные волны речного ветра скользят

по телу, хочется вдыхать и вдыхать тонкие ароматы воды, трав, тумана. Человек, маленькая пылинка природы, из праха пришедший и в прах возвращающийся. В такие моменты чувствуешь невыразимую горечь неизбежности расставания со всей простой прелестью окружающей природы. Протестует ум человеческий, но душа радуется отпущенному присутствию в этом утреннем мире. И полнится душа благодарностью к природе и скромным, но драгоценным дарам ее.

Я сидел на сырой траве, стараясь уследить каждое колебание камыша, осоки, таяния остаточных клочков тумана, всматривался в открывающуюся гладь реки, по которой смутными подвижными дорожками легли отблески костров, надеясь увидеть прогон щуки или жереха. Чуть доносился говор рыбаков, позвякивали их котелки и кружки. Разговорился и картавый перекал. Бух, бух, бух! – рыбаки начали бросать в воду шары прикормки.

– Вон, мужики уже вовсю... – проговорил брат недовольно. – А мы все чего-то смотрим и смотрим. Что тут смотреть?

– Природу, – вздохнул я и обвел рукой окоём, словно был хозяином его.

– А чего ее смотреть-то? – пробурчал брат. – Чудной ты стал, Миша- ня. Природа она и есть природа. Никуда не денется. А утро пройдет.

...И то правда, брательник. И утро пройдет, и мы пройдем, а природа останется.

Сумерки превращали прибрежные кусты в пришедших на водопой горбатых животных. Недалеко длинный остров, поросший осоками – они тоже превратились в рать грозных великанов, стерегущих воду. По мелководью с беспорядочными всплесками, хлопая пастью, наконец-то пронеслась неловкая щука, преследуя верховую рыбку. А я все сидел на земле, над рекой и внутри рассвета.

Оповестил в деревне о себе первый петух. Тут же началась их перекличка. Слабенько проблеяли овцы, мыкнула корова, наверное, пастух идет по деревне, собирает стадо.

Из-под обрыва вылетела стая ласточек- береговушек и понеслась над рекой, некоторые задевали воду, оставляя на ней тонкие штришки, усы.

А я сидел и осматривал окрестности – в рассвете все меняется на глазах. Счастливо успокаивалась душа, все суетное, насущное забылось и отлетело. И я стал частью утра.

Вот, наверное, в чем разгадка любимых моих обрывов, вот в чем магическая привлекательность этого места и причина моей любви к нему: именно тут мне удастся достичь блаженной гармонии между мной, сырым и смертным, и бессмертной красотой природы. Природа, конечно, везде по-разному прекрасна, но у человека, кажется мне, всегда есть именно то «окно», то любимое место, река, опушка, долина, где он лучше всего ощущает ее: вспомните свои самые длительные путешествия: и перед внутренним взором предстанет какой-то конкретный уголок, где все предметы – растения, камни, ручей и облако над ним – сложились в единственную незабвенную гармоничную композицию. Это и есть твоё окно в природу, человек суетный.

БЕЛЬГИЯ

Майя Шварцман

Родилась в Екатеринбурге, закончила консерваторию, работала в оркестре театра оперы и балета, ныне скрипач Симфонического оркестра Фландрии. Печататься начала в 1984 г. Из России уехала в 1990 г. Живу в волшебном г. Генте (Бельгия) с волшебными же детьми.

СТИХИ О ВОЙНЕ

LAST POST

*Pro memoriam J. McCrae & A. Helmer
В двенадцать часов по ночам
Выходит трубач из могилы...*
В. Жуковский.

Копьями, бомбами, ядрами ли баллист — мир добывает трупы. Боеприпасы все подойдут. Какой бы артиллерист соус ни выбрал, пушечным будет мясо. Списки убитых в меню фронтовых газет неукоснительно свежи; вот разве слабо мелкий шрифт отпечатан, так их уж нет, стоит ли чётче? Просто урок масштаба.

Азимутальной вилкой берёт буссоль лакомый кус ландшафта. Обед военный. Тихий пейзаж до нутра расцарапан вдоль и поперёк трезубцами наступлений. Тишь на позициях — это всего лишь вдох перед зевотой смерти. Окопный бруствер так же не в силах полусырой горох тел уберечь, как мир не спасти искусству.

Тонко жужжат названия: шрапнель, картечь, виккерс. Затвердевает воздуха панцирь. Ставит флажки на западе маршал Френч, и на востоке гнётся над картой канцлер. Планы — в штабных вагонах, а на земле круг повседневности задан другим калибром. Пули — крупней шмелей, а поля в желе из человечины превращены под Ипром.

«Что вы не спите, Хелмер?» — «А вы, Мак-Крей?» — «Сыро в траншее, и, знаете, мучит астма. Вот допишу стишок и пойду.» — «Ей-ей, мне не уснуть. Мы все здесь вроде балласта.» — «Вы ещё молоды, Хелмер, вам жить да жить, а отдыхать положено по уставу.

Полно, ложитесь. Вот померим прыть бошей, и вы вернётесь в свою Оттаву.»

В месиве грязи преют тела солдат. Тише ходи, часовой, что оружием звякать... Пологом плащ-палатки укрыл закат спящую на полях человечью мяготь. Ближе к рассвету с востока приходит хмарь матовой тучей, насквозь проникая в фибры, жёлтым удушьем вея... Не дым, не гарь — облако цвета горчицы плывёт над Ипром.

Нет ни свинца, ни молний в одышке туч. Значит — пора домой? Позабыть атаки, взрывы, окопы, цензуры штабной сургуч?.. Странно качаясь, спят полевые маки. Взводы хрипят, эскадроны несутся вскачь. Полупрозрачной походкой неуставною по облакам шагая, идёт трубач, в небо летит и играет сигнал отбоя.

СПАСЕНИЕ

Доброй охоты, он сам бы себе сказал, если б умел говорить. Не спеша, пружиня, хамелеон выходит, сонлив и вял, из убежища ямки...

Вчера в пустыне было так людно, вылезти не удалось: рыли, гребли, возились... как будто мало шуму и без того.

Горизонт порос новым видом колючек. И набежала стая неведомых запахов. Неспроста. Он начинает медленно двигать телом от роговой зашеины до хвоста, слабо качая гребнем оцепенелым. Он нерешительно топчется на песке и замирает с подсохшим от страха нёбом: что это здесь? И там, и вон вдалеке: много полузасыпанных, с несъедобным видом вещей... Правда, это теплей земли и не шевелится. Можно залезть погреться.

Если б ещё жучка. Но — шаги вдали.
Шаркают вразнобой с перестуком сердца.
Он по привычке медлит, глазами врозь
нервно вращая и челюсти сжав устало.
Поздно. Он прижимается на авось —
если бы знал он слово, сказал — к металлу.
Нет, не успеть. Ни щели, ни бугорка,
где бы он мог хотя бы наполювину
скрыться. Но есть ещё хитрость.

И он слегка
пыжится — и принимает окраску мины...

ТОЧКА, ТОЧКА, ЗАПЯТАЯ

Мать сердилась: сто раз говорила! Что лезешь опять
в грязной обуви! И обнимала с ворчаньем, оттаяв,
отрывала лепёшки кусок или край каравая,
но, шлепка поддавая, вздыхала: устала стирать.

Как давно её нет. Ведь всего-то ушла за водой.
Без неё автоматы и взрывы, и тьма бородатых,
убивающих точно таких же, в пятнистых бушлатах,
и разбитый платан, и пропавшее слово «домой».

У него потерялась машинка. Держал в кулаке,
вместе с прочими прячась в подвале, пока не нашли их.
Видно, там уронил, или просто пропала в клубке
копошащихся тел, измождённых, замызганных, вшивых.

Их не сразу слышали, долго вскрывали подвал,
выводили наружу, считали, делили на группы,
и какой-то солдат всё ладонью ему закрывал
пол-лица, чтоб не видел на улице страшные трупы.

Их кормили и мыли. Детей вызывали попарно,
перед ними садились на корточки и по щеке
торопливо трепали — по-дружески, накоротке,
повторяя слова «представитель» и «гуманитарный».

В грузовик залезая, он мучился, что не сумел
объяснить: ведь ему уходить не велели из дома.
В ожидании отправки им дали на аэродроме
в разноцветных пакетах печенье, игрушки и мел.

...Черноглазый ребёнок берёт из коробки мелок,
выбирает участок почище, встаёт на колени.
Он рисует кружок головы, без штриховки и тени,
и обводит её треугольником — это платок.

Он выводит большую трапецию — это халат
или платье, не вспомнить. Две белые палочки: руки.
Два цветочка ладоней. В раздумье склоняется над
пустотою лица, вспоминая в отчаянной муке.

Он рисует глаза и улыбку. Глядит изумлённо,
узнавая, и тихо ложится на сумрачный пол,
к нарисованной матери, скорчившись, в самое лоно,
прежде сбросив ботинки, чтобы ей не испачкать подол.

ДОЧЬ

Пролетающий стриж выстригает прозрачную надпись,
и медленно воздух смыкает пореза края.
Первый холод — нитрат серебра, в просторечии ляпис, —
прижигает царапины ветра и ранки жнивья.

Шелестя, облетает в саду пятистопный анапест
с порыжевшего клёна, туман вертикально кроя.
Ударения капель роняет шиповник, разлапист,
в безударные слоги травы, повилики, репя.

Календарное лето подходит к поре опечаток.
В плотном тексте житейского опыта светится брешь.
Тесно набранным шрифтом зерна тяжелеет початок.
Листопад открывает эпоху прощальных депеш.

Загорелый сентябрь идеально подходит для прятка,
пестроту его впору приходится каждая вещь:
бегодня детворы и мельканье их солнечных пяток,
беззаботность мяча и кружение жёлтых одежд.

Перламутовым свистом, вдогонку чижа, свиристам
ты в прозрачном саду оставляешь невидимый след
на бегу вдоль созвучных бегоний, в «ау» средь расщелин
за оврагом, где в заросли мятлика врос бересклет.

Мимо вечнозелёной ограды, опутанной хмелем,
мимо саженьцев дней и ещё непророшенных лет, —
ты летишь напрямик, и в грядущее ярко нацелен
твой стремительный бег и улыбки твоей арбалет.

ГЕОЦЕНТРИЗМ

С точки зрения птиц технология жизни —
в расстановке деталей, в сочетаньи частиц.
Это крошки и зёрна, это черви и слизи,
мошкara и стрекозы (с точки зрения птиц).

Поднимаясь над морем, зависая над бездной,
пролетая над лесом выше ив и берёз,
видя брачные игры облаков и созвездий,
топографию мира птицы учат всерьёз.

Птицы верят глазам и, пространство дырявя,
ударяясь о космос, выси пробуя до
колотьбы за грудиной, убеждаются в яви:
в основании — плоскость, в центре мира — гнездо.

В ликованьи полёта, в лучезарном паренье
правоту очевидцев возвещают — прямой
не бывает (конечно, с точки птичьего зренья) —
и кричат в поднебесьи: «Птолемей! Птолемей!»

* * *

В Венеции, что, золотой подвеской
с цепочки соскользнув, в залив легла,
теперь венецианского стекла
(заправского, чтоб не из Поднебесной,

по сувенирным лавкам) больше нет,
пожалуй, кроме ярких глаз кошачьих,
что смотрят с холодом туристам вслед,
не соблазняясь мелочью подачек.

Как бусы, украшающие ворот,
коты на входе в гавань, у снастей.
Подмокшей репутацией своей
гордятся, как и весь промозглый город.

По развороту площади Сан Марко,
исшарканному сотнями подошв,
проходит кот, надменнее, чем дож,
готичнее дворца в ажурных арках.

Коты везде: вдоль улиц и канав,
на низких подоконниках и сизых
от влаги парапетах, на карнизах —
сидят, безглаголиво лапы подобрав.

Им подражают местные мосты
и спины гнут, поджав худые брюха,
и лапами опор туда, где сухо,
встают, блюдя каноны чистоты.

Когда коты снисходят до еды,
то покидают мраморные глыбы
палаццо, и в порту, на все лады
мяукая, выпрашивают рыбу.

На изваянья львов, на их зады,
присевшие в собачьем послушаньи,
кошачья ассамблея у воды
глядит с презреньем, поводя ушами.

Уж не от их ли глаз светлей приборя,
не от грудного ль мур произошло
лучистое, зелёно-золотое,
янтарное муранское стекло?

Великобритания

Георг Чёрный

Доктор химии, около 15 лет проживающий в Соединённом Королевстве, автор многочисленных публикаций и более 900 стихотворений. Первооткрыватель, теоретик и популяризатор психоделики-пи - нового литературного направления, построенного на интуитивном использовании элементов прикладной психологии в сочетании с широким арсеналом чисто литературных приёмов, с целью усиления направленности текста на читателя. Победитель и финалист многих сетевых конкурсов, основатель международного лито Творческая Мастерская ЕЖИ и Литературного Сообщества Психоделика.

Genesis

*В начале было Слово,
и Слово было у Бога,
и Слово было Бог.
(Иоан. 1, 1)*

В Начале было Слово.
Слыша речь,
Он затихал — и мир рождался в муках, —
в молчащем поле, в небе, во дворе,
в котором тоже не было ни звука...
Он, видимо, хотел создать слова
из самого скупого матерьяла,
какой нельзя ни сшить, ни разорвать,
в котором нет ни складок, ни изъянов.
И вот, представь, нашлась такая ткань.
Но чем её кроить и как торочить?
Он развернул её, и с потолка
упала темнота — и стала Ночью.
Он вдруг увидел: заросли фонем
растут по всей земле, но кто их сеял?
Зачем они взошли, по чьей вине, —
давно употребляемые всеми?...
И тут Он сам впервые осознал,
что нет, да и не может быть, Начала,
как нет его у раковины Сна,
в котором бы Реальность ни звучала.
И нет Тебя совсем, и Слова нет,
а если бы и было это Слово,
Ты не пошёл бы с ним встречать рассвет
туда, где океан во льды закован.
Достигнув сокровеннейших глубин,
взмётнёшься ввысь, как ворон из колодца,
где Слово-раб, оно же — Господин...
Ты замолчишь — и речь Его польётся,
затем, чтоб мерой смысла не служить,
не учреждать вмещающие рамки;
затем, чтоб возникающую жизнь
озвучивать и ей служить гарантом;

воссоздавать весь мир от “аз” до “ять”
и хоронить в молчании, и снова
рождаться, жить, любить и умирать —
на языке, в котором нет ни слова.

Жёлтые сны султана Сулеймана

Четырнадцать жён утонули в зыбучих песках.
Четыре скончались от ядов болотной воды.
Ещё восемнадцать разбились, свалившись со скал.
Последние семь потерялись в прозрачном, как дым,
осеннем лесу. И остались — холодный закат,
грустящий по жёнам султан и, от близкой воды
озябший, незрячий визирь. Переставший искать
султан затолкал его в реку, ударив под дых,
и долго потом наблюдал, как несчастный плывёт
не к берегу — ближнему, дальнему — речки, а вдоль,
и молит о помощи — жалко, гнусаво... но вот
его голова тоже скрылась под быстрой водой.
И, может быть, это удача, а, может быть, нет:
султан, оказавшись один на один с тишиной,
забыл своих жён, разбежавшихся слуг, звон монет...
нашёл своё сердце — и стал на минуточку мной.

Уходящий в море

В память Бориса Блинова

Уходящий в море спит. Дорожка лунная
мчит его, не беспокоя гладь непресную.
Не плывёт Ясон за золотыми рунами,
не томится люд — печалью и болезнями.
Лишь колеблется и видоизменяется
та вода, в которой слепо, как зашитые,
преобладают неизменные черты лица,
растекаясь, — ахеронами*, коцитами**...
Тонким светом глубина её пронизана,
и не помнит в тишине она, бездонная, —
ни про твердь, разъединённую границами,

ни про жизни, разделённые кордонами.
Холодит сердца прохлада предосенняя.
Уходящий в море — вдалёк скользит под месяцем,
перешедший все черты невозвращения,
но хранящий мысль — однажды снова встретиться...

**Ахерон (др.-греч. Αχέρων — «река скорби»). Согласно одному мифу, Ахерон — это терпящий наказание титан*

***Коцит (Κόκυτος) - приток р. Ахерона в Эпире, рано перенесен был греческими мифами в подземный мир, как река в Тартаре. К. ("река плача и стенаний")*

Дом на Big River

Так бывает: поставишь свой дом у глубокой реки, а соседи — зачем-то — вокруг понастроят мостов, да таких, что под ними сумеет проплыть даже кит — по течению вниз, по течению вверх, миль на сто. А река вдруг возьмёт и иссякнет: сперва обмелев, превратится в ручей, — в нём осёл не замочит копыт, а затем совершенно исчезнет под кожей полей, пустырей и дорог, и лугов, сикамор и раки. И от бывшего русла останутся только мосты, обрастая всё больше — лишайником, сорной травой; и продолжают стоять — обелисками планам пустым, высоко возносясь над пучиной невидимых вод, — до тех пор, пока их не растащат: строительный люд очень ценит хороший, притом даровой, матерьял; а на месте мостов огороды разбить — тоже в плюс человеческой тле, колорадским жукам, муравьям... А зачем было строить, — зачем, для кого возводить? Те, кто строил мосты, помудрев, убедились в тщете иллюзорных побед над текущей природой воды — и отправились с миром, оставив тебя в нищете. Только ты всё живёшь в своём доме у быстрой реки, непривязанный к ней, — не заметив, что речки и нет. Мимо окон твоих каждый вечер несут рыбаки свой улов, часто путая — воду и меркнувший свет. И река полноводна, и просится из берегов. Вот твой домик над ней покачнулся, как Ноев ковчег, приподнялся и вниз к океану поплыл, — оттого, что ты так никогда и не задал вопрос "а зачем?"

Пятое время года

Бог комнаты вращает крылья стен.
их плоскости несущие поют
осанну — разлетающимся тем,
кто знает, что находятся в раю.
Частицы пыли — звёздные миры;
на них живут скопления бацилл...
Мир уникален. Бог неповторим,
поскольку всех за всё давно простил.
...Я жизнь зачем-то превратил в мечту.
Неплохо, да. — Но где теперь мне жить?..
И человек, и зверь меня бежит,
бегут — луна и вереницы туч...
Я стал водой — и вылился в залив.
теперь я море, только где в нём — я?..
И вот — пришли коллеги и друзья
и множество букетов принесли.
И вдруг нашлись — и море, и закат,
и тёплый ветер сквозь ладони пальм...
И видит кто-то, кто всю жизнь проспал:
к нему течёт великая река.
И человек становится пустым.
И человек становится... — затем,
чтоб навести над вечностью мосты
и превратиться в бога этих стен.
...И небо льнёт к корням твоей травы,
и вырастает выше крыши дёрн,
и в нём лимоны молний шаровых...
Закрой глаза — и ты себя найдёшь.

Comme a la guerre

Мой взгляд не порадовал, то есть, порадовал НЕ — мальчишка, стоящий напротив в цветных труселях. АК-47 был направлен в меня (на войне — обычное дело). "Да ты не умеешь стрелять!" — Зачем я сказал это вслух? — Кисть руки напряглась, под кожей видны стали русла встревоженных вен, и ствол очень медленно всплыл — мне до уровня глаз... Теперь ты умрёшь: доигрался, дурак-человек! Зелёная муха, приняв за котлету цевьё, решила нас всех примирить — потиранием лап... Мальчишка по-прежнему думал о чём-то своём и целил мне в лоб, но по-прежнему медлил стрелять. И вдруг кто-то выстрелил: БАХ! — Я, должно быть, убит и падаю, падаю — в солнцем прогретую пыль... Но нет! Я стою, как стоял, а мальчишка в крови лежит в трёх шагах от меня, обо мне позабыв. И делает вдох, и от судорог рот его кругл, и тонкая кисть продолжает сжимать автомат... И я, наклонившись над ним, иступлённо ору: "Зачем вы, ребята?! Ведь он НЕ УМЕЕТ СТРЕЛЯТЬ!!!"

**Comme a la guerre - из знаменитого высказывания "a la guerre comme a la guerre" - на войне как на войне*

Двое

"Дорога не пологая, не крутая;
по ней нельзя ни ехать, ни идти," -
сказал монах, сорвав цветок с куста,
и Ургу протянул его в горсти.

Ург взял цветок, как если бы не брал,
и положил, как если бы не клал,
и обратился не к монаху: "Брат,
природа Будды — клад или не клад?"

Монах сказал: "Клад в землю не зарыв,
его нельзя найти и откопать.
Природа Будды спрятана внутри,
а значит — не глупа или глупа?"

Ург встал, потряс цветущие кусты
и снова сел, — как и они, в цвету,
сказав: "Не нарушают пустоты
ни летняя гроза, ни сердца стук.

Но правильно ли будет понимать,
что Будда — это тоже пустота?"
Монах спел на мотив одной из мантр:
"Дорога не пологая, не крутая;

по ней нельзя ни ехать, ни идти," —
и потянулся, чтоб сорвать цветок
и Ургу протянуть его в горсти.
Вдруг — трудноописуемый восторг

взорвался в недрах бездны бытия,
где звёзды — лишь веснушки на носу
у исполинской пикси; где сиять
умеет темнота; где нано-сумм

настолько много, что любая часть
неисчислима целого; где путь
в любой зон проходит сквозь "сейчас";
где бесконечный мир — безмерно пуст...

Монах и Ург сидели допоздна,
друг друга понимая хорошо.
Затем один из них, увидев знак,
поднялся, поклонился — и ушёл

дорогой — не пологой, не крутой,
какой нельзя ни ехать, ни идти...
Другой — сидеть остался у кустов,
и лотос расцветал в его горсти.

Анастасия Винокурова

Родилась и выросла в Беларуси. С 2007 года живет в Германии. Пианистка, искусствовед, преподаватель творческих дисциплин.

Русалочка

упо

Воздух опасной ночи тяжёл и вязок,
Но на волнах океана так сладко спится!..
Розовошёрстый гоблин, убийца сказок,
В сердце обманом проник, притворился принцем.

Просто мечта — гордый взгляд, белоснежный китель.
Страшно богат, остроумен, галантен, холост.
Он подобрался вплотную — и миг похитил
Душу, а с ней — твой чарующий нежный голос.

Чтобы, вернувшись, напиться с друзьями грога,
Хвастаясь им, как в порту подцепил русалку.
Что с ней сегодня? Да что за беда, ей-богу!
Это ж ни рыба, ни баба — такой не жалко!

Что с ней сегодня?.. Всё сверлишь глазами гавань,
Не замечая похабных острот матросов.
И понимаешь: раз он позабыл о главном —
Ты навсегда останешься безголосой.

due

Пой, моя девочка, пой! Ты ведь помнишь, как
рождаются звуки —
Из самых закрытых и тайных твоих глубин.
И если не можешь петь по любви — давай тогда по науке:
До-ми-соль — о Господи! — ре-фа-ля...
Пусть фальшиво, хрипло, смешно — хоть как-то!
Выкричи из себя самозванного короля, раздели память
на фразы и такты,
Гаммы, арпеджио, старинные арии —
Из ниток-ниток сотки себе новую душу.
Всегда найдётся тот, кто захочет слушать. Хотя бы
один — хотя бы пьянчуга в баре.

Этого хватит, чтобы забыть о боли, чтобы собрать себя
и дожить до лета.

Ведь то, что сейчас, — один неизменный спойлер:
Уже «tre giorni son che Nina in letto...»*
Просыпайся, родная, подчини себе эту бурю.
И пойми, наконец, что хватит кормить пустое.
Пой, милая! И прямо сейчас — в тоске и сумбуре.
А если сбежишь — то чего ты, в принципе, стоишь!

tre

Солнце над океаном. Уже не страшно смотреть назад.
Отблески урагана в твоих глубоких, как ночь, глазах.
Стоит взмахнуть руками — как рядом встанет девятый вал.
Пусть не совсем такая — зато улыбчива и жива!

Стала ли ты смелей — и злее — чтоб, обуздав прилив,
Голосом Лорелеи топить заблудшие корабли?
Только смейся странно, и гаснет в зале пустой экран...

Солнце над океаном. И сердце — больше, чем океан.

* «три дня Нина в постели» — начало хрестоматийной арии
Дж.Б.Перголези

* * *

Однажды нас просклоняют на всех перекрёстках,
столкнут с постаментов, вывалят в грязи,
и после обвинений простых и хлёстких начнут геенной
огненную грозить;
детей пугая нашими именами, закроют двери в каждый
приличный дом,
кровавое поднимут над миром знамя, провозгласят
нежданный Армагеддон.
Фанатики, добровольцы отдела нравов выходят против
нас на тропу войны.
И в чём-то они, конечно, мудры и правы: ведь кто его
знает, как это выглядит со стороны.

Однажды они прочитают все наши письма и восхитятся силой и глубиной.

И — как ни сопротивляйся и ни крепись — но изменят тех, что были тобой и мной.

Ты на обложках кажешься всё умнее, а у меня всё красивей и больше грудь — но с каждым номером наши глаза темнеют, а между строк: “Придумай же что-нибудь!”

Служители гламура и фотошопа нас превращают в тени чужой мечты — и вот неумовимое гаснет что-то, и тихо отдаляемся я и ты...

Ну, а пока... пока они не решили, казнить нас — или, всё же, короновать, ночное небо делается всё шире, шальные звёзды падают на кровать.

Сейчас, вне всяких условностей и регалий, за гранью добра и зла, в самом сердце сна,

мы знаем: это сюда мы всегда шагали — волшебный остров, где вечно царит весна.

Пока нас не растащили на сувениры, пока не прокляли (“Как же они грешат!”), смотри: в моих ладонях всё время мира — и эта жизнь ослепительно хороша!

* * *

Достопочтенная публика! Проходите — налево до перекрёстка.

Эта женщина — истинный клад, драгоценный сверкающий камень!

Я нашёл её в римских трущобах, она как богиня играла в напёрстки —

А потом ненароком призналась, что умеет видеть руками.

Убедитесь, синьор, из-за плотной повязки нельзя прочитать ни слова.

Напишите на этом листе всё, что в голову вам приходит.

Дорогая! Публика ждёт — для тебя это проще простого!

...Лёгкий шёпот: “Совсем замёрзла — одета не по погоде”...

Треугольники, ромбы, круги — это семечки, детский лепет! У кого-нибудь есть газета? Пускай в полуметре встанет.

...Тишина и тревожный гул — совсем как в могильном склепе.

Дальний шелест холодного ветра: “Вчера затонул “Титаник”...

Перерыв. И пока эта чудная женщина выпьет горячего чаю, Я признаюсь вам, что влюблён — как и вы, должно быть, любили...

Лишь одно не даёт мне спать — её непростая тайна:

Конверт на дне сундука. Запечатанный. С надписью: “Милой моей Сибилле”.

С вашего позволения, я сегодня принёс его. — Дорогая, входи же в зал!

...Она простирает руки над тумбой — и медленно-медленно гаснет.

Бледнеет. Кричит. Рвёт письмо в клочки и падает замертво.

...Примите мои глубочайшие извинения. Вам вернут ваши деньги в кассе.

БРУХИТА

Брухита читает Борхеса и ищет на белом снегу тайные знаки —

Чтоб не был грядущий отрезок жизни абсурден, безлик и жуток.

За тех, кто поёт и борется, кому разбивают лицо и гребут в автозаки,

Чей голос взят под арест и закрыт на пятнадцать суток.

Шутя посвятив нас в лузеры, выбив опору снизу,

Рычит и уходит безумный год с глазами дикого зверя.

Брухита ждёт свою музу. У музыки бесшумная поступь и запах аниса.

И вкрадчивый шёпот: новый — лучше, чем тот. И ей так хочется верить.

Резвится в бокале синее пламя — и главное уже знаем мы: На древнем пергаменте все помарки сами собой открылись.

Есть ещё время всё переплавить, переписать, передумать заново...

...Брухита читает Маркеса — и мир наполняется шелестом жёлтых крыльев.

* * *

Время — безжалостный киберпанк — не признаёт гамбиты: те, что бесстрашно идут ва-банк, чаще бывают биты.

Время — насмешливая гюрза — копит в клыках отраву. Те, что бесстрашно глядят в глаза, чаще бывают правы.

Время плясать и встречать весну тысячеруким Шивой — те, что бесстрашно идут ко дну, чаще бывают живы.

* * *

У тебя твои города и страны: приручил — не забудь проводить и хранить.

У меня магическое сопрано и сомнительный дар не замечать границ.

Мы общаемся на изнанке дневного света, укрепляя ослабшие нити, скрывая швы.

Нам понятен главный из всех секретов: этот мир лежит на плечах живых.

Нас не встретят с оркестром на потайных дорогах и никто в нашу честь младенцев не наречёт.

Этот мир лежит на плечах здоровых. Береги себя — в нашем деле каждый наперечёт!

Я — метнувшийся звук, ты — гений самоконтроля... Мы — один одного загадочней и странней.

И совсем — понимаешь, совсем! — не играет роли, что порой происходит на солнечной стороне,

Где от ярких лучей — уродливее нарывы. Где от прежних обид лихорадит и коротит.

Этот мир лежит на плечах счастливых. Благородных атлантов. Нежнейших кариатид.

Только б нам, облачённым в спасительное юродство, не расслышать сквозь тревожную зыбь и муть, Как заманчиво, сладко и бесконечно просто — разозлиться, отчаяться и шагнуть во тьму.

Истончается ткань, рвутся связи, крошатся плечи, забивается в ноздри едкий колющий дым.

Улыбайся — так, правда, гораздо легче, наконец, осознать, что каждый — незаменим.

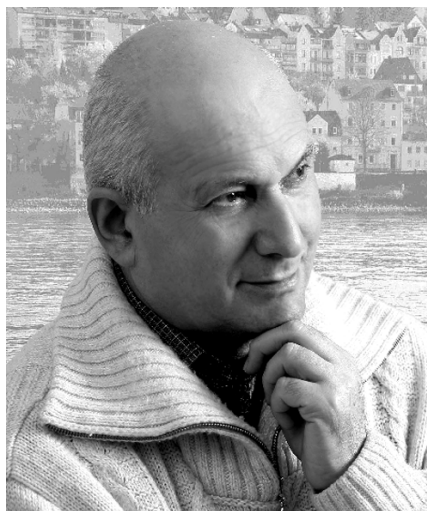
С каждым новым прощанием сердце — неровной дрожью. Улыбайся, пожалуйста, всем вопреки — и впредь! Этот мир — у нас на плечах... быть может, это именно мы не даём ему умереть.

* * *

Священные скарабеи расплавленным солнцем дышат. А я становлюсь слабее и тише.

А я становлюсь прозрачней, лишь свет между пальцев брезжит. И в мыслях одно — добраться до побережья.

Без страха. Без сна. Без кожи. Без слез провожаю лето. И нет ничего дороже, чем это.

Аркадий Ляховецкий

Родился 2.06.1946. Кандидат Тех.Наук. Работал в газете «Смена»(Ленинград), Ленрадио. Автор сборника стихов «Метроном». Дортмунд, 2009. Автор публицистических статей в периодической печати

ЗАПАХ СКОШЕННОЙ ТРАВЫ

Свежескошенной травы
Острый пряный запах.
Солнце полднем луговым
Катится на запад.
Мне за тестем не поспеть
Здесь, на косовице:
Взмах руки - широкий след
За спиной струится.
Жарко. Спустимся к реке
По тропе в ромашках.
Ах, как сладок в холодке
Теплый хлеб домашний.
Запах скошенной травы...
Парк в английском стиле.
Тестя нет, и нет страны
Той, где раньше жили.
Четко выверен ландшафт:
Озеро, газоны.
И расписан каждый шаг
По чужим законам.
Запах скошенной травы,
Резкий и пьянящий:
Не сносили головы
Желтые ромашки.

СЕВЕРНЫЙ КРЫМ

Лето. Керчь. Песчаный берег. Взморье.
Мидии под терпкое вино.
Соком брызжет арбуз тонкокорый:
Солнца сплав с зеленою волной.
Запах трав густой, тягучий, пряный.
Вьется рельсов двоянная нить.
Поезд на паромной переправе,
На Кубань нацелившись, стоит.
Сколько здесь ветров военных дуло,
Над проливом в мареве морском,
Разделив станицы и аулы
Оголенным сабельным клинком!
Мир давно. Горит закат багряный.
Догоняя рыбы косяки,
В сторону Кавказа шли катраны,
Изогнув акулы плавники.

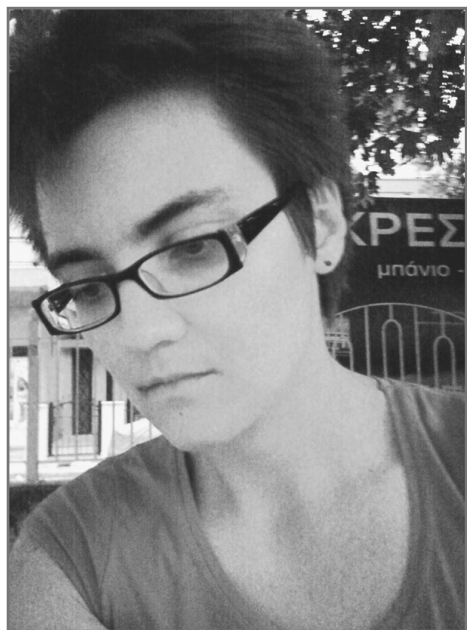
БУТСКАЯ АКВАРЕЛЬ

Под ногами ершится гравий,
Осыпаясь, шумит песок.
Шлях прибужский степной направлен
К горизонту - наискосок.
Расширяясь до полукруга,
Стык небес и солончаков,
На прозрачных отмелях Буга-
Станет профилем берегов.
Станет желто-зеленых плавней
Изгибающимся кольцом,
Где науке скольжений плавных
Учат утки своих птенцов.
Где, качаясь на легкой зыби,
Плоскодонка спешит на лов,
Чтоб к рассвету биеньем рыбы
Переполниться до краёв.
Выбегая к прибрежным кручам,
Степь, как зверь, к водопою мчит.
Влажный запах речных излучин
От полыни слегка горчит.

ЮГО – КАМСК

Избы были рублены « в замок».
Сложены добротнo, по-кержацки.
Допетровский быт старообрядцев
Оборонный номерной завод.
А вокруг безлюдье на сто верст,
Перелески, кручи да трясины.
Волки стаям следом шли лосиным-
За войну их столько развелось.
И дивились мужики: - Надысь,
Проезжал лесник по первопутку...
Точно бритвой, срезала полкруп
На коня метнувшаяся рысь»
Пили чай с топленным молоком.
На столе: пельмени, строганина.
Сделав план по пушкам, гильзам, минам,
Приходил отец часу в восьмом.
Мир стоял уже по всей земле.
И фашизм разгромлен повсеместно.
Это мне, по недостатку лет,
Было, к сожаленью, неизвестно.
Но Уральский становой хребет,
Хвойный лес, покрывший дикий камень,
И поселок наш в верховьях Камы -
Навсегда теперь в моей судьбе.

ГРЕЦИЯ

Fulgur Conditum

Автор родился в Ленинграде в 1984 г. В ранней молодости много путешествовал по России и Украине. В 2007-8 гг. перешел из ингерманландских лесов на берега Эгейского моря, сейчас живёт в греческих Салониках, работает переводчиком в научном центре, при этом часто навещает малую родину и поддерживает с нею всевозможные контакты. Первая книга стихов «Дхарма» была издана в издательстве «Евдокия» (Екатеринбурга) в 2011 г., существует ряд сетевых и бумажных публикаций отдельных подборок, подписанных именем и фамилией автора («День и ночь», «Белый Ворон», «Арт-э-Лит», «Мегалит», «Сетевая Словесность» и проч). С конца 2013 г. автор из сугубо метафизических соображений пишет почти исключительно под псевдонимом. В настоящий момент готовится к изданию вторая книга (издательство «Евдокия»), несколько стихотворных циклов переводятся на немецкий язык.

Аутопсия в пейзаже

Словно что-то да сбудется,
если я расскажу,
из чего я беру себя
и во что ухожу
сквозь труху и окалину,
неустрой и раздрай,
по пролётам окраины,
устремлённым за край.

Из оконной бессмыслицы
в жёлтый фартук земли
брызжут слёзы и сыплются
хрустали, хрустали,
и летит, как излужанный
вдаль по улице жмых,
слово жизни, не узнанной
ни одним из живых.

Здесь и тратится лучшее,
что завещано мне,
как цыганка, снующая
в площадной толкотне
с побрякушками, стразами
(не скупись, подходи)
и божками чумазыми
у латунной груди.

Из бессчётных свидетелей
этих дерзких сует
ни один не ответил мне,
родился или нет

побратим узнавания,
кто разделит со мной
сквозь земные глаза мои
проносящийся зной.

Маршируя невнятным и
неизбежным путём
между вспышками, пятнами,
золотым лоскутьём,
я уже не притворюсь
и почти не боюсь,
но в своей иллюзорности,
как в любви, признаюсь,

будто спящий в испарине
и извивах огня
мир, творимый из марева,
хочет слышать меня,
будто жалкая исповедь
никого никому
может что-нибудь выправить
и зачтётся ему.

* * *

Собираясь уйти, заглядишься в окно,
залюбуешься бездной знакомой,
и полюбишь свой век за себя самого,
за обвалы свои и надломы,
за постылую хилость коленей и рук,
за пустыни внутри и пустыни вокруг,
где шмели и капустницы пляшут
у подножий расшатанных башен.

Ах, расти же теперь из чего не желал,
узнавай примирившимся оком
эти охристый свет и воздушный крахмал,
или сурик трамвайного бока,
механический город, мирок заводной;
а ещё — отражённое мутной водой,
полыхает в глазах вавилонца
сыроватое серое солнце.

Зачарованный шествием сонных дымов,
копашением народов, ветшаньем домов
и неистовством сорных растений,
ты стоишь у ступней исполинских богов,
слабосильный божок-неврастеник,

и не знаешь, на что твоя смертность годна,
отчего просияли твои времена,
как лучи за стеклом закопчённым,
и зачем пуста непомерно нежна,
непомерно щедра к обречённым.

Синописис

Лопух и щепень. Щепень и шавель.
Обрывки неосвоенных земель,

где дремлет раззолоченная синь
вчерашних или завтрашних пустынь.

Подножный мир, чей воздух не знаком
с увечным человеческим языком,

простор, где нет ни знака, ни числа,
ни суетных усилий ремесла,

но есть один вздыхающий провал,
грунтовый мёд и солнечный напалм.

Любая мысль торопится под гнёт,
в зернистый сон обломочных пород,

любая жизнь теряется в былье,
в трухе коры, в змеиной чешуе,

и всякий след кончается травой,
и каждый облик просится домой,

к телам богов, не помнящих о нас,
в сердца камней, в цветение пространств.

Март в Македонии

Из чего вырастает неслышимый вой,
что за траур несёт над соспелой травой
новый ветер, солёный и стылый,
для чего облака непроглядно темны
и зачем молодая равнина весны
смутно пахнет разрытой могилой?

Смерть обходит, как сторож,
распаренный луг,
вносит в перечень всякую мелочь,
в каждой поре земли копошится недуг,
безнадёжная, сонная немочь;
что-то стонет под дёрном,

томится, жужжит,
и какая-то злая безглазая жизнь,
вылупляясь из коконов, точит
кожуру набухающих почек;
и трясина ползёт из-под серых заплат,
на асфальте вздувая ухабы,
а к ветвям присмотреться —

лицом на закат
вдоль заросших обочин
в лохмотьях стоят
полоумные нищие бабы.

И хватаешься краем больного ума
за разлив горизонта, рисунок холма,
тополиный серебряный факел,
чтобы сжатый ресницами

свежий простор
брызнул светом в глаза
и с сознания стёр
обречённости чёрные знаки.

По еврейским кварталам

И.М.

Не память, а прах и травы,
не памятник, а пески,
асбестовые канавы,
кирпичные закутки,
рябой от ходов и норок
ветшающий грунт времён.
О, пёстрый сефардский город,
как плохо ты погребён,
как грубо тебя зарыли,
из кузова через край
кремнистым июльским штилем
засыпали — и прощай.

Безумно горят герани
за тусклым стеклом окон,
по серой дорожной драпи
гурьбами идут цыгане,
как призраки с похорон;
вся в стружьях, в грязи, в отрепье,
ложится бесплодной степью
им под ноги плоть земли,
и ташат на спинах тени
вязанки твоих видений,
загробные сны твои.

Я вижу в желтушной хмари,
как люди лежат ничком,
как ствол автомата шарит
в кустарниках, а потом
шипя, оплетают змеи
обугленный твой костяк,
и я говорю — не смей мне
показывать этот мрак,
не щерь мне свои могилы,
не тычь меня носом в персть,
не вой мне о том, что было,
я знать не хочу, что было,
мне жутко и то, что есть.

Но разве ты станешь слушать,
когда отдалённый рёв
проносит свой пыльный ужас
по пустошам вечеров,
когда из горчичной глины,
из рваной её брони,
руины торчат, руины,
куда ни взгляни — они,
прикрытые, курам на смех,
фанерой и жестью, наспех,
да ворохами тряпья,
и если иной прохожий
не чует их смертной дрожи,
то это не я, не я.

Из цикла «Die Heimkehr»

*Auf tausend Wegen kehr' ich heim
Jochen „Eviga“ Stock*

*

Прорва, огромная прорва,
и в прорве — земля,
ком торфяной, где кончаются
торные тропы.
Я приближаюсь, и он облепляет меня.

Вот, посмотри — это крайняя
крепость Европы:
мертвенных окон ряды,
хлипкие стены хрущёвок,
увязшие в шуме черёмух,
смаде табачном и плаче нечистой воды.

Дёгтем прилеплен мой мир к валуну
над великим провалом;
кроме небес и хвои,
за соседним кварталом

нет ничего.
А подумать — и здесь ничего,
разве что колкие сполохи
в нервах заглазных,
хмурые речи с сопением
заспанных гласных,
прелыми “е” и растоптанным “о”,

взрытое речью, набитое
речью пространство,
полуслепое, как всё, что идёт из него.

*

Можно, как раньше, касаться
знакомых щербин,
мерить шагами пустынные
кладбища сердца,
можно застыть под удушливым
гнётом рябин,
можно смотреть, но нельзя ни
на что насмотреться.

Как бы вернуть себе первый
качельный размах,

с боем ворваться в тайник
золотого наследства,
взять его снова и дальше
нести на руках,
княжество детства.

Вот и веду я нестройные армии строк,
зная заранее, сколько себе отвоюю:
пыли глоток,
лист лопуха, да какую-то яму сырую.

Кто-то громадный смеётся
из сумерек: что ж,
так и умрёшь, философскую
лживую дрожь
всёе меся с недосказанной
чёрной землёю
в лунках глазниц, с воробьиной
тоской рассыпную —
так и умрёшь.

*

Что мне сказать, уезжая отсюда? Итак:
первую память мою запечатавший знак
больше меня, и младенческой жизни
начало
дольше, чем жизнь.
Расплодившись, как жадный сорняк,
ростом пресытившись,
слово моё измельчало,
разве что сок не иссяк.

В мире, скользящем
по тёплой спине пловуна,
в выдохе бездны прошло
моё мутное детство,
вызрел мой свет; и героев моих имена
вышли из бездны,
и зрению некуда деться -
всюду она и она.

Так и срastусь я с её
черноплодным двором,
так и останусь стоять
у разбитых качелей,
прутиком трогать густой
фиолетовый гром,
слушать, как дышит
задумчивый бог подземелий
в храме наземном своём.

Всё, что он мыслил, и всё,
что изрёк он, сбылось:
духи глубин вылетали
из раструбов костных,
висли на кровлях, слипались
в прозрачную гроздь;
с низких небес в закопчённую
грудь девяностых
тайное солнце лилось,

вылилось в то, что должно
было сделаться мной,
выжгло меня и оставило
слепок ничейный,
зноем скрепив испарения эры больной,
голос пустыни, поющей
в картонной ячейке,
пепел и шторм листвяной.

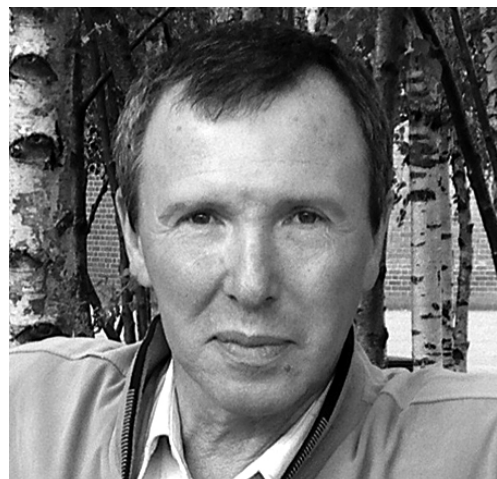
Как незаметно сомкнулась твоя западня,
тяга утробы. — О стены цементного дня,
в каждом пятне находя заповедную метку,
с бережной горечью трётся моя пятерня:
кем бы ты ни был, цветущих
пустот архитектор,
здравствуй, ты создал меня.

Лев Вайсфельд

Родился в послевоенной Одессе. Учился, женился, работал, служил, писал и печатался.

С 2000 года живёт, пишет, печатается в Нетании. Любит обеих.

Ты знаешь, друг мой, есть места —
Мужчины там живут до ста,
Ничем, ни разу, даже гриппом не болея.
Они питаются с куста,
А голова у них пуста,
И только овцы и бараны рядом блеют.

Вокруг растительная жизнь.
И я так жить бы мог, кажись,
(Плюс чтобы виски, интернет и
пара крошек).
И ты так смог бы? Побожись!
И у тебя такой же шиз.
Не будем сдерживать себя - себе дороже.

Ну, вот... один я знаю край —
Там хорошо, там сущий рай —
Там воздух чист,
там по горам гуляют йети,
А каждый встречный — раздолбай.
И хоть сейчас с тобой давай
Мы навсегда, на год, на день туда уедем.

В ОЧКАХ И БЕЗ ОЧКОВ

Услыхал я сзади стук каблучков.
Оглянулся, — ничего девочка.
— Вы умеете читать без очков?
— Да, умею без очков и в очках.

В смысле баб я сроду не был сачком.
Ну, а тут сама идёт на контакт.
Слово за слово, — и вот мы ничком
Сообщаемся то в такт, то не в такт.

Что запомнилось: большие зрачки,
А из адреса — лишь город Чита.
Жаль, узнать забыл — при чём здесь очки,
И зачем уметь без них мне читать.

СРЕДА. И БОЛЬШЕ НИЧЕГО

Среда. И больше ничего
Не слышно толком.
Ни птичьих сплетен,
Ни шагов —
Среда. И только.

Здесь аравийская земля.
Три пальмы, кстати,
Ветвями сонно
Шевелят —
Устали за день.

Слегка оплавилась кусты
На летнем солнце.
Заросший вереском
Пустырь —
Всё без эмоций.

Среда. Сегодня ничего
Не удаётся.
Всё отложу
До четверга —
Вот он крадётся.

ты безбашенное счастье
абсолютное как счастье
разломи его на части
сможешь многих угостить

мне пожалуйста от края
там где корочка такая
чуть хрустящая такая
можно крошек наскрести

ежедневно ежечасно
ты раздаришь счастье
это пригоршнями счастье
будто выигрыш в лото

от судьбы такой подарок
молодым и даже старым
раздаётся только даром
просто так и ни за что

Боже, нас не разлепляй,
Если ты мужчина, Боже.
Если женщина, Ты тоже,
Боже, нас не разлепляй.

Боже, нас не разлепляй.
Да, мы созданы из глины,
И слепились как смогли мы.
Боже, нас не разлепляй.

Боже, нас не разлепляй.
Мы нашлись, соединились.
Сделай Божескую милость,
Боже, нас не разлепляй.

Боже, нас не разлепляй.
Посмотри на наши лица —
Нам нельзя разъединиться.
Боже, нас не разлепляй.

Боже, нет, нам не пора!
Не разъединяй нас, Боже.
Не сейчас, хотя бы позже.
Подожди хоть до утра.

София Бронштейн

Родилась и выросла в Севастополе. Литературная студия городского Дворца пионеров в Севастополе. Филологический факультет Ленинградского пединститута им. Герцена. Чувашская деревня – по распределению. Возвращение в Крым. Бахчисарай, профтехучилище: преподаватель русского языка и литературы, режиссер и сценарист команды КВН. В Крыму стихи выходили в периодической печати и в альманахах «Литературная карта Крыма». Пять сборников стихов. С 1997 г. в Израиле. Лауреат поэтического конкурса «Дорога к Храму» – 2014 (Иерусалим).

ШАПИТО

Судьба ведёт по жизни нас -
Всегда ль к успеху?
Распят под куполом гимнаст
Нам на потеху.
Страховка-лонжа не видна,
Не в ней везенье,
Но жизнь одна, и цель одна –
Преодоление.
Мы одряхтели, как пальто,
Как кекс в буфете,
Но есть на счастье шапито,
Где все мы дети,
Где тигры прыгают в кольцо,
Слоны танцуют,
Факир с загадочным лицом
Для нас колдует.
Где в вышине, не глядя вниз,
По нити тонкой
Идёт-плывёт эквилибрист
С душой ребёнка,
Где клоуны глупее нас,
Но мы похожи,
И все боимся, что гимнаст
Сорвётся с лонжи.

ПРО ЛЮБОВЬ

Я всех люблю: собаку, кошку, мышку,
Клянусь в любви жуку и воробью,
Соседского сопливого мальчишку,
Девчонку конопатую люблю,
Мороженое, мармелад и пищу,
И тишину, и птичьи голоса,
Провинцию, деревню и столицу,
Моря, поля, пустыни и леса.
Люблю кино, где победили наши,
Балет, хоккей, игрушки, Новый год
И белых лилий восковые чаши,
В которых тайна бледная живёт.
Люблю лозу с незрелым виноградом,
В безлюдный парк люблю одна прийти,
Когда там горьким шоколадным градом
Каштан в траву сыплет ассорти.
Люблю качели, раду, клубнику,
На пне опят весёлую семью,
Люблю ещё не читаную книгу

И читаную много раз – люблю.
Я всё люблю – так мало и так много:
Людей, зверей, телят, ежат, свинью,
Кусты, холмы, поляну и дорогу,
Люблю любить, любимой быть люблю.
Люблю всё то, что слышу и что вижу,
Какое счастье просто жить любя.
И лишь тебя так сильно ненавижу,
Что просто удавила бы тебя!

ПАМЯТИ ВИВЬЕН ЛИ

За нами подсматривают из бывшего
Фонарь без свечи и шарманка без звука,
Из прошлого в прошлое мост Ватерлоо –
Любовь и разлука, любовь и разлука.
И плёнка потёрта,
и фильм чёрно-белый,
И сказки кончаются - веришь не веришь.
Не важно всё то, что ты думал и делал,
А важно всё то, что уже не успеешь.
И слёзы не горечь, и смех не веселье,
И в сердце убитое не достучаться,
Любовь не отпразднует там новоселье,
Но, Господи Боже, как хочется счастья...

* * *

Как нынче небеса бездонны
Над непокрытой головой.
Сегодня папа выходной,
Прекрасна мама, как Мадонна,
Они идут гулять со мной.
У мамы туфли на танкетке,
У мамы платье на кокетке
И шляпка модная вполне.
Горят платановые ветки
В октябрьском медленном огне.
Какое небо голубое!
И папа так хорош собою –
Герой провинциальных грез:
На ките на офицерском
И с шиком истинно одесским
Сияют нестерпимым блеском
Созвездья лейтенантских звезд.
А на бульваре тьма народа:
Грядет воскресная свобода,
Ее и празднует народ.
И газированную воду
“Ситро”, “Дюшес” или “Крем-Соду”

Грек-газировщик продает.
И искатель-карусельщик,
Мечты подельник и поддельщик,
Табунщик сказочных коней
Запустит карусель по кругу
И разноцветных юбок выюгу
По кругу пустит вместе с ней.
За три копейки, три копейки
Он предлагает целый рай:
Сидеть не надо на скамейке –
Купи билетик и взлетай.
Жирафы, кони и олени,
И санок-розвальней разлет...
Дрожит душа, дрожат колени,
А резвый конь летит вперед.
Щебечут школьницы, как птицы,
И лист с повадками лисицы
В аллее ластится к земле.
У круглолицей продавщицы
Нам папа купит “Крем-брюле”.
Мы сядем отдохнуть в беседке,
Где виден пляж и корабли
В осенней дымчатой дали,
А позади – фонтан с подсветкой.
Сухие лозы винограда
Там оцепили балюстраду.
И до весны готовы спать.
Весною мы придем опять,
Лоза проснется – будет рада.
А солнце позднее гуляет
В последней бархатной поре,
И папа с мамой вспоминают,
Как поженились в январе,
И как мальчишки во дворе
Кричали: “Тили-тили-тесто”,
Как в коммунальной конуре
Им было весело и тесно...
А у меня пока нет прошлого,
Но будущее так светло,
И столько впереди хорошего -
Мне просто очень повезло.
Октябрь в ампирной позолоте,
Безумство красок на излете,
Жаль, что пейзаж не удержать
Без пошлой и помпезной рамы...
В народе говорится прямо:
“Зимой хорошо рожать”,
А я в животике у мамы,
Меня уже недолго ждать.

Елена Элентух

Родилась в Москве. До 1991 года жила в Вильнюсе.
 Израильянка. Адвокат, но самое главное – жена,
 мама, бабушка, дочь и невестка. Ну, и теща. Дважды.
 Писать стихи начала в 2010 году.
 Люблю путешествия с мужем, застолья с друзьями,
 книги в одиночестве.

НАБАТЕЯ

Ты не забыл?
 Пески цветут зимой.
 Там красный цвет с пустынных анемонов
 срывает знойный ветер.
 Утомлённо бредёт пастух,
 за ним баранья вонь
 халата, куфии и перемётных сум,
 висящих на крестце у дремелара.
 Их силуэт дрожит в февральском жаре,
 шипящей эфой ветер, белый шум.

Ты помнишь?
 Так колышется вода.
 Тяжелая, в бордовых отраженьях
 окрестных гор, сковавшая движенье
 твоей руки, коснувшейся меня,
 скользнувшей ниже... в шелк воды и кожи.
 Тожественны на ощупь, но несхожи –
 ведь я жива, давно мертва вода.

Я в Набатее, помнишь?
 Навсегда...

КЕЙСАРИЯ

Мои сандалии полны песка.
 Дворцовых стен крошащиеся зубы
 с голодной жадностью больного старика
 грызут луну, идущую на убыль.
 Рассветный бриз ощупал мне лицо,
 прохладною ладонью тронул брови.
 Узнал слепец. За поколенья до
 я здесь жила из плоти и из крови.
 Любимому дарила голубей,
 варила суп из требухи с фасолью,
 и на исходе влажных жарких дней
 вино с водой носила к изголовью.
 Разбит стакан, давно разрушен порт,
 не славят Рим и Цезаря потомки...

Ты подарил мне “римское стекло” –
 стакана драгоценные осколки.

ОГРОМНАЯ ЖЕНЩИНА

Примстится, привидится ночью дорога железная.
 Ни рельсов, ни шпал, просто ржавые плиты тяжёлые.
 Стучит по заклёпкам кувалдой огромная женщина,
 вбивает намеренья добрые в будни суровые.

Обходит обходчик охранную ржу, хохочет.
 Не хочет дорогу закрыть и чинить не хочет.
 Авоську плетёт из нити клубка Ариадны.
 Никто из тоннеля живьём – там жертвы изрядны.

В авоське бутылка игристого, ещё мандарины.
 Сегодня канун Рождества и гаданье на свечках.
 Огромную женщину ждут, снова будут смотрины.
 Опять Минотавр обманет, оставив в девках.

Очнётся от морока, мрака с похмельным синдромом.
 Обходчик храпит, перегар мандаринами полон.
 Кувалда в руке, приятная в теле усталость.
 Год прожит не зря, хорошо. Там ещё осталось.

РАСПУСКАЛА ВЯЗАНИЕ

Распускала вязание, до слёз искусала губы.
 Лунный месяц на убыль.
 В сундуке запирала клубок голубой и мягонький.
 Говорила с маленьким.
 Обещала, клялась, обольщала напевною речью.
 Мол, не бойся, я встречу.
 Не смогла, обманула. Повитухи глаза скорбные.
 Умирала родами.
 У небесных врат обернулась, всё вокруг сине-сине.
 ...и забыла о сыне.

ЭСКИЗИК

Июль.
 В пчелином царстве судный день.
 К пчеле, чьё брюшко – светотень,
 чередование хлебов и пашни,
 желток огня и бархатистость саж, как будто Азазель,
 в дыму и сере,
 явился Пасечник воздать по вере.
 Весёлых балагул полны возы –
 увозят урожай, дрожа вожжами.
 Топча стерню небритыми ногами,
 в небытие ушли стога, увы.

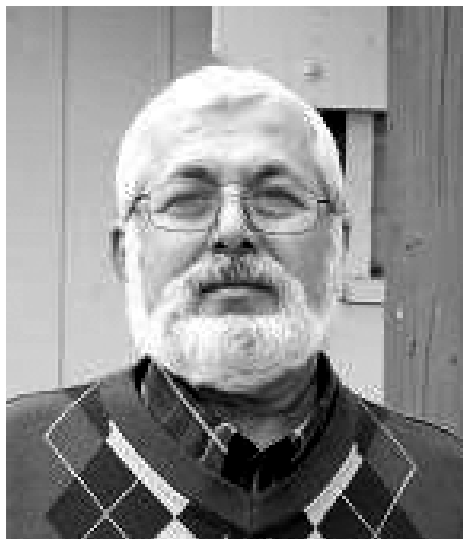
РАЗГОВОР

Прошел, как будто искоса, глаза в глаза не смея.
 Ах, дождь! Вода побрызгала под ноги суховету.

Тяжелых капель ливневых серебряные бусы
 рассыпались по берегу бесхитростным искусом.

Слизнул солёным языком прибой следы водицы.
 Несмелый дождь, как ты, прошел, не напоив и птичку.

Вернётся, пережив позор, с осенними ветрами.
 Не о погоде разговор.
 Что с нами?

Нахум Виленкин

... с юного возраста мне приходилось часто заучивать и декламировать стихи; и в какой-то момент захотелось придумать нечто своё. Темы просто валялись под ногами – революционные праздники, борьба за свободу чёрного континента, первые космонавты – всё это и многое другое должно было быть воспето и увековечено. Правда, со вторым обнаружился проблемы – запомнилась всего одна строчка: «я шагаю по дням, что прожиты не зря, как по кочкам в болоте...». Жизнь действительно требовала выйти на более твёрдую почву, на которой (почему-то) не оказалось места вышеупомянутым экзерсисам. Я выучился на горного инженера, отслужил танкистом в Молдове, поработал инженером в Западной Сибири, геодезистом в Иерусалиме, проектировщиком в Торонто. Сейчас я живу и работаю в Израиле.

...все так близко
и так далеко —
уплывающий звук
акварельных пейзажей
все так низко
и так высоко —
и надежды на некое “вдруг”
распродажи

ухватиться
не раз и не два —
неземной терменвокс —
подчинение жесту
и на лицах
коснувшись едва
остывает расплавленный воск
совершенства...

* * *

...о чем вы
ах это
ведь это же ветер с реки
там было всегда полусонно застойно и топко
к мосту от забора едва ли заметная тропка
всегда выручала когда в обходной не с руки
там скользкие камни
предательски были теплы
там скрип карусели в компании с
правильной речью
и берег изранен сплошной лягушачьей
картечью
и вечер торгует надеждами из-под полы
и все таки ветер
с реки
неожиданно смел
все верно — я видел иные бураны и штормы
но ветер с реки
так похожий на голос притворный
он что-то напомнить хотел мне
напомнить хотел...

* * *

...осталось пару лир — трагический сюжет
лирическим крылом заденет невзначай
туманных островов уже в помине нет
и может не ронял корону молочай

паяцы и шуты в провинции моей
вешают и трубят — искусственный аллюр —
на склонах всех холмов где ветры всех морей
пытаются найти обрывки увертюры

осталось пару слов — пора произнести
на сковородке дня яичница и лук
и темное мерло зажатое в горсти
хранит мое тепло как самый верный друг...

* * *

...на старте
мы платим плотью
которая крайняя
потом в ход идет подушечка
безымянного пальца —
твой камешек должен
чаще других шлепнуться о воду
потом приобретения
становятся весомей —
жировые складки и рубцы на сердце
хорошей валютой для них
бывают почки и печень
легкие тоже сгодятся
а на сдачу зубные протезы
и бейсболка
чтобы лысину не напекло
но на финише
все равно
придется сдать
транспортное средство целиком
или вернее то
что от него осталось...

ШЛОМО

...просыпайся сынок — пора
заждалась дорога
ослы под седлом
и слуги сварили рис
и я уже песню спел
для нашего Б-га
и уже петухи
на заднем дворе
подрались

слушай сынок — Мория есть гора
вздыбленной грудью
к небу устремлена
с трудом унимает дрожь
знаю что твой удел
будет непрост и труден
но не трудней чем было
острить Аврааму нож

знаю сынок — на этой горе
пот и великая слава
дом для Г-спода строить
не каждому суждено
ты был выбран небом
и это твой день по праву
доедай же свой хлеб Шломо
допивай вино...

* * *

...и это не фигура речи
пустой карман затихший дом
и звук застывший у предплечья
и смысл зависший — поделом

когда смиряться стало проще
когда и кофе не горчит
когда не лес уже а роща
когда не водка а гастрит

и как неловко как нелепо
как будто в неурочный час
уже казавшееся теплом
зачем — то посещает нас

на пол минуты полу тенью
полу намеком полу сном
я вспомнил чудное мгновенье
и тут же позабыл о нем

под мышкой мокро в горле сухо
и только снится до утра
что этот звук зудит за ухом
не умолкая со вчера

и может быть потом ни разу
ни этот сон ни этот звук
не посетят мой спящий разум
моих не обнаружив рук...

* * *

...о ближний мой — когда бы не бритьё
я зеркалам не сделал бы поблажку
и без — зеркальной жизни бытие
пока сочтем очередною блажью

о ближний мой — мой стих не про тебя
о ближний мой мне дела нет до прочих
мой скромный стих надежду теребя
пророчит мне и лишь меня порочит

за шелухой другая шелуха
и так легко дойти до сердцевины
и кто из нас скажи не без греха
как здешний мир безгрешен и безвинен

о ближний мой — космическая пыль
не сохранит мои рукопожатья
и веры нет что кто-то скажет — был
и распахнет широкие объятия

о ближний мой — прости мне и прощай
пока скрипят нейроны и протоны
я заварю знакомый крепкий чай —
похоже что трепались не о том мы...

Марк Луцкий

По профессии химик, кандидат наук, автор свыше 200 научных трудов и изобретений в области физико-химии и технологии полимеров. Автор 28 художественных книг, многочисленных публикаций в периодических изданиях Австралии, Австрии, Армении, Германии, Израиля, России, США, Франции. Неоднократный лауреат, призер и номинант поэтических конкурсов в Вене, Дюссельдорфе, Екатеринбурге, Иерусалиме, Лос-Анджелесе, Москве, Нижнем Новгороде, Нью-Йорке, Сиднее, Хайфе, Штутгарте. Дважды «Золотой лауреат» Международного конкурса «Национальная литературная премия «Золотое перо Руси – 2008». Член Союза российских писателей, Союза русскоязычных писателей Израиля, Союза писателей Северной Америки, Международного Союза писателей «Новый современник». Представитель медиа-группы изданий «Интеллигент» в Израиле.

На лавочках Хайфы

На лавочках Хайфы –
заморское слово,
Какое, представьте, созвездие встреч!
Из Минска, из Киева, из Кишинёва
Услышишь славянско-еврейскую речь.

Как будто из фильма, на белом экране,
Что вновь сотворил
нам киношник-мастак,
Москва, Ленинград,
из Баку горожане,
А вот из Тбилиси старик Исаак.

Сидят старики из Уфы и Ташкента,
Из Риги, из Вильнюса, Алма-Аты
И машут руками, ища аргументы,
И всё не находят согласия мосты.

Здесь столько проектов,
пустых и бесплодных,
Довольно комичный и благодостный вид.
«Союз нерушимый
республик свободных»
На лавочках Хайфы привольно сидит.

Хайфский рынок

О рынок, что взвалил на плечи
И обеспечил снеди кров!
Какое множество наречий,
Какое пиршество плодов!

Вот персик с щёчкой серебристой,
Вот кактус - как его едят?
Вот гладкий фрукт,
а вот – ребристый,
Красуясь, вышли на парад.

Торговый путь цветист и гибок.
Да, ты щедр, природа-мать,

А разноцветие оливок,
Ей-богу, трудно описать!

Морские рыбины, моллюски
И бочки дыбятся горой.
И мне кричит араб по-русски:
- Купить картошка маладой!

Я столько раз бывал за рубежом

Я столько раз бывал за рубежом,
Что страны и не вспомню поименно,
Я видел знаменитый мост Патона,
Простерший крылья
над седым Днепром.

Я посетил немало дальних мест,
Желанье странствий –
это в нашем вкусе.
Вот маленький отважный город Брест
В лесной многострадальной Беларуси.

Да разве все уместится в строку?..
Воспоминаний томная нирвана:
Здесь розовые камни Еревана,
Фуникулер в сиреновом Баку.

Тбилиси оживает в унисон,
Шумит Кура, ее внизу не видно,
Приняв на плечи старый Пантеон,
На город смотрит древняя Мтацминда.

И Азия была в моей судьбе,
Где шашлыки и поутру похмелье,
Угрюмое Варзобское ущелье,
В халатах пестрых яркий Душанбе.

Какой клубок далеких кинолент,
И каждая из них – для песни стимул.
Встает в воспоминаниях Ташкент,
Алайский рынок сеть свою раскинул.

Ах, как воспоминание свежо,
Как будто смотришь
старый телевизор...
Совсем не зная, что такое виза,
Я столько раз бывал за рубежом!

Царь Соломон

(французская баллада)

Уж сорок лет ему подвластен трон –
Двенадцать львов,
кругом сплошное золото.
Он всемогущ, мудрейший Соломон,
Недаром говорят: «Ума палата!»
И государство землями богато,
А властелин – писатель и поэт,
Но в жизни все забвением чревато,
И что в итоге? Суета сует...

Да, есть гарем из многих сотен жен,
Есть сыновья и дочери, внучата,
И в личной жизни явно счастлив он,
Всё хорошо – с восхода до заката.
Давно привычна слава дипломата,
Ему внимает зарубежный свет.
Но всё обычно требует оплаты,
И что в итоге? Суета сует...

А был всю жизнь почетом окружен,
Хоть и бывало часто трудновато.
Вошел навеки в славный пантеон
Он на правах царя-лауреата.
Но к старости вдруг смотрит виновато,
Любой успех – источник новых бед,
Порой не достигаешь результата,
И что в итоге? Суета сует...

Царь Соломон! Твое правление свято,
Любого дела ты познал секрет.
Но жизнь, давно известно, полосата,
И что в итоге? Суета сует...

Лернер Татьяна (Тали)

Родилась и выросла в Липецке, закончила ЛГТУ, затем педагогический факультет УРСХА в Киеве. С 1991-го года живёт в Израиле, в посёлке Риммоним.

Стихи пишет с раннего детства. Публикации в журнале «Петровский мост», в альманахе «Белый ворон». Лауреат Кубка мира по русской поэзии 2012 и 2013 года.

Мёртвое море

«На стихи он поймал тебя, милая, на стихи...»,
говорила подруга, солидно кивая в такт.
«Да, читала и слышала, кажется, неплохи,
но не Бродский. Хотя, безусловно, не дилетант.

Но не Бродский». Кофейню покачивал запах сдоб,
колумбийского кофе, магнолий, альбомных гор.
И подруга, почти медитируя: «Это — Сдом?
Это — соль? Перебор с чудесами-то, перебор...»

Жали шлёпанцы. Солнце горячечно шло в зенит.
В морозилке томился заказанный нами штоф.
Но крамольно звенело во мне (и сейчас звенит):
на любовь он поймал меня, господи, на любовь!

vert-de-gris

Мы пропустили нужный поворот
и оказались в совершенно новом
краю. Природе — лучшей из природ —
удобно было от всего цветного
перенести нас в нежный вердигри:
оливы, сколько глаз хватал, — оливы.
И ты шептал восторженно: «Смотри!»
Я не смотрела. Я была счастливой
и без олив. И без дорог. И без
ненужных карт. О, я давно свернула
куда позвал зелёно-серый бес
любви, тоски и мутного загугла.

Когда ты спишь — не Прага, не Париж,
а свет олив под веками блуждает.
Цвет глаз моих. Но ты легко хитришь
с самим собой. С собой бессмертным. Да, я
как жизнь твою — на кончике пера.
Пиши, пиши. Не только пить и плакать.
Не спать, и пить, и плакать до утра.
Перо легко пронзит бумаги мягкость.
Перо — игла, которая в яйце,
яйцо, конечно, в утке, утка — в зайце.
А заяц — в запечатанном ларце,
ларец зарыт. Попробуй, догадайся,
где он зарыт... Под деревом тех широт,
где, помнишь: трасса, зелено, дождливо,
мы пропустили нужный поворот.

И ты шептал. И я была счастливой.

17 пуговиц

Была в белой кофточке. Скромной. Семнадцать пуговиц.
Ты начинал расстёгивать сверху. И приговаривал.
Первая: «что за ненужные тряпочки на моём рыжем пугале,
что за тяжёлые стОлы на беренике моей государевой?..»

Третья: «а так ли пахнут цветы на лимонном дереве?
и почему виноградины пчёл не зовут? соскучились?»
Пятая: «знать, колдовала весь срок, что тебе отмеривал?
видишь, явился полным ведром по велению щучьему».

Седьмая-восьмая: «а где у нас спрятан серебряник,
тот, за который скупают верность любимых предателей?»
Вот и десятая: «нет, не предатель? сусанин, водивший дебрями?
ах, он был старше, надёжней и бородачее?»

А на двенадцатой: «ты, негодяйка, так только девки дразнятся!
трушу? да что ж ты когтями в душу! не смей! иди ты!»
И, расстегнув семнадцатую, с колен: «рыжик, какая разница...
твой, хоть емелей зови, хоть иудой, хоть ванькой, хоть титом...»

Жёлтые груши на хохломском блюде

Мы сидели на веранде,
мы неспешно ели груши,
ели, чавкали, за ели
солнце заходило, за
ближний холм. Сказать по правде,
мне, болтливой рыжей вруше,
было стрёмно, как в купели,
было соо! И за глаза

я скажу, что было вкусно,
топко, мягко, непротивно.
Но тебе — не жди, ни слова!
Ем, молчу, смотрю закат.
Между письменной и устной —
эти груши. Груши дивны.
И чего же в них такого,
если ум мой, языкат

и треплив, когда не надо,
ловко складывает строки
в столбик, в стену, в небоскрёбы,
в город. В город — ни ногой.
Здесь у нас робинзонада.
Глянь, как груши желтобоки.
Здесь у нас любовь до гроба.
Правда, сладко, дорогой?

Хиромантия океана

И море, и Гомер — все движется любовью...
И с тяжким грохотом подходит к изголовью.
Осип Мандельштам

А вот и нет, а вот и не смотрю
я в сторону твою. Гляжу в ладошки,
а там вода, беда, уставший брют,
две капли яда и стыда полплошки.

И этот мой, в ладонях, океан
волнуется, штормя и причитая.

Я вижу дно. Оно — одна шестая.
Там под водой пролёт меридиан.

То линия судьбы. Как после боя,
в разрывах, мелких шрамах. Но видна
сквозь толщу вод. Она для нас с тобою,
похоже, лишь одна.

А робких линий сердца параллели
едва заметны. Сердце, отболи.
Пусть волны льнут к ривьере, к рифу ли
(мы, кажется, совсем не разглядели
мой холм вены, эту часть земли
в цветах и хмеле).

Лодки, колыбели,
замрите. Нет, я не смотрю вослед.
Лицо я погружаю в терпкий, пряный
раствор порока, соли и обмана,
и не дышу там триллионы лет.
Но за секунду перед тем, как жабы
раскроются, я вынырну. И всё.

И вдох один, упругий, жаркий, жадный,
меня спасёт.

Как если бы

Как если бы купал своё дитя
и локтем воду пробовал: тепла ли,
и из кувшина подливал... Хотя...
Не воду из кувшина подливали,

а красное прекрасное вино.
Тому виной был вязкий ветер с моря,
принесший нам грозу. Но всё равно,
пьянея, хохоча и тараторя

о глупостях, — как если бы купал
своё дитя — был бесконечно нежен.
И полотенцем под ноги упал,
и ночничок зажёл. И реже, реже

болтал, а чаще припадал к вину
любимых губ и грозowego неба.
Как если бы замаливал вину,
в которой виноват пока что не был.

Чучелко

Вот сплету себе милое чучелко,
шебутное, забавное, рыжее,
чтоб мордаха сияла улыбкой и
уголками сурьмяных глаз.
Пузик мяконецкий, пальцы лучики,
нос фамильный, понятно, лыжею.
Ну а вместо сердечка хлипкого
вставлю камушек. Смоук-топаз.

Это чучелко будет девочка.
Хватит делать талантливых мальчиков.
Так вот, дурами и красотками,
мы пойдём. Только знай одно:
я не бог тебе, моя Евочка,
просто больно уж было заманчиво
сотворить тебя. Многие ль сотканы
из отчаяния? Смешно,

как представляю твои чудачества
стервы ласковой и жеманницы, —
вижу лето. И волю. И весело.
Дача. Счастье. Полуденный чай.
Проживёшь мою жизнь, но начисто:
сердце-камушек не обманется.

А меня вчера чуть не подвесило.
Выручай меня, выручай.

Две колдуньи

Пришла тётя кошка.
Устала немножко,
а, может и множе,
до боли до дрожи.
И ножки, и хвостик.
Зелёные глазки
пронизаны злостью
как сталью дамасской.
А когти и зубки —
рубцы и зарубки
оставили плакать
на спинах и плахах.
Вот так — не спроста ли
устали, устали?

Но — к чёрту детали. Ведь на одеяле,
под шёпот лаванды, в прохладе веранды
сидит моя крошка. Опушены крылья.
«И где ж, тётя кошка, вы были, вы были?»
А я тут не плачу, тоскую, колдую,
пророчу удачу и сказки трактую,
поела кефира, влюбила полмира,
и жду со всей силы. Ну где ж вас носило?!»

Ах, ангел мой рыжий. Моих пятикнижий зачем тебе
тяжесть? Юля и куражась,
боясь тишины, опасаясь закона, зайдя со спины, я
вцепилась в дракона
последним полётом не кошки, но львицы. И выдрала всё,
до последней страницы. До буквы до крика, смотри-ка:
улика — обломаны когти. И лапы по локти испачканы
сажей погубели вражьей. Теперь я спокойна: окончены
войны, и можно ночами не звякать ключами, не плакать
о мшенье, не ждать возвращенья.
На нашу веранду понюхать лаванду
и с ложечки скушать лавандовый мёд

никто не придёт.

Чемодан

Хочешь, я научу тебя правильно складывать чемодан?
Осторожно и грамотно, бережно, тет-а-тет?
Первый слой — тихий смех, тёплый мех, а вдруг холода.
Вслед за ним — пара бед, как пара привычных кед.

В уголок, аккуратно, чулки, носки, грешки.
И, бретельку к бретельке, — кружавчики тайных слёз.
Так, теперь — груз забот, переложённых строго, почти по-мужски,
удивлением, купленным на долго и всерьёз.

Вот солидность-смокинг: мы же не перекатная голь.
Вот платочки и шарфики: нежный дурманный газ.
Ну, в передний-то клапан, естественно, алкоголь.
А рубашку поярче — наверх, для отвода глаз

от секретных карманчиков. Что ж, он почти готов,
с крокодилим упорством зовёт нас хоть раз — посметь.
Что осталось? Проверить главное: где там лежит любовь?
Вот и всё. Погляди, дорогой, как сверкает замочков медь.

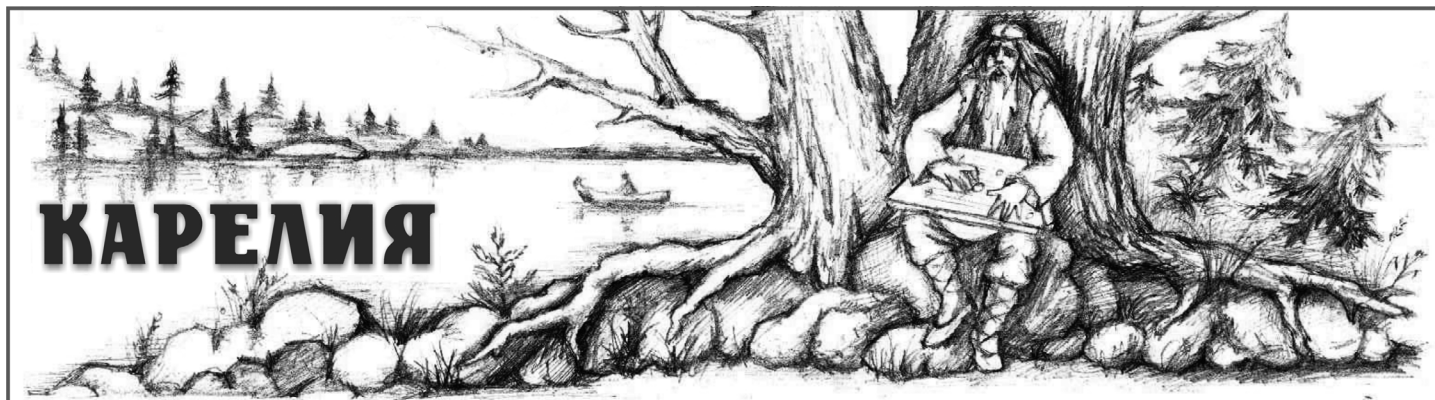
Ой, забыли брелок! Чебурашка, подвешенный за ушко,
мягкий, рыжий, доверчивый, дурень, не по годам.

Нет, ничто так не ценится странствующей девушкой,
как надёжно

и грамотно

сложенный

чемодан.

Дина Лебедева

Родилась и живу в республике Карелия – красивейшем крае, воспетом не одним поэтом. Стихи и прозу начала писать еще в школе. С появлением интернета открыла свои странички на сайте stihi.ru. Вхожу в редакторский состав медийной группы международных литературно-публицистических изданий «Интеллигент».

Время тянется вспять

Время тянется вспять:
Не догнать, не окликнуть, не тронуть.
Отрывной календарь
Дни-страницы теряет легко...
Только память жива,
Словно темный обрывистый омут,
Но в нее не ныряю,
А двигаюсь к цели пешком.

Я иду позвонить в век двадцатый,
Где все мне знакомо...
Где еще живы ВСЕ –
Там, где ветер бодрящий в лицо.
Телефонная будка...
Эмоции собраны комом.
Ноги, сбитые в кровь,
Наливаются тяжким свинцом.

Я монетку ищу,
Лихорадочно роюсь в карманах.
Две копейки всего!
Невозможен без двушки звонок.
– Эй, прохожий, прости...
Там “на проводе” ждет меня мама.
Две копейки всего...
Я не знаю, кто мне бы помог.

– Я прошу, люди, вас...
Помогите. Ведь вы – человечны.
Дайте шанс мне связаться,
От вас передам я привет –
В век двадцатый.
И пусть слово тревожное ВЕЧНОСТЬ
Не пугает нас больше.
Ведь срока у памяти нет...

– Ты, чудачка, очнись...
Век – мобильный! Какие монеты?
Да разуй-ка глаза!
Видишь, трубка оборвана здесь...

И стою я одна. Под грозой.
Без зонта... Знойным летом.
Дозвониться пытаюсь
До строгих, холодных небес...

Над большой водой...

Сколько в жизни сделано ошибок,
Прегрешений всяких и ушибов
Надо ли считать...
Отрезвление каждому – наградой,
Покаянью светлomu мы рады –
Это благодать...

Ляжет лучик на мои ладони,
И меня другой, наверно, вспомнят
В днях, где суета.
Где в минуту светлого признания,
В глубине работы с подсознанием
Плата по счетам...

Счастье заблудилось среди сосен.
Ветер дунет, и его уносит.
Значит, надо так...
Нет охоты в чем-то выделяться,
Сны цветные больше мне не снятся,
Думаю, что знак...
Тянет ветер тучи дождевые...
Связи нет из Вечности с живыми.

Шанса нет обнять.
Вы остались верностью на страже.
Мы с годами будем только старше.
Влёт седая прядь...

Хочется в душе негласно верить –
Есть табу на счет таким потерям.
Встреча – за чертой...
За чертой, которая на взлёте,
Птицами в божественном полете
Над большой водой...

Не отпускай меня...

Не отпускай меня в осенние печали,
Не говори, что все вокруг мираж.
Что все пройдет, а призрачные дали –
Обычный сон, оправданный кураж
Последних дней: кичливо
равнодушных,
Утративших бесценное тепло,
Которое на землю истекло,
И умирать у ног легло послушно...

Не отпускай меня.... За давностью ночей
День наступает не таким как прежде.
В нем нет тебя, как веры нет с надеждой,
Что сбудутся до прежних мелочей
Мои мечты – теперь уже не малость,
И рук твоих знакомая мне мягкость
Опустится на трепетность плечей.

Мне холодно под жертвенным листом.
Не отпускай меня. Ни завтра, ни потом...

Наталья Лайдинен

Родилась в Петрозаводске. Поэтесса, журналист, педагог, член Президиума Карельского землячества в Москве. В Интернете действует литературный сайт laidinen.ru

Стихотворения из новой книги Натальи Лайдинен «ИЗЛУЧЕНИЕ ЛЮБВИ» (Москва, ИД «Рипол-Классик», 2014)

* * *

Над миром плен и сон лукавый,
Слова нетленные — вольны!
Твои стихи под слоем лавы
И толщей лет погребены.

Давным-давно истерлось имя,
Пустыней стали города.
Но слух настроенный воспримет
Зов неутешный без труда.

Ты в битвах не нашел покоя
И бродишь всюду, нелюдим,
Оставшийся бессмертным воин,
Сошедший в бездну серафим.

Меня твой настигает голос,
Стегает рифмой изнутри.
Свою судьбу, страдания, образ
Через меня — проговори!..

* * *

Из заката брошусь в восход,
Пролечу по долгому дню,
Устремляясь сердцем вперед,
Я однажды тебя догоню.
По твоим горячим следам
К долгожданной встрече стремлюсь,
Там, где ты, и будет мой храм,
Светлый храм, в котором — смеюсь.

* * *

Исканий путь прописан
Строкой великих книг.
Когда Учитель призван,
Готов и ученик.

Стремление навстречу —
Волнующий процесс.
Твой знак во мне отмечен
Сиянием с небес.

А я в тебе как остров,
Пространство для рывка.
Друг друга так непросто
Узнать сквозь облака.

В синхронности усилий —
Волнение естества...

Друг в друге мы раскрыли
И силы, и слова.

Восторгом постиженья
Урок любви настиг.
Совместное движение:
Учитель — ученик.

* * *

Под сенью старого Толедо,
Откуда мы давно пришли,
Слышна молитва меламеда,
Повозки тянутся в пыли.

Из разоренной синагоги
Еще несется женский плач...
Как мы печальны и убоги
В плену разлук и неудач.

Храня ключи, как талисманы,
Теряли память на пути.
В чужие языки и страны
Пришлось мучительно врать.

Но может, разогнутся спины,
И через сотни долгих лет
Певуче зазвучит ладино
Там, где молился меламед.

Дым Холокоста

Именам не стереться.
Даже в черной пустыне —
Пламенеет свеча.
У меня через сердце
Льются слезы Хатыни,
И чужие младенцы
В моем чреве кричат...
Обгоревшие кости
Жаждут поминовенья!
Их мольба леденит.
Горький дым Холокоста —
Всем набат от забвенья:
Это очень непросто —
Оставаться людьми.

* * *

Все откровенья неслучайно
Свершались, глубину тая.
Мы трудно с самого начала
Читали книгу Бытия.

Глумясь над праведником Ноем,
Не понимали — чьи сыны.
И стыли глыбой соляною,
Врастали в темноту стены,

Рубили корни, рвались к мести,
Служили идолу, тельцу,
Нигде не находили места,
Роптали, торопясь к концу...

Когда разрушены печати,
Выносят приговор суды,
Вдруг брезжит память о зачатъе
И оживает луч звезды.

Наш древний род исполнен солнца,
С землею космос он связал.
Так через поколения вьется
Божественной Любви лоза.

* * *

До сердца частота вибраций
Доносит тихий свет молитв.
Так языки протуберанцев
Легко касаются Земли.

Вновь голоса планеты дальней
Во мне тоскуют и звенят.
Ты нежностью исповедальной
С небес приветствуешь меня.

И я, глотнув морозный воздух,
Тебе ответ волшебный шлю,
Переполняя светом звездным
Связавшее миры: Люблю!

* * *

Мир окружающий создан
Для счастья — не для страданий.
Открытость людям и звездам —
Путь к исполненью желаний.

В структуре волн и молекул
Закон великой Вселенной.
Бог сотворил человека
С душою чистой, нетленной.

И с нами в вечном движенье
Он совершенствует снова
Восторженность постиженья
Всех тайн — в любви безусловной.

* * *

Судьбы несбывшейся осколки —
О том, что снилось, не жалею.
Пролетит небо синим шелком
На пирс и мачты кораблей.

Морские распахну объятия:
Навстречу радости пльви!
Будь смел и не стремись обратно
Туда, где не нашел любви.

Екатерина Каргопольцева

Родилась 23 января 1982 года в с.Верхне-Спасское Пыщугского района Костромской области. Публикации: газета «Молодёжная линия», г. Кострома (с 2002 по 2007гг); литературный альманах «Московский Парнас», г.Москва (2003г, 2005г); газета «Слово», г.Москва (2009г, 2011г); литературный альманах «Кострома литературная», г.Кострома (2009г), литературный журнал «Невский альманах», г. Санкт-Петербург (2010, 2011г, 2012г); альманах современной поэзии «Зелёная среда», г.Санкт-Петербург (2011г), литературный журнал «Литературный MIX», г. Санкт-Петербург (2011г); сборник стихов «Встреча в новом веке», посвящённый 50-летию Костромской писательской организации (2011г); литературный альманах «Тонкий журнал», г. Москва (2012г) и в других изданиях. Один из создателей ЛИТО «Голос»

Так невесомо и легко
Виденьем сказочного сна
Мой ангел тронул молоко
Чуть запотевшего окна.

И тонким пальчиком ведя,
Он в отраженьях трёх зеркал
На фоне серого дождя
Мой профиль вдруг нарисовал...

Меняю мелочь на билет.
И час, как вечный!
Один маршрут,
один сюжет—
Я до конечной...
Троллейбус катится и мне
Сквозь дождь

усталой

Тоскливо мнится в полусне
Разбег кварталов,
Движение улиц и круги
Огней спящих,
Ажурность каменной дуги
В зелёной чаше,
Высоток правильный парад,
Цветным потоком
Летающий мимо ровный ряд
Горящих окон,
Бессвязный шум и толчея,

Привычный гомон...
Я здесь.

Но я — уже не я,
А тень другого...

Ненарушаемый покой...
В условной замкнутости круга
Парящий голубь над землёй
Легко и плавно чертит угол.

На тусклом небе — пелена,
И вскоре день следы побега,
Как вор, безмолвно в чарах сна
Засыплет ровным слоем снега.

И оттого, что вечер тих,
Нам в свете лампы ближе к ночи
Вдруг станет ясно: на двоих
Часы, действительно, короче...

Ноябрьский вечер гулкий, мрачный,
Рисуя быт в седых тонах,
Всех постояльцев комнат дачных
Ввёл в состояние полусна...

Из потемневших мутных окон,
Казалось, каждый вечно мог
Смотреть, как с ливневым потоком
Не ладит старый водосток.

Дождя безжалостные плети,
В багровых отцветах горя,
Вдруг неожиданно заметят
Косые грани фонаря.

И долго ночью будет слышно,
Как сотней ржавых бубенцов
У входа в дом под самой крышей
Гремит железное кольцо.

Ласточки

Кружась над сонною землёй
В вечернем небе,
Бьёт в окна звонкою волной
Весёлый щебет.

И этот радостный полёт
К закату станет
Крикливой сотней чёрных нот
На нотном стане.

Неровным всполохом пойдёт,
Случайным всплеском,
Влетит в мой дом, как дикий кот, —
По занавескам.

Умрёт в последней из октав
Легко, привычно,
В ночи безлунной потеряв
Свой ключ скрипичный.

Дача

Терпко пахнут стены мятой и тмином,
На столе рубинами — ягоды калины.

С кисло-сладким духом зреет на подносе
Крутобоких яблок розовая россыпь.

И плутает в доме с шорохом и смехом
Голосов недавних призрачное эхо —

Оголтело в окна бросится незряче
И, уйдя под крышу,
тихо вдруг заплачет...

* * *

Вся речь моя, как будто бред...
Но оттого лишь, что отныне
Во мне — любовь и больше нет
Гордыни.

И ты почти боготворим!
Взрываясь приступами смеха,
Так сладко быть глазам твоим
Утехой.

Не думай плохо обо мне
И не суди. Ты прав отчасти,
Сошла с ума!
Не по вине —
От счастья...

* * *

Сентябрьский дождь,
обезоружив
Небесной трёхнедельной карой
Простых прохожих,
сделал уже
Кривые ленты тротуаров.

И повсеместно злые люди,
Грубя стихии многоводной,
Клянут утрами время буден,
Кому в каких словах угодно.

Но небу глас толпы не слышен,
А может,
попросту — не нужен...
Оно привычно бьёт по крышам,
Глядясь в бесформенные лужи.

* * *

Рисуешь с нежностью и ласкою
В ночи,
при свете дня
Давно любимой дивной сказкою
Далёкую меня.

Но ты узнаешь при сближении,
Развеяв колдовство,
Что я — твоё воображение,
Не более того...

* * *

Суматоха!
Город.
Люди...
Толпы,
тысячи людей!
Солнце,
как свеча в сосуде,
Над сплетеньем площадей.

Всюду оклики
и крики,
Беспокойный щебет птиц;
Не меняя строгость лиц,
Кружат радужные блики.
Люди. Люди...
Люди! Люди —
Никого...

И лишь один
Ищет взгляд мой
тощий пудель,
Долгих улиц бедуин.

Гнев

Горит
под кожей смуглой
в груди,
как сто костров,
комок
квадратно-круглый
завязанных узлов.
Коверкая посменно
движенья
рук и ног,
течёт,
бурлит
по венам
не кровь, а кипяток!

* * *

И когда пришли искать
В правде своеволие,
Не могла в лино молчать
И скрывать тем более,
Говорила, не тая:
Русская по крови я,
Люба мне земля моя —
Сторона Московия!

* * *

В слепом кружении ветров
Весна, как путник запоздалый,
Ища себе покой и кров,
В мой дом настойчиво стучала.

Косым дробящимся дождём
Она в пылу, что было силы,
Сорвав с небес гудящий гром,
По стёклам звонко колотила.

Скользя по скатам чёрных крыш
С весёлым рокотом и шумом,
Она сползла в ночную тишь,
Как в темноту пустого трюма.

У неоткрывшихся дверей
Остановилась и уныло
Свет одноногих фонарей
В бурлящих лужах раздвоила.

* * *

Я пришла к тебе поздней ночью,
Тихо крадучись вдоль оград.
Посмотри на меня воочию
Без меча и железных лат.

Перекрёстками тонких линий
На ладони моей лежит,
Как проклятие, взгляд твой синий —
Заколдованный лазурит...

* * *

Не сочтите слова мои грубыми
или превратными,
Я молчание в жизни стезёю
своей не приемлю...
Если плачет мужчина навзрыд
слезами квадратными,
Разбивая стеклянные грани
о мёрзлую землю,
Значит рухнул весь мир
в одночасье... И не приуменьшена
В этой тягостной боли
обида безмолвная.

Боже!!!
Что ж Вы сделали, что наделали,
милая женщина,
Откровением горьким ожоги
оставив на коже!...

Муза

Вчера ко мне пришла Она
И по-девичьему картинно
Уселась в кресло у окна
С какой-то книгою старинной.

И мне, поверившей едва
Своим глазам, Она устало
Весь вечер фразы и слова
Из этой книги диктовала.

Н.Н.

По строчкам выцветших страниц
Манерно пальчиком водила,
И я — послушная — следила,
К ногам Её упавши ниц.

Но в тяжкой доле ремесла,
Уж если честно, Боже правый!
Какую чушь Она несла,
Желая почестей и славы...

Любовь

Бежала прочь сто тысяч раз,
Три миллиона — проклинала!
Но начиналось всё сначала
При встрече глаз...

И я не смела... Не могла,
В удуше сладком цепenea,
Понять, откуда ты и где я,
И почему сгустилась мгла?

Овал любимого лица!
И, словно к солнечной иконе,
Тянулись жаркие ладони
Сомкнуться в таинстве кольца.

Слепыми были зеркала,
Ловили радужные дуги,
Когда, расплавившись друг в друге,
Сгорали мы почти дотла...

Захолустье

К тусклому солнцу в неистой муче,
Выгнув по ветру худые тела,
Тянут берёзы озябшие руки
В робкой надежде на щедрость тепла.

Тихо, неслышно от шума и воя,
С частых поклонов лицом покраснев,
Рванный кустарник в плену сухостоя
Молит светило о ранней весне...

КРАСНОЯРСК

Андрей Калинин

В 2012 г. выпустил в свет свой первый роман «Generation I», сейчас готовится сборник рассказов. Авторская группа ВКонтакте: vk.com/kalininlit.

Все взрослые работают на заводе

Сегодня я встретил своего бывшего начальника. Был солнечный день, я сидел на лавочке, а он проходил мимо. Я поднялся и окликнул его. Мы поздоровались.

— Куда путь держите? — спросил я. Мы не виделись года три, с тех пор, как я уволился.

Он медленно оглядел меня с ног до головы и только потом ответил:

— В девятый корпус. На совещание.

Потом снова посмотрел на меня. Особенно я заметил, как он оценивает туфли. У меня были чистые туфли, но я знал, что он наверняка видел пятна и, может быть, даже комья грязи на моей одежде. А лавочка, на которой я сидел, вообще могла показаться ему просто грязной канавой. Хорошо, что я успел встать.

— Ну и как ты? — спросил он с претензией.

— Нормально, — честно ответил я. Я старался смотреть ему прямо в глаза. Когда он был моим начальником, я вряд ли бы смог держать его взгляд так долго. Но сейчас это не создавало проблемы, чему я внутренне обрадовался.

Глаза у него были чистые, голубые. Он был полноват, но держался всегда подтянуто и уверенно.

— Нормально? — он снова надавил на меня своим голосом.

— Да, — опять ответил я максимально искренне.

Он покачал головой, словно я идиот.

— Да дураки вы, — сказал он, — Надо было сидеть на заводе спокойно. Ну вот чё ты, доволен, что ушёл?

— Доволен.

— Seriously, что ли? — съязвил он.

— Каждому своё, — философски заметил я.

Мой голос зазвучал тихо и несколько по-детски. Всё-таки очень сильным человеком он был. Да и что я мог ему сказать? Точнее, что я мог заявить ему серьёзно и уверенно? Ничего. С его колокольни я был в полной заднице. В общем, другой человек возможно бы и не заметил ноток неуверенности в моих ответах, но только не этот. Этот уже раскусил меня, как орех. По крайней мере, был в этом уверен. Он всегда был уверен. Тот, кто ниже в должности или получает меньшую зарплату, априори не прав. Это правило знал каждый, кто работал на заводе. Как же я мог ему что-то доказать, если не работал ни там, ни хотя бы в какой-нибудь частной мастерской.

В этот момент я дал слабину и заиграл по его правилам.

— Да вот думаю в мастерскую к Фролову устроиться, — начал врать я, чтобы хоть как-то защититься. Но соврал я только наполовину. Я действительно планировал устроиться в мастерскую. Но, во-первых, не факт, что меня туда кто-то захочет взять, а во-вторых, я пойду туда только в самом крайнем случае. Хотя, в общем, этот самый случай уж готовился наступить, так как деньги мои были на исходе.

— К Фролову, что ли? — удивлённо переспросил он и впился в меня глазами. — И сколько ты там будешь получать? Двадцать тыщ?

Он снова покачал головой, давая мне понять, каким придурком я выгляжу.

– И как же ты планируешь там озолотиться?

Я ответил, что озолотиться не является моей перво-степенной целью.

Он улыбнулся, опять мотая головой.

– Да ребята, слушать меня надо было! А не каких-то мудозвонов. Послушал бы меня, сидел бы щас нормально, рубил нормальные бабосы! С обеспечением сейчас всё прекрасно.

Я кивнул. Я знал, что зарплаты на заводе подняли раза в три и получают там сейчас хорошие деньги. Если не сказать отличные.

– Так почему же народ уходит? – спросил я. Мне было известно, что с пятого цеха опять ушло несколько ребят.

Он чуть нагнулся ко мне и заговорщически заговорил.

– А ты слушай их больше. Ну кто тебе правду скажет, ну кто? Эти нытики начнут говорить, что там жопа полная, начальники уроды... Найдут себе оправдание! – Он выпрямился и заговорил уже более официально. – А на самом деле они просто идиоты. Ленивые безголовые идиоты, которые никому на заводе нахрен не сдались, потому что лодыри! И им создают такие условия, чтобы как будто сами свалили. Понимаешь?

Я кивнул. Хотя мог бы с ним поспорить. Когда увольнялся я и ещё пара человек с нашего цеха, мы уходили просто потому, что не хотели работать на заводе. Просто не хотели и всё (хотя, может, так и работают те самые условия...). Проблема в том, что большинство людей просто не может этого понять. У них это в голове не укладывается. Как можно быть человеком не глупым и при этом не хотеть работать на заводе?

Словно в подтверждение моих слов, мой собеседник сказал:

– Ты парень с мозгами, такие на заводе всегда нужны. Но ты слабину дал, послушал этих баранов. А надо было сидеть!

– Я ни о чём не жалею, – констатировал я.

– А зря, – возразил он. – Ну кому вы здесь нужны? Кому? Какой-нибудь сраной мастерской? И сколько там платят?

Я машинально продолжал кивать головой. Он спросил:

– А сейчас ты что делаешь?

– Ничего, – ответил я. Я ответил «ничего», потому что это было единственное слово в его системе координат, подходящее под описание моих дел. Если бы я начал описывать всё, что делаю, это было бы всё равно, если бы я стал разговаривать на языке альбатросов. Он мало того что не понял бы меня, так ещё и посчитал бы умалишённым! А мне этого не хотелось, потому что, в сущности, он хороший человек. Просто считает, что прав тот, у кого выше должность или зарплата. А у меня не было пока ни того ни другого. Поэтому мне пришлось просто сказать «ничего».

Но это слово его как обухом по голове огрело.

– Ничего? – переспросил он. И с вызовом добавил: – Тебе сколько лет?

Я узнал этот тон. Он часто им пользовался, размазывая подопечных по стенке.

– Двадцать пять, – ответил я.

– А выглядишь на восемнадцать... – опять оглядев меня, заметил он.

Я сказал, что хотел бы выглядеть лет на семь, но он пропустил мои слова мимо ушей.

– Двадцать пять? Мужчина в двадцать пять не должен себе позволять не делать НИЧЕГО!

Тут уже я не выдержал!

– Это не значит совсем ничего. Я делаю много дел, важных для меня дел.

Он не стал уточнять каких, хотя я бы не ответил. Не переходить же на язык альбатросов? Начальник тем временем зажёв старую пластинку.

– Послушал ты кретинов, а надо было меня слушать, я жизнь знаю...

Он говорил правду, он действительно знал всё, относительно работы на заводе. Он был в этом как рыба в воде, даже не рыба, а млекопитающее кит. Все взрослые в городе работали на заводе. Туда стремились попасть любыми способами, кто везением, кто по блату. Это считалось престижной работой, а сейчас, к тому же, ещё и высокооплачиваемой. С этим не поспоришь. Кто не работал на заводе, трудились в частных мастерских. Рабочие с завода смотрели на них свысока. Те же, кто не работал ни там ни там, просто считались сумасшедшими.

Бывший начальник тем временем продолжал говорить, хотя я слушал его одним ухом.

– Все взрослые работают на заводе. А вы, придурки, в детство играетесь, жизнь сказкой считаете. Вы думаете – уйду, открою свой бизнес, свою мастерскую. Только всё уже занято. Чтобы занять какую-то нишу, нужны огромные деньги! А где их взять? Ты думаешь, мне не хотелось уйти в молодости? – сменил он нить разговора, поймав мой взгляд. – Хотелось! Тоже бывали периоды. Но я вытерпел. А вы – слабаки. Меня надо было слушать...

Я подумал: ну как мне ему объяснить, что я не хочу открывать мастерскую? Он считает меня дураком, потому что, по его мнению, я уволился с завода, чтобы найти более спокойное место в мастерской. Но как мне ему объяснить, что я ушёл, потому что вообще не хочу в жизни видеть эти проклятые мастерские!

Да, все взрослые работают на заводе. Многие молодые хотят туда попасть, аж спать ночами не могут. И только детям на это всё наплевать. Дети сидят на лавочках, бегают, радуются солнцу, ловят бабочек.

Начальник ещё что-то говорил, я уже на автомате и чтоб не разводить демагогию, соглашался с ним. Потом мы попрощались, достаточно тепло. Я был рад его увидеть, только он заронил сомнение во мне.

Ещё десять минут назад я сидел на лавочке и наслаждался солнцем и безмятежностью. Да, я уже прокручивал в голове мысли о необходимости работы в мастерской. Но пока я просто радовался дню. Теперь же я заметил трубы и смог, нависающий над невысокими городскими домами.

Я подумал: ну разве я виноват? Кто сделал так, что я не хочу работать на заводе? Хотя у меня хватило бы ума делать это. Всю свою жизнь, день за днём, пока я не сошёл бы с ума на самом деле и не уверился, что это единственный путь.

Знаю, что это пустые разговоры. Если бы я поймал большую красивую бабочку и продал её – никто бы не смел упрекнуть меня. Моя зарплата была бы больше – один из двух козырей, перед которыми стихают разговоры заводчан. Возможно, я бы даже выполнил главную миссию – озолотился.

Я развернулся и посмотрел вдаль, там, далеко за холмом кончался город. Где-то там среди гор жили люди, у которых получилось, – ловцы бабочек. Я вспомнил слова из «Кодекса Охотника» – что сначала кандидат должен стать ловцом внутри и только потом – снаружи. Я зашагал, размышляя над этими словами, в сторону гор. Мне хотелось понять, что они значат.

Николай Ерёмин

Член СП СССР с 1981 г. и Союза российских писателей с 1991г. Автор книг прозы «Мифы про Абаканск», «Компромат», «Харакири», «Наука выживания», «Комната счастья» и поэтических: «Идея фикс», «Лунная ночь», «Поэт в законе», «Гусляр», «О тебе и обо мне», «На склоне лет», «Тайны творчества», «Бубен шамана», «От и до», «Кто виноват?», «Владыка слов». Лауреат премии «Хинган». Дипломант конкурса «Песенное слово» им. Н.А.Некрасова.

К тебе прорвался я —
Сквозь мирозданье,
Сквозь интернет-сознание —
В под-сознание...

Влетел, вошёл —
Ни слова не тая,
О, ангел мой, любимая моя!

Как хорошо,
Что, не считая лет,
Ты молча улыбнулась мне в ответ...

И, окрылив моё житьё-бытьё,
Спустилась
В подсознание моё...

Романс Лермонтова

Как хочется
Забиться и заснуть,
Упав, припав на грудь к кому-нибудь...

Как — было — в детстве —
К мамочке родной,
Всё-всё-всё понимающей, одной...

В театре музкомедии и драмы,
Под музыку
Из оркестровой ямы,

Когда со сцены
Кто-то пел для нас —
О! - Лермонтова сумрачный романс...

Фото ветерана в 2014 году во время вручения юбилейной медали

Позади — дурдом, тюрьма...
То разведчик, то изменник,
Выживает из ума
Мой усталый современник...

Верой-правдою служил...
А теперь, увы, не знает,
Для чего на свете жил?
Для кого? — не понимает...

Не осталось ни родни,
Ни друзей на белом свете...
Сожаления одни
О сожжённом партбилете...

Сто наград на пиджаке
Так сплотились в знак протеста,
Что дрожит медаль в руке —
На груди ей нету места.

Памяти Бориса Рыжего

Стихи Бориса Рыжего читаю...
Я их сегодня знаю наизусть.
И всё-таки читать предпочитаю —
Такая в них пронзительная грусть
И так из каждой строчки смотрит смерть,
Что хочется сказать ей:
- Брысь! Не смей!

Кругосветное путешествие

«Ищешь Индию —
Найдёшь Америку!»
А. Вознесенский

Радость и обиду,
Сердце, не скрывай...

Я искал Флориду —
А приплыл в Китай!

Ай-яй-яй-яй-яй!

Канарейка и Соловей

Дружно пели в квартире моей
Канарейка
И соловей...

Я,
О чём они пели, не знал
И, не думая, им подпевал...

Но однажды
Я клетку открыл,
А закрыть — почему-то забыл...

И они втихаря улетели
От меня навсегда,
В самом деле...

Не допили со мной, не доели...
И я понял,
О чём они пели...

Моральный ущерб

Бродит он
По судам:
- Всем за всё аз воздам! —

Всюду
Требует он
Заплатить миллион

«За моральный ущерб»
- Се —
Насущный мой хлеб! -

И, представьте,
Живёт,
Всем уродам в пример —

Аморальный
Урод,
Мультимиллионер...

На склоне лет

- Любовь приходит и уходит,
А кушать хочется
Всегда...

Увы,
При всём честном народе
Поёт шарманщик сквозь года...

А на плече его: - Подай,
Кто может! —
Вторит попугай.

А дальше —
Аккордеонист,
Флейтист, скрипач и гитарист —

Всем «Вальс цветов» на склоне лет
Играет
Нищенский квартет...

И, затуманив мне глаза,
Бежит —
Сама собой
Слеза...

Антон Гаврилов

Родился 2 апреля 1988 г. в пос. Степановка Ирбейского района Красноярского края. Место работы: системный администратор КГАОУ «Школа космонавтики». Человек гуманитарного склада ума и технического образования. С самого детства любит сказки и фэнтези, что и побудило работать именно в этом жанре. Пишет не для возраста, а для души, поэтому не может назвать свои произведения ни детской, ни взрослой литературой.

Собеседование

В ворота королевского замка вежливо постучали. Стражник удивлённо помотал головой и задумался. Обычно когда кто-то хотел попасть в замок, он либо трубил в горн, либо докрикивался до стражников, срывая голос. Но чтобы вот так постучать в ворота, да ещё и при поднятом мосту через ров? Такое на его памяти было, пожалуй, впервые. Тем временем стук в ворота повторился, и стражник, всё ещё недоумевая, дёрнул рычаг механизма подъёмного моста. Тот с грохотом опустился на противоположный берег рва, и по нему протопал кто-то, по громкости не уступающий королевской коннице.

Стражник приосанился, придал себе строгий вид и, открыв окошко в воротах, хотел было отчитать посетителя за то, что он нарушает установленный порядок прибытия в замок, да так и застыл на месте.

- Доброго дня. Я из центра занятости. На собеседование.

- Д-д-д...

- Да, я знаю, я должен был явиться ещё утром, но такие пробки...

- Д-д-д...

- Я могу пройти? Уверен, Его Величество ждёт меня.

- Д-д-д...

- Буду считать это согласием. Спасибо. Доброго дня.

Гость перемахнул через стену и направился в сторону центрального входа в замок. Стражник несколько раз моргнул, потряс головой, выдал себе пару пощёчин и, немного придя в себя, наконец смог вдохнуть достаточно глубоко для того, чтобы выпалить:

- Дракон!

Кобальтовый дракон аккуратно дыхнул на ладонь, проверив свежесть своего дыхания, а затем лизнул кончиком языка один из когтей и пригладил чешую на голове.

- Уютно тут у вас, - немного застенчиво произнёс он, осматривая внутреннее убранство королевского тронного зала. Король оторвался от чтения пергамента и нахмурился.

- Тут было бы ещё уютнее, если бы вы не смели коллекцию моих доспехов.

Дракон смущённо подобрал хвост и прижал его задней лапой к полу.

- Простите. Я просто немного нервничаю.

Король покачал головой и отложил пергамент.

- Я так понимаю, это ваше первое собеседование?

- Именно так.

- То есть никаких рекомендаций с предыдущего места карьеры у вас нет?

- К сожалению, нет. Но, поверьте, я живу не одну сотню лет и справлюсь с поставленной задачей.

Король снова нахмурился и посмотрел в окно. Во внутреннем дворе стража готовила арбалисту, направляя её на вход.

- Ладно. Я изучил ваше личное дело, сударь, но не увидел там справку из Королевского Рыцарского Ордена о том, что вы ранее не привлекались по обвинениям в наведении ужаса на крестьян и поедании скота.

- Ах да. Простите. Она лежит в другом месте.

Дракон покопался в чешуе на груди и вынул из одной из складок аккуратно свёрнутую грамоту. Бегло пробежав документ глазами, король хмыкнул:

- Неплохо. А медосмотр?

- Вот, пожалуйста, - в руки королю легла очередная кipa документов: ветеринар, хирург, дантист, королевский мастер аэродинамики... Всё, что должно быть.

- Неплохо. А какие ваши доходы?

- У меня есть три пещеры с сокровищами, с магическими ловушками и воскрешёнными рыцарями. Кроме того, через подставное лицо я приобрёл в соседнем государстве несколько мануфактур, ферм и развлекательных заведений.

– Даже так? – удивился король.

– Именно. Слышали о трактире «Коленка дракона»? Моя гордость. Сам планировал интерьер. В наше время без легального заработка никуда.

– Похвально. Очень похвально. Думаю, моя дочь останется довольна. Давайте оговорим условия?

– Хорошо. Что от меня требуется?

– Значит, так, – в этот раз король достал список, – для начала замок, желательно в жерле потухшего вулкана. Хорошо бы с видом на океан, тёмный лес или, на худой конец, горы, чтобы было на что вздыхать в ожидании принца на белом коне. Личная служанка, а желательно две. Ванная комната со всеми удобствами, маслами и шампунями. Хотя бы раз в месяц выходы в свет и еженедельные увеселительные прогулки...

Список всё продолжался и продолжался, и дракон начал порядком скучать.

– Пожалуй, что всё.

– Хм, это чуть больше, чем я предполагал. Но, я думаю, это не станет проблемой.

– Замечательно, тогда мы договорились. – Король улыбнулся.

– Подождите. Я хочу познакомиться с принцессой.

– Познакомиться?

– Ну да. Нам всё-таки вместе жить под одной крышей, вместе ждать принца, который за ней придёт. А если ожидание затянется, то я хочу знать, с кем мне предстоит коротать всё это время.

– Это совсем не обязательно.

– Обязательно.

Король тяжело вздохнул и нажал на кнопку селектора, вмонтированного в подлокотник трона.

– Целеста, пожалуйста, позови Ретрогранду в тронный зал.

– Слушаюсь, Ваше Величество, – раздался из селектора покладистый голос фрейлины-референта.

Несколько секунд спустя в зал влетела принцесса. Высокая, очень худая девушка, волосы которой были всклокочены, кудрявы и рыжи, как солнце, а лицо покрывали веснушки. Она была одета в поношенные чёрно-белые полосатые носки, короткие обрезанные из мужских кальсонов шорты, шёлковую маечку с надписью «Princess at work» и фиолетовый ободок для волос с бабочками. В одной руке у неё была книга «А. Максвелл. Баллистика», в другой – бутерброд с маслом и корицей. Проскользнув на пятках по начищенному для балов полу тронного зала, девушка подъехала к трону отца и упёрлась книгой в подлокотник.

– Звал, папочка?

– Да, дочь моя, – король устало покачал головой, – с тобой хотят познакомиться. По поводу собеседования.

Ретрогранда обернулась и приветливо улыбнулась дракону. Тот удивлённо смотрел на принцессу, не в силах понять, разыгрывают его или нет.

– Здравствуйте. Ретрогранда, – девушка снова пересекла зал и, подойдя к соискателю, протянула ему руку, освобождённую от перекинутого в рот бутерброда.

– Эм... здравствуйте.

Дракон приподнял правую лапу и протянул девушке коготь, который она тут же пожала.

– Значит, я буду жить у вас?

– Да, если Его Величество будет не против.

– Папочка? – Глаза девушки устремились в сторону трона.

– Я позвал тебя, чтобы вы познакомились. Так-то я не против такой достойной кандидатуры.

– Замечательно. По-моему, это будет интересно. Я могу собирать вещи?

Дракон и король синхронно кивнули, и Ретрогранда ускользнула в глубины замка.

– Вы остались довольны, сударь? – Король заметил смещение соискателя.

– Я ожидал несколько... иного.

– То есть вы передумали?

– Нет-нет! Ни в коем случае!

– Значит, вас всё устраивает? И внешний вид, и манеры?

– Да. По-моему, ваша дочь, она... – дракон замаялся, – прекрасна.

Король хмыкнул так, чтобы его гость ничего не заметил.

– Что же, стало быть, ваше совместное проживание будет комфортным.

Дракон сидел у ворот замка в ожидании принцессы.

– Простите, что заставила вас ждать.

Одежда Ретрогранды абсолютно не изменилась. Разве что полосатые носки выглядели теперь из крепко поношенных кожаных полуботинок. С собой у неё была небольшая походная сумка, большую часть которой занимали книги.

– Я готова, можем идти.

– Вот так? Налегке?

– Не люблю загромождать путешествия вещами, которые никогда не пригодятся.

– Разумно, – заметил дракон, разглядывая корешки книг, – интересная подборка. Поэзия ранних веков, теория масс, садоводство.

– Книги, пожалуй, единственное, что никогда не бывает мне в тягость, – ответила девушка, собирая ободком непослушные волосы.

– Тогда вам понравится моя библиотека, юная леди.

– Можно просто Ретра. А вас?

– Виктериалис Мнемонд третий.

Они направились по дороге прочь от замка.

– Виктериалис? Хм... А можно просто Вик?

– Можно, – усмехнулся дракон.

Латвия

Ирина Зиновчик

Родилась, живу и работаю в Риге. Стихи пишу два с половиной года. Член творческого объединения «Светоч» (Рига). Лауреат второй премии творческого интернет-конкурса «Под небом Балтики -2012» и лауреат второй премии конкурса «Под небом Балтики – 2013». Включена в шорт-лист конкурса «Литературная Вена – 2013».

Гроза

Ложились лица чистой акварелью
на серую холстину бытия;
слова стекались ложной параллелью
к меридианам сферы забвения.
Стремилось бесконечное начало
упасть до бесконечного нуля;
сознание, что ранее молчало,
струилось речью, вечное суля.
Пространство рвал на части юный ветер,
по атомам пытаюсь растащить,
и плакали испуганные дети,
когда из рук их вырывалась нить
воздушных змеев, шариков и прочих
стандартных атрибутов ясных дней.
Земля летела прочь, что было мочи,
от небом ожидаемых дождей;
и было ясно, что вот-вот родится
природных сил безумное дитя..

Стекали акварелью с улиц лица,
и дождь стекал с тех улиц миг спустя.

Сценарий грустной пьесы

Переходя из тронного зала в мертвецкую,
королева замечает отсутствие тех, кто приветствует
и, обнаружив прискорбный сей факт, замирает в вопросе -
были все-таки подданные, или не бывало их вовсе?!

Подростеряв по течению пьесы навыки,
королева понимает, что нелепый шиш выдан на руки;
а королевство и прочая мишура были обманом.
Дальше все покрывается плесенью и серым туманом..

Изобразив на лице мутный страх за будущее,
царственная дама плачет; она не стремится ко дну еще
и кому-то пригодится тело ее королевское.
(Незачем было идти из тронного зала в мертвецкую!)

Поднатужившись, вспоминает, где подданные -
невзначай кому-то отданы, преданы и просто проданы;
и теперь ей не на кого в тяжелом пути опереться.
Это просто пустырь - без подданных, вовсе не королевство.

Подпоясавшись, в путь, как с обрыва, бросается.
По дорогам пойдет, всем будет кланяться, плакать да каяться;
не богатой, не бедной - бездомной, безрадостной нищенкой.
Новых подданных будет себе искать. Только сыщет ли ?
Ведь ни королева теперь, и уж совсем ни принцесса ...
Грустноватая пьеса.

Автобиография

На лице у старухи в улыбке сводит морщины —
у неё, как у всех, за морщинами повесть разлуки.
Но старуха не принята местной дворовой общиной,
потому что бездетна - у бабушек выросли внуки.

На скамейке в субботу цветные платья и шляпы,
а под шляпами - неподражаемы губы и фразы;
и подстриженный пудель глядит на людей виновато,
сознавая печальное сходство с ершом унитаза.

Рассказала бы им свою жизнь, да гибельна жалость..
Обожают её посторонние звери и дети ,
ведь своих на сегодня.., совсем ничего не осталось -
всё осталось в начале столетия, там.. в первой трети.

И глядят нерождённые внуки чёрным портретом;
там фамилия, как у неё, и девчоночье имя..
(Не) понять, (не) простить, (не) казнить и (не) думать об этом -
эту (не) - быть с изношенных плеч даже время не снимет.

Да и толку страдать, если лучше уже не станет?
Выйдет в новых штанах молодежного кроя и цвета,
на минутку присядет к наряженной в кружево даме,
расстреляет вопросом, который не стоит ответа:

«Не знавала ли, Маша, ты Хулио КортасАра ?»*
И соседка погрузится в бездну секунд на пятнадцать —
этих, первых, была ..как бы так.., ну.., как минимум, пара,
а вот с Сарой на корте ей вряд ли случилось сражаться..

Вот обиделась бы эта Маша, да будет толк ли?
«Малохолльная, мало ль таких малохолльных на свете?
Наша жизнь не витраж; так, его голубые осколки!»
И прощает шутницу , как в первый.., второй..; так и в третий..

* * *

Я потом дорисую возможные толки и слухи,
но уже не смогу изменить обречённости плана;
мне теперь не сбежать от безумств этой странной старухи -
просто я, как и все, обязательно старой стану.

** Как ПикАссо по факту рождения и Пикассо по месту проживания,
так и КортАсар по факту рождения и КортасАр по месту произнесения)*

После дождя

Под крыши заползала тишина,
цепляясь за распахнутые окна -
такую ощутимостью полна,
что слышно было в ней, как быстро сохнут
следы недавно ехавших машин
на линиях почти уснувших улиц.
Сплетаясь хороводом небольшим,
примолкшие деревья вверх тянулись,
стволы еще немного нарастив.
И странными сейчас казались тени,
луне полночной прямо в объектив
попавшие средь разной дребедени;
неясный звук роился и взлетал..

Лишая тишину триумфа мима,
шел человек и пел на весь квартал..
Двухзвучие любви над миром плыло.

Уходящая натурп Рижского взморья

Покрытый вечной изощренностью плюща
и проседающий под тяжестью былого,
совсем состарился, внезапно отошел -
наш летневременный приют, теперь прощай..
Какое странное, неправильное слово..

В останках дома чья-то добрая рука
рисует видимость обыденных деталей:
еще хранят тепло каминовы бока,
и дым от шишек снова рвется в облака,
и дюнный берег - лучше всяких там италий;

прибрежный воздух полон сырости морской,
и вяло-сохнувшие полотенца где-то
за нескончаемой дворовой листвой
вновь наполняются и влагой, и тоской
по уходящему уже в июле лету...

Рассаду мха рассыпав щедро по крыльцу,
холодный ветер вырывается на волю;
морщин добавивший и дому, и лицу,
надрывно шепчет, что давно идет к концу
все, что считалось просто данностью живою.

Сосна-соседка спрячет старые глаза,
прикрыв их искренность покровом светлой грусти.
Но вдруг покатится янтарная слеза,
и, нить последнюю со вздохом развязав,
сосна уставший дом в небытие отпустит.

Рождение сверхновой

Эта женщина в агонии,
эта женщина в огне;
небеса ее картонные
разрываются на две
неопознанных ненужности.
И бесценные слова,
соскользнув с ее окружности,
распадаются на два
обособленных понятия:
недосаженность ростков
и бесцельность недоснытия
недовызревших плодов.
Вся безумность этой стадии
преждевременной судьбы -
лишь преддверие апатии
к многоликости молвы,
к полужначимости мнения
обозначенных людей
и к предчувствию падения.
Мир, по прежнему ничей,
весь исходит закатами..
Но из данности пустой
возникает незапятнанный
образ женщины иной.

Оптимистическое

И мне хотелось стать упрямой,
красивой, вздорной и прямой;
быть не комедией, не драмой,
а лишь собой -

такой безудержной и смелой.
Как тридцать три богатыря,
выныривать из белой пены,
но без царя

и в голове, и так, по жизни.
Зачем мне лишнее ярмо?
Хотелось раствориться в ближнем,
любить его
и отражение чего-то,
невыразимого в словах.

На клавишах бемольных ноты
сказали «ах»

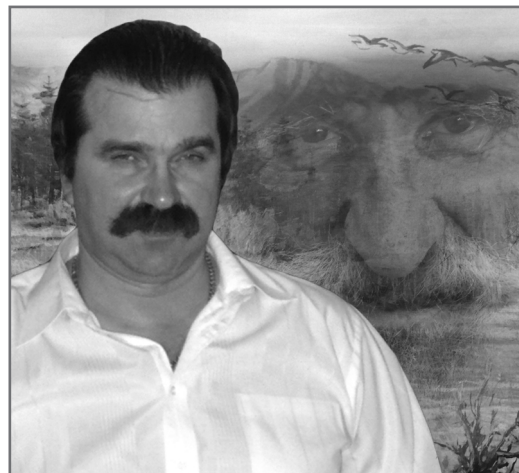
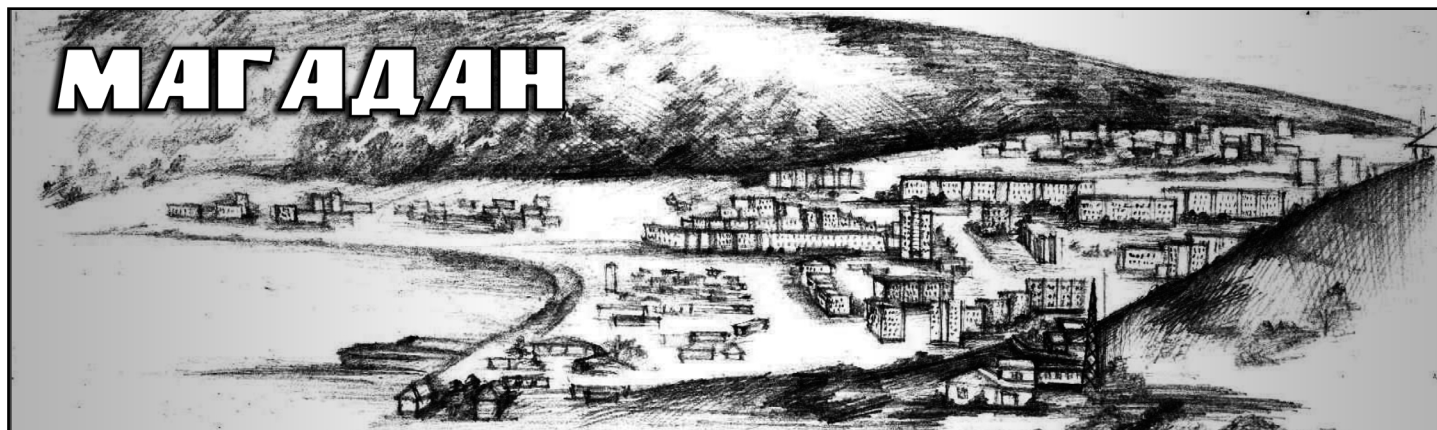
и оказалось, что напрасным
был разносимый мною вздор.
Мажор, рожденный ярко-красным,
ушел в минор,

отметив серым диссонансом
разрыв души и естества.
В палитре не хватило красок;
чужим - родства.

Душа в сиротстве разномастном
пыталась отыскать того,
кто мне мерещился так часто..

И, все равно,
я с мягкой падала постели
на подзаборную траву..

Но если раньше не отпели,
то и теперь я не умру.

Сергей Малашко

Родился в 1962 году в г. Зея Амурской области. Юношеское увлечение охотой стало его профессией. В 1984 году получил диплом охотоведа, работал по специальности в Хабаровском крае и Магаданской области. Публиковался в альманахах «Охотничьи просторы», «Колымские просторы». В 2008 году издал книгу «Весенняя охота на гуся или бегство от себя к себе». В 2009 году опубликованы четыре рассказа в книге «Неизвестный Магадан». Печатался в литературных сборниках Международного Союза писателей «Новый современник», в международных изданиях медийной группы «Интеллигент», Живет в Магадане. Лауреат «Серебряного Пера «Национальной Литературной Премии «Золотое Перо Руси» 2013 года.

День кряквы или один сплав по Амунке

Каждый человек имеет свою мечту. Кому-то она кажется странной, кому-то мелкой или нереальной. Но она уже прекрасна потому, что есть.

Человеку, жизнь которого на всем ее протяжении украшает охота, тоже свойственно мечтать. Только мечта эта особая. Она кажется нелепой непосвященным, но ласкает душу охотника уже самой возможностью помечтать о заветной зорьке или красивом выстреле на мечтой о заветном месте, где тебя должны ждать осенние крякаши. Мечта вырастает и по мере приближения дня открытия охоты даже начинает беспокоить: «Ну, когда же?». Для меня добыча кряквы осенью - цель ритуальная, поэтому воплощать ее в жизнь мне нравится на реке Амунке.

С этой небольшой речкой, протекающей вдоль трассы, соединяющей поселки Янского заречья - Балаганное и Талон, меня связывает очень многое. Она коротка, не более двадцати пяти километров. Исток находится на Сыромянке. Так тауйские охотники называют тундру, где весной и осенью они охотятся на пролетного гуся. Впадает речка возле поселка Балаганное в Тауйский Лиман. Не понятно почему, но редко заходят на нерест дальневосточные лососи: горбуша, кета или вице-король дальневосточных лососей - красавец кижуч. Волею судьбы на ее берегах я пережил приятнейшие охотничьи впечатления.

Я видел эту речку разной. Местами она могла быть не шире двух - трех метров и можно было идти по ее заросшему травой берегу, даже не замочив сапог. Но речка требовала к себе серьезного отношения из-за ее глубины. Перейти ее можно было только в двух очень далеко расположенных друг от друга местах. Там я всегда удачно охотился с собакой или без нее, но при помощи миниатюрной спасательной лодочки. В последнее время полюбил охоту при помощи большой резиновой лодки. Удовольствие от сплава по тихой речке, с интересной стрельбой, возможностью увидеть великолепные пейзажи и добыть осенних уток для охотника более чем дорого. С этих мест без дичи я никогда еще не возвращался. За все годы охоты

на Амунке трофеями становились: кряквы, чирки-свистунки, чирки-клоктуны, свиязи, шилохвости. Попадались широконоски, хохлатые чернети, каменушки, лутки. Кряква у нас не такая крупная, как в центральных районах России, но от этого не перестает быть предметом охотничьей страсти. Она словно магнитом манит охотников за собой своими синими зеркальцами на крыльях и как бы дразнит: «Попробуй взять!».

Можно сказать, что за последние годы кряквы стало намного больше. Лет пять назад она встречалась редко, и ее добыча становилась знаковым событием. Сейчас за один выход видишь по десять и более птиц. Умудренные опытом охотники из Центральной России скептически усмехнутся: «Подумаешь, увидеть десяток крякв за выход. Мы их за выезд добываем». Здесь у нас своя шкала ценностей. Ей и довольствуемся. Правда в некоторых местах области и два - три десятка взятых уток за зорьку во время валового пролета является нормой.

Берега реки украшают чозении, березки: каменная и карликовая, ольха, кедровый стланик, лиственница, рябина. Местами они образуют островки труднопроходимых для человека зарослей. Но медвежьи следы разной свежести на их тропах встречаются постоянно. Я не зря перечислил те деревья, которые произрастают по берегам Амунки. В зависимости от времени года они образуют абсолютно разные картинки: от изумрудно-зеленой в самом начале осени, до разнообразной палитры осеннего разноцветья. С открытием утиной охоты сюда тянет с неудержимой силой. На берегах этой тихой речки проживаешь минуты настоящей жизни.

Оставшаяся на гнездовании местная утка выводит птенцов, как на самой речке, так и на окрестных припойменных озерах. Как только выводки становятся на крыло, утки перелетают с речки на озера и назад. Даже при отсутствии уток на озерах, я неизменно находил их на речке. Поэтому с Амунки я пустым не возвращался никогда.

В 2008 году я не взял крякву. Шанс представлялся трижды. Стрелял хорошо. С поисками было похуже - сделал три подранка. Но нынче твердо решил взять реванш.

Ночь 18 сентября 2009 года я со своим напарником Вадимом

коротали в кунге* шефа лицензионного участка по лову лосося Магаданского областного общества охотников и рыболовов. В шесть часов утра нас разбудил Александр Васильевич.

– Подъем, золотая рота. Солнца еще нет, но вставать придется. Там, на Амунке, ваши привязанные кряквы уже истомились в ожидании, – добродушно шутил он.

У Александра Васильевича начался очередной нелегкий рабочий день, ну а мы, прогрев машину, покинули лицензионку. На 110 километре дороги нас ждал заветный поворот.

– Ну, что, дружище, пусть амунский дед нас встретит ласково, – сказал я, усаживаясь в машину. Сердце мое сжалось, предчувствуя осуществление заветной мечты.

– Эх, жаль, что сегодня на сплав пойдешь один. Придется мне с семейством охранять его от медведей, да собирать ягоды и грибы, – искренне сожалел Вадим.

– Думаю, если все будем делать правильно, сможем сходить вместе и в эту поездку, – приободрил я друга.

Утро встретило туманом и серостью. Именно поэтому окрашенные в разные оттенки желтого и зеленого придорожные деревья выглядели пока непритязательно. Если поднимется солнышко, тогда взору предстанет такая красота, что нельзя будет взгляд отвести.

– Нам бы поворот не просочинить, – сказал Вадим, припоминая нашу первую попытку поиска.

В этот раз сориентировались правильно и свернули с трассы на старую дорогу. Очень скоро она привела нас к берегу речки. Мы у цели! Отсюда можно уже плыть, а не бестолково таскать лодку за собой.

– Чего дома не сидится. Там тепло, не сыро, на рынке мясо продается. И даже пиво на разлив свежее, – притворно ворчал я, выгружая из машины все необходимое для сплава.

– Там, наверное, нет привязанных кряков, – иронично ответил друг.

При помощи электрического насоса быстро надули лодку. Вода будет омывать ее борта всего второй раз. Лодка по-своему уникальна, ведь сделана в Магадане местными умельцами с учетом моих личных пожеланий. Получился гребной мастодонт грузоподъемностью шестьсот килограммов.

– Ну, что дальше? – спросил Вадим.

Я зарядил любимый полуавтомат и попросил Вадима подкачать лодку ножным насосом. Тем временем день брал свое – становилось светлее. Окружающие краски приобретали новые оттенки, туман поднялся, и стала видна залитая водой пойма речки.

– Смотри, утки! – воскликнул Вадим.

Я обернулся и успел увидеть прошедших сверху вниз пару чирков.

– Ну, что же, с первыми увиденными уточками вас! Давай попьем чайку, и мне пора. Больно кряка хочется по зеркальцу погладить, – сказал я, нарезал колбасы и сыру, налил ритуальную стопочку Деду – местному духу Охоты.

Облаченный в маскхалат «Леший», я отошел в сторонку и обрattился к Деду:

– Здравствуй, Дедушка. Прими меня с миром, прими скромный дар и пошли мне охотничью удачу, – сказал и выплеснул водку на землю и положил кусочек колбасы на закуску.

Вадим с недоумением смотрел на меня.

– Дружище, расслабься. Это не диагноз для профессионального психиатра. Это традиция – приветствие местного Духа Охоты. Она неизбежна. Без этого я никогда не иду на охоту. Деда уважать надо, – убежденно ответил я ему.

Закончив завтрак, я спустил лодку с высокого берега реки, установил весла, уложил рюкзак с патронами, чаем, насосом, запасным комплектом одежды и прочими мелочами, которые могут потребоваться на сплаве.

– Встречаемся в час дня у моста, – я сел в лодку и сразу же привязал отдельной веревкой ружье за ремень.

– Ну, берем с собой мечту и в путь! – внутренне собравшись, сказал я себе и сплав начался.

Утка могла вылететь в любой момент, откуда угодно и как угодно – в угон, в штык, сзади, сбоку. Течение подхватило лодку и послушная воле весел, она двинулась со мной навстречу охотничьим приключениям. Лодка легко скользила по серо-стальной поверх-

ности тихой воды, иногда обгоняя плывущие по течению опавшие листья березы и ольхи. Только мелодичные всплески весел нарушали тишину сентябрьского утра. Перед входом в очередной кривун* останавливаюсь, и с помощью глазного удлинителя, то бишь бинокля, осматриваю речку. Иногда замечаешь уток заранее. Ведь если ждешь и готов, то часто получается очень красивый выстрел. Взглянув в бинокль в этот раз, я слегка оторопел. Я четко видел сидящую невдалеке утку. Опустил бинокль, глянул на воду и цель исчезла. Вновь посмотрел – сидит чирок, без бинокля опять ничего не заметил. Третьего раза чирок не допустил – метрах в сорока-пятидесяти он снялся с открытой воды и свечкой начал набирать высоту. Я сделал запоздалый выстрел вдогонку, осыпав накрыла его, но этот чир родился под счастливой звездой. Невредимый, он улетел восвояси. Я проводил его взглядом, и грустная мысль пришла в голову: «Садится зрение и сильно. Ведь не заметил утку, сидящую на открытой воде. Плохо это».

Дозарядил оружие и вновь под всплески весел поплыл дальше. Вход в очередной кривун открывал новую страничку в красочной книге осени. Каждый участок берега неповторим – кое-где ласкают глаз охотника стоящие рядом желтые и еще зелено-желтые лиственницы, и дождь из пожелтевших хвоинок падает на свинцовую воду реки. А где-то картина дополняется красными листьями рябины, на кустах которой алым пламенем разгораются плоды этой прелестной ягоды. Чуть дальше картинка может дополниться изумрудно-зелеными кустами кедрового стланика. Прибрежная трава местами уже теряет свою яркую окраску, верхинки стеблей кое-где подернуты желтизной. И подплывая туда под тихие всплески весел, никогда не знаешь, что тебя ждет за поворотом.

Вдалеке послышалось утиное кряканье. Быстрый взгляд в бинокль и метрах в ста я увидел табунчик чирков. Они вплыли в траву с открытой воды, и потерялись из виду.

«Ну, что, встретимся с чирятами, о жизни потолкуем. А там глядишь, мечта сбудется», – с надеждой подумалось мне, и я поплыл к тому месту, где увидел уток. Весла поставил под углом, чтобы гребки не давали всплеска. Чирки не подпустили меня на выстрел. Раздалось тревожное кряканье и с шумом, оставив следы на тихой водной глади, табунчик ушел вниз по речке.

«Досадно», – успел подумать я, но рефлекторно схватился за оружие.

Взлетевшие утки сделали круг, и пошли над рекой прямо на меня. Вскидываюсь, делаю поводку, вынося ствол, и закрываю одного из чирят. После первого выстрела он, сложив крылья, упал на границе воды и прибрежной травы.

«С полем, уважаемый. Спасибо, Дед, за удачу», – подумалось мне в тот момент, когда я поднимал с воды первый трофей.

Зеленоватое зеркальце на крыле прекрасно дополняло всю гамму красок осени. Световой день брал свое, краски окружающего становились более сочными.

– Жаль, что для полного колорита не хватает синего неба. Какое было бы сочетание – бирюза неба с весенней палитрой прибрежного леса, – с сожалением пробормотал я, наслаждаясь тишиной, нарушаемой только всплесками весел и гортанными криками спящих кедровок. Проплыл мимо медвежьего перехода через речку. Они встречаются в этом году чуть ли не каждом кривуне. На случай нежелательной встречи с косялапым всегда есть шесть пулевых патронов. Лодка мягко скользила по водной глади, неся меня навстречу охотничьей судьбе этого дня. Прикинув пройденное расстояние, я подумал: «Маловато уток встречается». Но душу грело предчувствие чего-то нового и неожиданного, что ждет меня в заветном кривуне. Там утки бывают всегда. Но никогда не знаешь, какие и сколько. Обогнув очередную петлю, выплываю к старому охотничьему лагерю. Он расположен в лесу, к берегу подходит дорога с основной трассы. Неожиданно с правого берега из травы на чистую воду взлетели пара чирят. Пошли сразу же вверх, набирая высоту. После второго выстрела один из них перестает махать сломавшимся крылом и, кувыркаясь в воздухе, падает на воду, подняв кучу брызг.

– Подранок, – с досадой прошептал я и сразу же выстрелил, в надежде добрать. Дробовая осыпав накрыла чирка, но не поразила. Он ушел в траву. С нехорошим предчувствием вылезал я из лодки. Сразу же стало ясно, что добрать подранка будет очень сложно. Прибрежная трава выше колена, при всем прочем растет на сплаvine,

которая при движении по ней ходит ходуном. Искал чирка минут пятнадцать, двигаясь, как и сколько мог. К великому сожалению, он не стал моим трофеем. С тяжелой душой сел в лодку. Так всегда бывает, когда подранка не удается взять сразу же.

— Как же здесь не хватает моего друга Коломбо. Он бы нашел этого чирка, — вспомнил я об охотничьей собаке, с которой на Амунке пережил множество красочных мгновений. Плыву дальше. Часто в воде находят свое отражение картинки осеннего леса, и если движение лодки замедляется, то идущие впереди нее волны заставляют отражение двигаться. Оно как бы стелется по поверхности воды. Любуешься этой картинкой, сопровождаемой только тишиной и всплесками весел, и осознаешь, что именно эти мгновения можно назвать настоящей жизнью. Неторопливо приближаюсь к заветному кривуну. Сюда подплываешь с трепетом, в предвкушении удовольствия для истомившейся ожиданием охотничьей души. Как всегда неожиданно из затопленной прибрежной травы вне выстрела с басовитым криком и традиционно производимым шумом поднялись две кряквы. Как бы дразнясь и наслаждаясь своей неуязвимостью, они пролетели метров двести, развернулись, отвернули и прошли правым берегом.

— Нахалы. Ну, ничего, я своих дождусь, и моя мечта исполнится, — решил я, продолжая плавно работать веслами. Внутри сладостно защемило в ожидании охотничьей удачи. Глянул вперед и вновь увидел вне выстрела несколько чирков, торопливо заплывших в траву. Сосредоточенно и в готовности к выстрелу продолжаю движение.

— Сейчас что-то должно произойти, я предчувствую это. Сейчас кому-то не повезет, — уверенно говорю себе.

Ушедшие в траву чирята снялись вне выстрела, и ушли вниз. Замечаю чирка-одиночку, идущего навстречу. Он замечает лодку, уходит правее и проходит над берегом.

— Даже если собью над берегом, в высоких кустах все равно не возьму, — решил я и пропустил чиренка без выстрела.

Тут же замечаю большую утку, идущую навстречу прямо над водой. Она заметила лодку и стала уходить влево с набором высоты.

— Кряква! — мелькнуло в голове. Я начал лихорадочно соображать — будет проходить над левым берегом. Там трава показалась не очень высокой, ориентиры для привязки есть. Надо бить! Все это за доли секунды, еще немного и стрелять будет неудобно.

Быстрая вскидка, поводка и родной МР делает первый выстрел. Слегка обнизил, так как кряква приняла выше. После второго вы-

стрела птица сложилась тряпкой, на мгновение зависла в воздухе и начала падение.

Пока она летела вниз, я мог точно засечь точку падения. Заметил сушину, к которой мне нужно идти и попытаться найти добычу. С трудом вылез из лодки, сплавина ходит под ногами, трава оказывается не такой низкой, как видится из лодки. С замиранием сердца и надеждой продвигаюсь к сушине, в готовности добрать возможного подранка.

На мое счастье возле береговых кустов трава оказалась пониже. Мой трофей, теперь уже точно мой, лежал в редижке, приветствуя меня своими неподражаемыми синими зеркальцами.

— Спасибо Дед, — поблагодарил я местного Духа охоты за исполнение мечты, подбирая своего краснолапого красавца.

Душа пела, наслаждаясь мгновением. Я вернулся в лодку, вновь привязал оружие и в благостном расположении духа продолжил сплав.

«Как не хватает солнышка», — вновь подумалось мне.

Вода поднялась так высоко, что самая нижняя рябиновая гроздь отражалась в воде. Зрелище для богов и охотников!

Впереди вне выстрела вновь взлетели четыре кряквы, басовито покрывая, ушли в сторону находящихся на правом берегу озер. Буквально сразу же поднялись еще три, и ушли в противоположную сторону.

«Сегодня кряков увидел больше чем чирят. Это впервые и еще не вечер», — продолжал я размышлять под мелодичные и неторопливые всплески весел. Было смутное предчувствие, что еще раз встречу сегодня с ними. Опять шумный взлет, на этот раз делаю поводку без выстрела, Он был бы бесполезным — снялись очень далеко. Но для стрелковой тренировки полезно.

— Ребята, да вы умными стали, общаться на расстоянии выстрела не хотите. Слабо сыграть в догонялки дробью? — посетовал я на нетактичное кряковое поведение.

Неожиданно слева метрах в сорока с ужасным шумом и криком из травы взлетает кряк. Как мне показалось, поднялся метрах в пяти от воды.

— Ребята, вы меня разозлили. Мечтаем дальше, — сказал я себе, одновременно вскидывая ружье.

Кряк начал падать после первого выстрела. С переломанным крылом он упал в траву.

«Это не есть хорошо», – едва успел подумать.

В этот момент слева и уже сзади со страшным шумом и резким фальцетным криканьем взлетела еще одна кряква. Она пропустила меня, и взлетела после выстрела.

– А ты, батенька, нахал, – сказал я ему, разворачиваясь вместе со стволом. Стрелять было не совсем удобно, но и эта кряква упала после первого выстрела.

– Можем, когда сильно захотим, – похвалил я себя, направляя лодку к берегу.

С трудом высадился на шевелящуюся сплавину. Второго крика нашел почти сразу же метрах в десяти от берега. Сбитого первым искал около получаса. Опять без Коломбо как без рук.

Лежащие в носу лодки пара крякв и чирочек были живым воплощением охотничьей мечты.

– Уже знатная будет шурпичка, – предвкушал прекрасный вечер в компании близких друзей.

Я проплыл не более пятидесяти метров. Шум взлетающих крякв раздался сзади метрах в десяти. Рывком в два гребка разворачиваю лодку, в надежде успеть достать хитрецов. Эти оказались очень умными. После взлета поднялись на уровень прибрежных тальников и сразу снизились, укрывшись за ними.

– Молодцы, ничего не скажешь. Но мои ждут меня ниже, – порадовался я за хитро-наглых крякашей.

Развернулся и двинулся дальше, навстречу всем радостям и разочарованиям этого прекрасного охотничьего дня. Весла продолжали извлекать из воды мелодичные всплески.

Заветный участок почти преодолен, оставались последние сто метров. Здесь река сужается, слева залитый разлив, справа берег становится твердым и отвесным. Кусок прибрежной травы приклеился на расстоянии метров в 20 и шириной метров в десять. Сама ширина русла в этом месте не более семи - восьми метров.

Как по заказу из-под левого берега на пределе выстрела даже из Магнума-76* мм снимаются три кряка и выходят на открытую воду.

– Зря вы так, ребята. Сегодня я неплохо стреляю!

Быстрая вскидка, но первым выстрелом промазал. Второй настиг кряка, опрокинул его на воду. Третьим выстрелом сбиваю еще одного. Он падает на воду буквально в метре от прибрежной травы у правого берега. Сразу же ныряет и пропадает из виду.

Торопливо подплываю к удаляющемуся по течению битому кряку. Он плывет вверх лапами, изредка подергивая ими.

По три кряквы в день на Амунке я беру второй раз. Но тогда удачно взял всех трех вылетевших с одного места. И больше в тот день их не видел. Сегодня же продолжается кряковая феерия. На поиски подранка ушло минут тридцать. Облазил участок прибрежной сплавины у берега, выходил на него. Увы, и этот оказался не моим.

«Вот здесь мечта не сбылась», с грустинкой подумал я. Столкнул свою ходкую лодочку, занял свое место, привязал ствол и в путь. Лодка вновь мягко и непринужденно заскользила по стальной водной глади. У одного из кривунов под берегом заметил поясок из опавших листьев. Осень неминуемо вступала в свои права, даря людям возможность насладиться всей прелестью осенней палитры. Солнце уходило выше по небосклону, не показываясь через серые облака. Но света становилось больше и краски на берегах становились более сочными и насыщенными. Вода тоже меняла свой цвет – она стала серо-голубоватой.

На речке есть другое примечательное место. Много лет на большом сухом дереве, стоящем напротив выхода на Лебединое Озеро, гнездится пара белоплечих орланов. И в этом году я порадовался встречей с ними. Семейство из трех птиц сидело на деревьях возле гнезда. Подросший птенец сидел на гнездовом дереве, сильно нахилившись и недоуменно оглядываясь по сторонам. Родители сидели на соседних, внимательно наблюдая за любимым чадом. Я проплыл метрах в ста от громадных красавцев орланов, любуюсь ими.

– До встречи, – попрощался с орланами и продолжил свой приятный путь.

В лодке, радуя глаз, лежали три кряквы, как бы говоря: «Мечта сбылась, охота уже удалась». Это доставляло удовольствие моей мятежной охотничьей душе.

После очередного гребка мелодичные всплески были дополнены звонким звуком взлета шести крякв. Суматошно крякая, они взлетели вне выстрела: «Даже и не думай! Не достанешь!». Кряки

невредимыми уходили над затопленной прибрежной травой.

«Что-то интересное будет сейчас», – предсказала мне моя охотничья интуиция. И не ошиблась. Кряквы начали взлетать нагло и бессовестно. По две, три, пять штук они поднимались, но все вне выстрела. Охотничье самолюбие было задето сильно.

Я бросил весла, держал оружие на изготовку и просто плыл по течению в готовности к выстрелу. Кряки продолжали свою неуязвимую серию – поднимались с разных мест широкого разлива.

«Совсем совесть потеряли», – продолжало возмущаться охотничье самолюбие.

По беглым подсчетам взлетело не менее трех десятков крякашей. Я начал понемногу закипать. Взлетевший справа метрах в сорока кряк уходил из травы в сторону берега. Удержаться уже не смог – накопившийся внутри пар требовал выхода. Рациональное охотничье мышление говорило: «Не стреляй, не возьмешь. Упадёт в высокую траву». Я не услышал его гоюс – выстрел в угон уронил кряка в высокую траву метрах в пятидесяти. На его несчастье прямо по курсу, казалось бы, недалеко от уреза воды взлетает еще один нахал. И опять я не смог устоять – вторым выстрелом сбил его.

«Ну и что ты натворил, бестолочь?» – задало мне вопрос рациональное мышление. Ответить на этот вопрос я не смог. Пришлось согласиться с определением. Поиски кряков заняли около сорока минут. Все безрезультатно. Проклиная себя за бестолковую стрельбу, я сел в лодку с новой установкой:

– Буду стрелять только птиц летящих над водой. Больше рука не поднимется зря бить птицу. Уж больно много оставил подранков.

С таким тягостным настроением я двинулся дальше. Итоги последней стрельбы стали ложкой дегтя в бочке меда. Кряквы взлетали еще раза четыре. Во всех случаях вне выстрела – с насмешливым криканьем удалялись восвояси.

– Сговорились они, что ли? – задал я себе вопрос.

Остаток маршрута не принес неожиданностей. Вне выстрела пару раз снимались чирки. Один имел неосторожность влететь над водой, в том месте, где речка становится узкой и требуются особые навыки управления лодкой.

– Ну, зараза, держись! – сказал я чирку и выстрелил.

Тот закувыркался в воздухе и упал на берег.

«Ну, и зачем ты это сделал?» – последовал неизбежный вопрос.

Опять крыть нечем. Глупость сотворена, и все попытки найти чиренка ничего не дали.

– Все, разряжаю оружие, – решил я для себя.

Сел в лодку и двинулся дальше. До моста оставалось еще около километра. Здесь началось самое интересное. Трижды на расстоянии выстрела над водой вылетали чирята, летели медленно, как будто дразнясь. Я не стал вновь заряжать оружие. Хватит, мое взято. Мечта сбылась. У моста высадился вовремя, сделал трофейную выкладку для фотоснимка. Собрал лодку, все подготовил к погрузке. Минут через двадцать подъехал друг. Он порадовался за меня. Но задал вопрос:

– Ты чем расстроен?

Я рассказал ему о тех глупостях, которые сотворил сегодня. Он с пониманием глянул на меня и успокоил. Закончился незабываемый охотничий день, когда количество добытого является вторичным. Это был день осуществления не всем понятной, но желанной охотничьей мечты. Впереди меня ждала разделка добычи, передача добытых уток жене Василия для приготовления на ужин шурпы из добытых уток. Так закончилась охотничья часть дня.

Шурпа в исполнении Татьяны оказалась бесподобно вкусной. После непростой вечерней лососевой рыбалки, когда моими трофеями стали несколько красавцев кижучей, она была вкуса вторична.

Когда поздним вечером, умиротворенный и уставший, я засыпал в теплом кунге, в памяти вновь появились картинки этого дня. Цветными были моменты, когда мне удавалось взять добычу, и укоризненно черно-белыми – досадные моменты неудачи.

Кривун - * местное название речной излучины

Коломбик или *Коломбо* * - кличка собаки

Кунг * - жилая будка на автомобильной раме

Магнум 76 * - охотничьи патроны с длиной гильзы 76 мм

Кряк * - *Крякаш* * - местное название кряквы.

Чир * - местное название чирка-свистунка.

Андрей Баранов

Поэт. Родился в 1962 г. в г. Винница (Украина). В 1966 г. вместе с семьёй переехал в Ульяновск (Россия), где прошла большая часть его жизни. Стихи начал писать в 1979 г.. Печатался в газетах, коллективных сборниках. В 1991 г. подборка стихотворений вышла в журнале «Дальний Восток». В 1998 г. увидел свет первый сборник стихов «Странник» (Ульяновск). В 2002 г. переехал в Москву, где живет по сей день. Работает в одном из крупнейших издательств учебной литературы. С 2005 г. возобновил публикацию своих стихов и стал постоянным автором интернет-журналов «Сетевая словесность», «45 параллель», «Топос», «Новая

литература». Подборки стихотворений печатались в журнале «День и ночь», альманахе «Каштановый дом», сборнике современной поэзии и прозы «Московский дом», коллективных сборниках в России, Украине, Германии, США. Автор трёх книг стихов «Странник» (Ульяновск, 1998), «Крылья деревьев» (Москва-СПб, 2009), «Невыразимое» (Москва, 2013).

Член МСП «Новый Современник», автор-участник Московского Салона Литераторов (Моссалит).

Трубач и его муза

А потом он привык, что она на плече у него.
Что когда просыпался – она никуда не сбегала,
ведь для счастья, по сути, нам надо до странного мало –
лишь немного любви и терпенья – а так ничего!

И она поселилась в его беспокойной судьбе,
посадила цветы и развесила в доме картины,
и лечила его от простуды, хандры и ангины,
он же вечно играл на своей бестолковой трубе.

Самолёты, афиши, людьми переполненный зал
проходили пред ним бесконечным прекрасным парадом.
Он не думал о ней, потому что она была рядом.
Он не помнил о ней. Нет, точнее, не вспоминал.

Но однажды под вечер она вдруг ушла от него.
И чего-то большого и важного в жизни не стало,
ведь для счастья, по сути, нам надо до странного мало,
но, когда оно – вот, мы обычно не видим его.

Он забросил трубу. Оборвался на взлёте полёт.
И одни говорят, он живёт теперь где-то в Майами,
а другие – что служит священником в маленьком храме.
Впрочем, мало ли что от безделья болтает народ!

Облако

Вот облако расслабленно парит.
Его гора над городом горит,
в косых лучах заката пламенея,
и, отражаясь в парковом пруду,
плывёт за мной, а я куда иду?
Не знаю сам – но облаку виднее.
А я иду, куда ведут глаза.
Они меня ведут куда-то за
невидимый рубеж на небосводе.
И облако поверх него плывёт,
как будто белоснежный пароход,
а может, айсберг или что-то вроде.

Осенний тополь за окном

Не пишется ни о чём.
На ум не идут слова.
Уткнувшись лицом в плечо,
лежит моя голова.
На улице мокрый снег,
переходящий в дождь.
И тополь, как человек,
стоит, на меня похож.
А был бы он человек,

зашёл бы ко мне давно.
Я дал бы ему ночлег,
поставил на стол вино.
Мы выпили б с ним вина,
и стало бы нам теплей.
Ведь осень для всех одна –
не только для тополей.

Границы. Сон внутри сна

Была страна – большой просторный дом,
но вот повсюду пролегли границы,
порой мне кажется, что это только снится.
Проснусь – и посмеюсь над этим сном.
Пойду куплю до Таллина билет,
чтоб дать разрядку напряжённым нервам.
И мне помашет флагом Длинный Герман,
а Старый Томас передаст привет
Васильевскому острову, Кремлю...
Я поброжу по Таллину без спешки,
потом, зависнув в маленькой кафешке
на Татари, немного задремлю.
И мне под утро странный сон приснится
о том, что больше нет моей страны,
её на части рассекли границы...
И я проснусь с сознанием вины.

Спасительно нисходит в мир молчание

Да, этот мир был сотворён из Слова,
но сохранить реальности не смог.
В пустых словах он исчезает снова,
которые давно уже не Бог.
Под нудный рэп тупого одичания,
под ложь вельмож и пропаганды вой
спасительно нисходит в мир молчание,
как долгожданный штиль перед грозой.

Ночь

Встану тихонечко. Ночь на дворе.
Мне почему-то не спится.
Лунные тени лежат на стене.
Вскрикнет спросонья птица.
Льётся беззвучная звёздная речь
знаками Зодиака.
Дышит во сне, остывая, печь,
спит под крыльцом собака.
Кажется, ночи не кончится срок.
Год будет длиться? Век ли?
Но засветился уже восток,
звёзды чуть-чуть поблекли.
И становясь всё ясней, ясней,
ночь, как свеча, сгорает.
Дети тихонько растут во сне,
матери умирают.

Рыба-душа

Перелёты гусиных стай,
запах яблок, да свист метели –
я люблю этот дикий край,
мне дарованный с колыбели.
За подарок плачу с лихвой
самой полной стократной мерой:
непутёвой своей судьбой,
схоронённой под сердцем верой.
Я в политику не стремлюсь –
не люблю, когда врут друг другу.
Белокрылая птица-грусть
надо мною парит повсюду.
Я однажды уйду – и всё!
Не ищите в листках поминных!
Позолоченным карасём
поплыву в небесах былинных.
И однажды опять, как встарь,
мою тёплую рыбу-душу,
кинув невод, старик-рыбарь
из глубин извлечёт на сушу.

Лужа. Воспоминание детства

Лужа была океаном,
только немного уже.
Было страшно и странно
стоять посредине лужи.
Ловить облаков дирижабли
на фоне небесной сферы,
пускать по волнам кораблик,
склеенный из фанеры.
И, управляясь ловко
палками, словно вёслами,
спорить с соседским Вовкой,
какими мы станем взрослыми...

* * *

В дождь московские небоскрёбы, точно невиданные чудовища,
щерятся из тумана миллионом стеклянных глаз,
будто охраняют от нас неведомые сокровища,
бесчисленные сокровища скрывают от нас.

А мы рядом с этими монстрами такие маленькие и неказистые,
такие жутко несовершенные лилипуты великаньей страны
со своими одышками, животами, детьми и прописками,
со своими баулами и канистрами, комплексами вины.

Ох уж мне эти комплексы бесконечные!
Вечно каемся за чьё-то похмелье в чужом пиру.
А они, ни о чём не ведая, всё растут и растут, беспечные,
скоро вырастут окончательно и всех нас сожрут.

Так и кончится наша странная, несуразная цивилизация,
где любили сидеть на кухнях, пели песни и пили чай.
Ей на смену идёт другая, где не смыслы, а информация,
где не отдых, а рекреация...Выходи-ка её встречай!

Микаел Абаджяни

Прозаик, переводчик. Родился в Ереване, живет в Москве.

Издавался в периодических изданиях и литературных сборниках Армении, России, Франции, США, Ливана и др. Имеет два авторских сборника рассказов «Белая башня» (2002 г.), «Портрет» (2010 г.). Имеет множество переводов с армянского языка на русский, участник проектов и автор переводов к текстам полнометражных исторических документальных фильмов по госзаказам. Долгое время работал редактором в журнале Союза писателей Армении «Нор Дар». Есть литературные награды. Король прозы-2009 Международного союза писателей «Новый Современник». Член Союза писателей Армении, Союза писателей Еревана, Международного ПЕН-клуба, МСП «Новый Современник», Общества русскоязычных писателей Армении и Диаспоры. Автор-участник Московского Салона Литераторов (Моссалит).

Заумь

Водился я некогда с одним странным типом, писавшим стихи. Бегал он за мной по пятам, только бы я взглянул на его творения. Стихи я, конечно, хвалил, мне это не составляло труда, тем более что обсуждали мы их где-нибудь в закрытом кафе или ресторане. Угощение было всегда отменным, на столе искрилось пиво или темное вино, изумительно пахнул копченый сыр. Оплачивал счета всегда он. И был бесконечно счастлив, когда ему удавалось вырвать у меня похвалу. Хвалил я его не сразу, указывал на слабые стороны его творчества, подбрасывал кое-какие идейки. А стихи, между нами говоря, были совершенно невразумительные. Сам он их называл «заумью», видимо, не вполне понимая значение этого слова. Все, что невозможно было разобрать, объяснить и растолковать, подпадало под эту, выдуманную им, общую формулировку. И когда я спотыкался, запинаясь, чувствуя, что алкоголь уже замутил мне рассудок... мой приятель многозначительно закатывал к потолку глаза и произносил: «Вот это настоящая заумь!»

Был он много старше меня, хотя молодил. В похотливой дымной атмосфере кафе женские взгляды всегда из нас двоих безошибочно выбирали меня, и он, как мне думалось, от этого всегда несколько страдал. Я прикладывал все усилия, чтобы не показывать, что замечаю это. Он был стар для поэта... для начинающего поэта. И где он обретался все эти годы со своими заумными стихами? Почему привязался ко мне? Да и кто кроме меня стал бы разбирать эти стихи, пролежавшие не один десяток лет в каком-нибудь пыльном ящике? Любой редактор сломал бы ручку, пытаясь добраться до их смысла. Игра корнями слов, поиск двойного значения там, где его не могло быть, поиск абсолютных рифм... Господи, да неужели вдохновение поэта могло выдавать и такие уродливые формы?!

Шло время, наше общение приобретало характер болезненной привязанности. Мой приятель после бесед со мной стал писать стихи значительно лучше. Он все так же стремился мне их показать, но только когда был в настроении и при деньгах. Но к моим замечаниям уже относился весьма критически. Принимал их не сразу, подливал мне вино уже не так охотно, как прежде, объявляя при этом, что поэт такой-то сказал по поводу этого его стиха то-то и то-то... Его уже больше интересовала моя реакция на мнение других, весьма уважаемых литераторов, относительно его произведений. Он уже не принимал мои слова на веру и не торопился оплачивать счета, давая мне время тоже порыться ради приличия во внутренних карманах своего костюма.

Самое удивительное во всей этой истории было то, что сам я стал писать значительно хуже. Исчезло бывшее вдохновение. Поток рифм не рвался ввысь, разбилась стройность мысли, тупая заумь все чаще обволакивала мое сознание. Крылатые музы не вдохновляли меня, точно я был скован обязательствами перед другой, тупой

и бездарной, силой. А в художественной периодике уже замелькали портреты моего приятеля, о нем говорили уже если не с восхищением, то как о подающем великие надежды поэте. Звонил он мне все реже, все меньше говорил о своей «зауми» и все больше старался оборвать разговор на полуслове, подливая мне пивка.

Я не мог понять, почему в моих произведениях больше не было творческого азарта, почему они стали серыми и заумными. Я объяснял себе это тем, что я уже не юн и повидал жизнь и творчество мое обретает более зрелые формы. Но мои объяснения не имели под собой никаких оснований. Я страшился честно признаться себе, что это тупая «заумь» произведений моего приятеля овладела моим сознанием, что, пытаясь разобрать путаницу его обрывочных мыслей и строк, я сам запутался, оставив в этой липкой паутине все лучшее, что было в моем собственном творчестве. А мой приятель уже получал литературные награды и больше мне не звонил...

Однажды, когда я прикладывал невероятные усилия, чтобы написать очередной стих, упорно отгоняя от себя мрачную навязчивую «заумь», раздался телефонный звонок. Мой приятель был в отличном настроении и приглашал меня в шикарный ресторан. Вчера его награждал сам президент за бесценный вклад в литературу. Перспектива хорошо поесть и выпить сразу положила конец моим творческим усилиям, и я охотно согласился. За мной приехал черный автомобиль с желтыми шашечками такси, повез меня по малознакомым улицам. В ресторане все отливало золотом, от яркого света резало глаза. Между столами носились официанты в черных парах и симпатичные официантки. Нам был заказан столик на двоих. Мой приятель вел себя непринужденно и больше не показывал мне своих стихов. Внимание присутствующих привлекал только он. Его узнавали, он был в ореоле славы. Он говорил о том, как быстро смог сделать карьеру в литературе и даже начал приобретать мировую известность. Ну, конечно же, он считается с моим мнением, иначе не стал бы себя обременять такой дружбой. Что-то в его словах мне не нравилось все больше и больше. Мы выпили шампанского и закусили, после чего я сказал ему, что все это хорошо, но что делать с той тупой заумью, которую он мне оставил, да так и не забрал. Сначала он рассмеялся и сделал вид, что не понимает, о чем идет речь. Но я уже порядком набрался и стал тупо настаивать на том, чтобы он избавил меня от этой своей зауми. А про себя еще подумал, что, глядишь, и талант свой удастся вернуть. Но он, точно прочитал мои мысли. Поблуднел, стал совсем белым в ярком ресторанном свете. И тут я понял, что он меня на целую вечность старше. Он бросил на тарелку смятую салфетку и позвал за собой. Мы вышли в сад, где гулял холодный бесноватый ветер. Я почти протрезвел, но снова завелся по поводу зауми. Вдруг он выбросил вперед руку и разбил мне лицо. Моя ладонь оказалась в крови. Он объявил, что на этом наша дружба кончается, что больше он мне никогда не позвонит, и чтобы я тоже не смел его с этих пор тревожить. Я был вне себя от ярости, подобрал с земли булыжник и запустил ему в голову. Больше я ничего не помню.

На следующий день по телевидению и радио только и говорили о том, что великий поэт был убит неизвестным маньяком...

Владимир Борисов

Родился в 1958 г. в г. Челябинске, где прожил до 1980 г. По образованию строитель. С 1980 г. живет в Москве. Отец двух дочерей и дед двоих внуков. Поэзией увлекался с детских лет, а вот к прозе перешел не так давно – последние лет семь.

Имеет публикации в литературных альманахах Нидерландов за 2006 и 2007 гг., США – Антология «Русского Глобуса» за 2008 г., в литературных журналах «Южная звезда», «Колесо», литературных сборниках Москвы и Петербурга, регулярно публикуется в интернет-журнале «Московский BAZAR». Весной 2010 г. в Амстердаме вышел авторский сборник повестей и рассказов «Ангел серебристый». Готовится перевод этой книги на французский язык.

Золотой лауреат премии «Золотое перо Руси» за 2008 г.

Член МСП «Новый Современник», автор-участник Московского Салона Литераторов (Моссалит).

Зона отчуждения

1

Рожала Верка Моховая необычайно долго и трудно. Уже полуслепая повитуха Ефросинья, приехавшая из соседнего села, оприходовала всю самолично заготовленную Веркой перед родами самогонку и, дураковато улыбаясь, клевала носом над разведенными бабьими ногами, то и дело утыкаясь плешивой своей головенкой в огромный живот роженицы, а та (вот же стойкая баба) все никак не могла исторгнуть из себя нагулянного ребенка.

– Дура баба! И рожает по-дурацки... – ругнулась Ефросинья в очередной раз, пытаясь выпедить из давно уже опустевшей бутылки хоть каплю спиртного.

То, что Верка ребеночка нагуляла, – это, как говорится в переписках, факт стопроцентный: если у Моховой паспорт и был, то на странице о семейном положении он явно не имел никакой записи, уж об этом бы народ точно знал. Это с одной стороны, но с другой – кто-то же все-таки как ни крути, а переспал с ней. Не ветром же ей под подол надуло? Можя, из приезжих кто, из командированных? Их после взрыва по первости много приезжало... Спросить разве? Так ведь не скажет, как пить дать не скажет. Та еще деваха! Одно слово дура. К тому же рыжая...

Так наверняка думала о своей пациентке Ефросинья в минуты, когда сила воли старухи преобладала над жутким желанием прикорннуть тут же, в теплых Вериных ляжках, и глаза повитухи с трудом, но все же таки приоткрывались.

А может быть, и ни о чем подобном и не думала старая клушка, с жадностью бросая тоскливый свой взгляд на обитую рваным войлоком входную дверь и мечтая, должно быть, только об одном – как бы поскорее слить из этого зараженного радиацией дома.

Хотя если здраво поразмыслить, то, может, эта самая Моховая и не дурочка вовсе, а так, слишком бесхитростная, что ли, да наивная, хрен ее разберет. А народ – что народ? – он иной раз довольно жесток бывает, наш народ-то. Как шлепнет кто со зла, а кто просто по причине характера своего гнусного: мол, тот – сволочь, а эта, мол, блядь, пробу ставить негде, а этот – дурак, так всё, считай, до самой смерти так и придется им в сволочках да блядях ходить, народной молвой пригвожденными.

Короче: только поздним вечером, когда первый фиолетовый снег улегся на теплую по-осеннему еще землю, стыдливо прикрыв живописными сугробчиками поваленные пес знает когда взрывной волной столбы с ржавой колючкой и полуразрушенные бетонные конструкции, вывороченные из земли, Верка и родила.

То есть под самый ноябрьский праздник.

И именно тогда осоловевшая Ефросинья, для блезиру сполоснув заверещавшего ребенка в давно уже простывшей воде, и подала мокрой от пота Верке ее нагулянное дитяtko...

– Пацан, кажись, – прошелестел севший с самогона голос по-

витухи уже от двери.

Самогон – самогоном, но кто его знает, когда и как эта сволочная радиация с ее, Ефросиньиным, организмом поведет... Верке-то что? С нее как с гуся вода: она в домишке этом родилась, выросла да и помрет, похоже, здесь же: привыкла, одним словом. Не зря же она одна во все этой деревне осталась: соседи ее все вскорости эвакуировались, вернее, сбежали, кто куда сумел – кто к родственникам, а кто и на кладбище...

– Пацан, – простонала уставшая Верка и, прижав ребенка к горячему боку, тут же уснула, счастливо улыбаясь в кровь искушенными губами.

Матерью Верка оказалась, как это ни странно, вполне приличной, хотя хитрое ли дело вовремя малышу сиську в рот сунуть, благо молока на троих за глаза хватило бы. Сыну уже третий год шел, а все грудь сосал. А мамаша и не против: все с кормежкой проблем меньше.

Года эдак через три, по весне, из города приехало сразу же несколько грузовиков с кузовами, набитыми тонюсенькими саженьцами топольков, и мужики, работяги с тракторного завода, за один день вкруговую обсадили ими место страшной аварии, не забыв, впрочем, по внешнему периметру врыть столбы с черной каленой колючей проволокой. Над небольшой, замкнутой на навесной замком калиткой повесили жестянку со знаком радиоактивности и надписью: «ВНИМАНИЕ! ЗАПРЕТНАЯ ЗОНА. ВХОД ТОЛЬКО ПО СПЕЦПРОПУСКАМ В СПЕЦКОСТЮМАХ».

Так и появилась на карте области странная, идеально круглая, «зона отчуждения».

Шли годы, и среди набравших силу деревьев завелась грибница, да такая мощная, что Верка, с пятилетним уже пацанчиком, за несколько погожих днейков на целый год грибами запасалась.

Белые, скрипящие под ножом пятаки груздей солила она холодным способом в большой деревянной кадушке, под крышкой, придавленной тяжелым, мокрым от сопливого рассола булыжником. А грибы из «благородных» – белые да польские – сушила в избе, нанизав их на длинные прочные шелковые нитки.

На что, на какие такие средства жила Верка с сыном своим в заброшенной деревне, ни председатель колхоза, на чьей земле деревня эта самая числилась, ни просто сельчане, мужики да бабы, не интересовались. К чему лишний раз вопросами совесть беречь – раз живут пока, значит, есть на что. К тому же и огородик какой-никакой возле домика Веркиного имелся. Да и коза, кажись, вокруг столбика пасется... Выживут! Не зря ж говорится – дуракам везет.

Вот и Верке повезло. В тот год, когда могильник громыхнул, почитай всю деревню по бревнышкам раскатало, а в ее избенке даже стекла не лопнули. Вот ведь как бывает...

Дурочка дурочкой, а все ж таки стала примечать Верка, что сынок ее, Толенька, все больше на животе спит, да и то беспокойно, а на спине его, аккуратно где лопаточки выпирают, начали набухать две дули большеенькие, ровно грыжи. Хотела Моховая врача к сынку вызвать, но те – вот же суки дипломированные – как услышат про «Маяк», так и за червонец, а то и за четвертную в зону, к больному, идти отказывались...

– Ведите, мамаша, сами чадо свое к нам в клинику, и то мы вам, голубушка, одолжение делаем, район не наш...

Плюнула Верка на докторов этих городских и начала сама сыну спину народными средствами лечить.

То повязку с жеваным столетником и подорожником к спине приложит, а то самогоном, настоящим на мухоморах и курином помете, начнет лопатки протирать и утром и вечером.

А дули на лопатках у Толеньки росли и росли себе преспокойно, да к шести годам, когда он уже и азбуку самостоятельно освоил и большие слова бойко из кубиков (материнского подарка) собирал, в крылышки и переросли. Махонькие такие, чуть больше петушиных, белыми перышками покрытые. Но Толенька на них бойко так по дому летать наловчился, ровно мотылек какой. Все в окно порывался вылететь, к простору рвался...

Терпела Верка такое его безобразие, терпела да и взорвалась как-то.

Сбила она сына во время его кружения вокруг лампочки влажным полотенцем, ручки да ножки его спеленала покрепче, да и отхватила белые эти крылышки ножницами для стрижки овеч.

Кровищи было – хоть таз подставляй, а Толя молча смотрел на маму, в зеркале отраженную, когда она ему пенечки от крыльев перебинтовывала, и столько во взгляде его детском тоски и обиды было, что Верка расплакалась сначала, а потом и вовсе перед ним на колени бухнулась.

– Прости, прости меня, сына ты мой ненаглядный! Прости ты меня, ангелочек ты мой! Совсем я видно ополоумела... Хрен знает что натворила, по глупости своей бабьей.

А когда его спекшиеся бледные губы с трудом расклеились, чтобы протолкнуть слова прощения, да такие слова, будто и не мальчик перед ней шестилетний стоял, а мудрый, великодушный и довольно уже поживший на этом свете человек, совсем заглохло Верке. В испуге даже отшатнулась, саму себя чуть ножницами не поранила.

– Я понимаю, мама. Ты же не со зла. Ты не плачь, мама, я тебя попрекать не буду, ты не бойся... В конце концов, у тебя ведь тоже крылышек нет, и ничего, живешь.

Охнула мать протяжно и больно, упала на пол да головой о чугунную кроватную ножку и ударилась. Вскочила было сгоряча, хотела, видно, утюг холодный к шишке приложить, да тут же снова на пол и повалилась, чтобы с тех пор никогда уже с кровати не подниматься более и рта не раскрывать... Паралич, должно быть.

2

Через месяц из города комиссия в Веркин дом нагрязнула, что-бы как-то с парнишкой, с Толькой, вопрос о детском доме утратить: рано, мол, одному, трудно, надо полагать, в таком возрасте в деревне да еще с матерью – инвалидкой...

Вошли испуганно в полутемную комнату, наверняка, ожидая увидеть смрад да вонь, что вокруг лежачих частенько случается, да ошиблись, бедолаги.

Вокруг чистота да порядок. У Верки под кроватью горшок эмалированный, с ручкой облупленной, чистенький притулился. На полочках да подоконниках из газет резные салфеточки разложены, а сам Толик за столом сидит и огромную книгу по слогам читает, губами шевелит и пальчиком вдоль строк водит.

Тот, что в комиссии за главного был, председатель, значит, лысоватый мужичок, разве что чуть повыше, чем Толя, с брюками на помочах, отчего-то на цыпочках к столу подошел и, приподняв пальцем обложку, прочитал трагическим шепотом:

– Болеслав Прус. «Фараон».

После чего также на носочках вернулся к остальным и громким голосом спросил, неизвестно к кому обращаясь:

– А не хочет ли Толя в город, в детский дом? Нехорошо, когда такой маленький мальчик растет без присмотра взрослых.

Толик с сожалением отложил книгу и, подойдя к матери, поправил на ее животе ветхое, но чистое одеяло.

– Нет, Толя не хочет. Толе и здесь хорошо. А в городе маме станет хуже... Тем более что коза у нас и огород... Нет. Ни я, ни мама моя в город не поедет. До свидания.

– До свидания, – недружно ответили члены комиссии и задом скорее-скорее прочь из этого дома.

Прикрыл мальчик двери за ретировавшимися гостями и только сейчас заметил, что в ногах у матери кто-то оставил яркую книжку про похождения деревянного проказника и красную мятую десятирублевую бумажку.

Только подошел к темнеющему окну и прижался высоким лбом к тонкому прохладному стеклу, а мать его, Верка, глотая слезы, смотрела на обезображенную спину сына, где обрубки крыльев уже срослись в небольшой, уродливо-бугристый горб, особенно хорошо видимый сейчас, в легком вечернем полумраке комнаты.

Когда в доме все дела были переделаны, а мать, подмытая и накормленная, дремала, тихо посапывая, пацаненок уходил из дома и часами бродил по развалинам деревни, давно уже и основательно заросшими полынью и крапивой, иной раз забираясь и к залитому бетоном могильнику. Из полуразрушенных подполов и печей, обломков рухнувших в одночасье домов, Толик выковыривал пожелтевшие и разбухшие от воды книги, покоровившиеся тетради, раздавленные полинявшие игрушки.

Если было сухо, мальчик ложился животом на прогретый бетон, подставляя изувеченную спину солнцу, и часами слушал завывание сухого ветра, запутавшегося среди арматуры и колючей проволоки, удивительно схожие с тоскливыми переливами армянского дудука.

А иногда, особенно когда поблекшую акварель бездонного неба перечеркивали улетающие по осени журавлиные стаи, он со стоном переворачивался на спину и долго-долго, сквозь радужные переливы слез, застывших среди ресниц, смотрел им вслед. Птицы, словно чувствуя что-то, как будто нарочно долго и беспорядочно кружили вокруг зоны отчуждения и только много позднее выстраивались и вытягивались в черные клинья...

Постепенно деревня начала оживать. Вернулись некоторые из односельчан, наверное, отчаянно надоевшие своим сродственникам. Появились и совсем чужие люди, по виду бродяги и неудачники, уставшие от собственной неустроенности и не верующие ни в Бога, ни в радиацию.

То тут, то там над бурьяном поднимались домишки, иной раз и красного кирпича, под железной крышей, благо строительного материала и на развалинах деревни, и на взорвавшемся комбинате оказалось вдоволь.

А радиация... Да что радиация? Кто ее видел, эту самую радиацию? Вон Верка с сыном живут, коза, однако же, да огородик. И ничего! Мальчишка так даже и румяный вечно, словно с мороза.

Анатолий, крепкий, мускулистый подросток, подпорченный горбом, хоть и небольшим, а все ж таки заметным, тщательно вымыл руки возле колодца, поливая себе с ведра, и, промокнув их о собственную рубашку, с затаенным любопытством посмотрел в полутемную, сыроватую, четырехугольную яму, вырытую им посреди огорода. По стенкам ее, с зеркально-глинистыми срезами от лопаты, тонкими змейками сочилась верховодка. Небольшой, аккуратно сколоченный крест полулежал на куче вынудой земли, исходил желтыми, янтарными слезами.

Крест Анатолий срубил из высокой, с отломанной верхушкой, голубой ели, растущей возле развалин бывшего Дома культуры. От запаха свежей земли и еловой живицы у паренька кружилась в голове, подводило живот, словно от голода.

Сбросив обувь в сених, он вошел в комнату и, покачиваясь с носка на пятку, постоял возле самодельной книжной полки, подвешенной в углу, рядом с окном.

Библиотека для деревни была довольно большой, но совершенно несурзной по составу.

Толстенная Библия дореволюционного издания соседствовала с потертым и замасленным справочником по ремонту и эксплуатации гусеничного трактора «ТН-130», а рассказы советских писателей о Ленине опирались о пухленький томик Эмиля Золя.

Выудив из книг, любовно перечитал и убрал в карман лежавшую до поры хвalebную справку-характеристику, выданную ему, Анатолию Моховому, председателем соседнего колхоза, которому он между делом за эту зиму отремонтировал и отрегулировал всю

уборочную технику, ржавеющую бы без этого, по устоявшимся обычаям, до самого последнего дня, до весны.

Обмыв в последний раз остывшее, усохшее за годы болезни тело своей матери, Верки, уснувшей навсегда два дня назад, он завернул ее в чистую простыню и, перебросив через плечо, вышел во двор.

Дождь тут же промочил полупрозрачную, ветхую ткань, и, пока Анатолий не забросал могилу землей, у него перед глазами водяными знаками маячили темно-рыжие ее волосы и блекло-багровые соски высохших грудей. Установив крест, он запер дверь на замок и, не оглядываясь, пошел прочь, в сторону Сибирского тракта, ведущего в большой город.

Дождь шлепал и шлепал крупными тяжелыми каплями по блестяще-черному асфальту, шумом своим заглушая не то стон, не то клятву осиротевшего Толика:

– Я обязательно вернусь к тебе, мама.

3

Начальник отдела кадров, желчный худощавый старик, приехавший в этот город вместе с эвакуированной во время войны из Ленинграда техникой да так и оставшийся здесь, недоуменно раз за разом перечитывал предоставленную Анатолием характеристику.

– Слушайте, товарищ Моховой, я что-то никак не пойму, – он раздраженно загасил беломорину с измусоленным мундштуком, – а где остальные документы: паспорт, свидетельство об образовании, выписка из домовой книги? Где? Где все это?

Начальник отдела кадров в запале даже внимательно рассмотрел оборотную сторону характеристики, словно на ней водяными знаками могло быть написано нечто очень значимое для него.

Парень набычился, почти силой вырвал бумажонку из пальцев дотошного кадровика и, поднимаясь, проворчал:

– А что кричать-то? Все равно ничего больше у меня нет. А у вас на проходной написано, что требуются...

Старик вздохнул, шевельнул лохматыми бровями и, потянувшись к телефону, спросил, на всякий случай, внимательно рассматривая натруженные руки молодого человека с широкими и плоскими ногтями:

– А лет-то тебе сколько, парень?

– Я думаю лет шестнадцать, – гордо проговорил, возвращаясь на свое место, Анатолий и победно взглянул на в конец растерявшегося кадровика.

– Это дизелемоторный? – прокричал старик в трубку, по-видимому, стараясь перекричать шум производства, царивший в этом самом неведомом дизелемоторном.

– Позови-ка ты мне Таравана... Да-да... Это Максим Павлович?... Вы, помните, на партсобрании жаловались, что у вас слесарей не хватает... Да есть парнишка, настырный похоже... Какой разряд, к чертям собачьим? Говорю же, что даже отчество мне его не известно... Поставим второй, а там посмотрим... Хорошо, под твою ответственность.

На следующий день Анатолий Моховой вышел на работу в качестве слесаря второго разряда и получил койко-место в заводском общежитии барачного типа, из которого, впрочем, довольно быстро перебрался сначала в комнату в коммунальной квартире, а потом и в отдельную, на пятом этаже нового кирпичного дома. Нехорошо, если один из лучших механиков громадного завода (а слесарить Анатолий перестал уже сразу после испытательного срока) ютится без своего жилья.

Центральная городская библиотека поразила Анатолия своими колоннами и замысловатой лепниной (под книги был отдан западный флигель бывшей городской усадьбы бывшего генерал-губернатора), мраморными лестницами с кроваво-красной ковровой дорожкой, пропущенной под медными, некогда позолоченными прутьями, и бесконечным количеством книжных стеллажей, выставленных в просторных залах с несколько армейской, бездушной аккуратностью.

Первое время Моховой просто бродил среди стеллажей, вдыхая в себя сладковатый, схожий с шоколадом, запах старых, прошедших многие руки книг, читая вслух имена незнакомых авторов и названия их произведений, трогал дрожащими пальцами потертые обложки...

А потом пришла пора чтения.

Все новые и новые авторы, рекомендованные Анатолию не-

выразительной, серенькой, худо-бедренной библиотечаршей, молоденькой, впрочем, девицей, уносили его в далекие неведомые дали под тихий шорох страниц и чуть слышное хлопанье алых парусов...

Очнулся Моховой, пожалуй, только тогда, когда заметил, что в его отдельной квартире отчего-то поселилась серенькая, невзрачная библиотечарша, и что ее, оказывается, зовут Клавдией, и что, как это ни странно, месяцев через шесть Анатолий Моховой станет папочкой.

Под самый Новый год Анатолий отвез Клавдию в роддом, а сам взял два дня отгула и выбелил зубным порошком все потолки в квартире. На стенах, вместо дефицитных в те, семидесятые, годы обоев, старательно, свернутой в тугую жгут тряпкой, накатал узор, светло-желтым на голубом, и уже второго января принимал из рук фельдшерницы наследника Васеньку, Василия Анатольевича.

Клавдия после родов неожиданно раздобрела, расцвела и похорошела и, как только появилась возможность, сбагрила сына в ясли, а сама, между прочим, являясь единственной дочерью главного инженера металлургического гиганта, зачастила по санаториям, лечить существующие, а может быть, и надуманные заболевания.

Анатолий, любивший сына и радостно наблюдающий за его взрослением, на Клавкины фортели внимания не обращал и почти не удивился, когда откуда-то из-под Анапы получил от благодарной открытку с видом на море и коротенькой припиской на обороте: «Толик. Я знаю, ты хороший человек, но наш брак был ошибкой. Я повстречала другого и наконец-то поняла, что такое настоящая любовь. Когда у нас с ним все утрясется, я, скорее всего, Васеньку заберу. Целую. Твоя Клавдия».

Когда Васе исполнилось пять лет, он впервые смог подняться в воздух. Легкие крылья мальчика, с шумом рассекая воздух комнаты, подняли пыль с книжных полок и давно не стираемых гардин.

Бросив на стол кадровика заявление на отпуск, Анатолий Моховой забил рюкзак банками с кабачковой икрой и китайской тушенкой и, заботливо одев сынишку в теплые, купленные на вырост одежды, поехал в деревню своего детства.

Тополя за эти годы уже успели основательно подрасти и своими часто посаженными стволами защищали зону от холодных, пронизывающих ветров, частенько долетавших до этих мест с кустаныкских степей.

И столбы и колючая проволока куда-то пропали, надо полагать, усилиями местных жителей; в деревню вели довольно глубоко протоптанные многочисленные тропы, а через то место, где некогда висела калитка, пузырилась голубыми бликами глубокая санныя колея.

– Ну, вот мы, Васенька, с тобой и добрались.

Анатолий скинул рюкзак со спины и, утопая по колено в снегу, направился к покосившемуся крыльцу родного дома.

Васька вздохнул, придиричиво осмотрел полузанесенный снегом убогий домишко, посеревший от времени крест, темнеющий среди сугробов, оббитый ржавой жестью конек навеса над колодцем и пошел по отцовским следам к дому.

Веркин дом прогревался долго и нехотя. Печка дымила, парила волглгой штукатуркой, сердито завывала в забитом снегом дымоходе, но уже ближе к вечеру, когда со стекол потекло и уснувшие по холоду мухи зашевелили лапками, а разомлевший Васятка бегал по избе в одних трусиках, Анатолий успокоился, дрова больше в печь не закладывал и, присев на скамейку, потный и счастливый, прошептал наконец:

– Вот я и вернулся, мама.

4

Вася кувыркался в воздухе, весело пролетая над печкой, кухонным столом, лежащим на разобранной кровати отцом, тревожно наблюдающим за кульбитами сына.

– Ты, Васька, аккуратнее, голову о печь не разбей, – предупредил он сына, сбрасывая ноги на пол и, по городской привычке, натягивая шлепанцы.

– Да ты что, папа, это же так здорово! – рассмеялся тот и вновь закружился под потолком.

– Да знаю я, сынок, знаю, – буркнул Анатолий и направился в сени, где, как он помнил все эти годы, висели старые овечьи ножницы...

Мария Панфилова

Здравствуй, интеллигент! Так ведь не принято говорить, так не обращаются друг к другу. И всё же, здравствуй, интеллигент, ты есть – значит «будь здоров»! Идешь своей дорогой, не то чтобы непрестижной, а просто невычурной, другим неочевидной. Направляешься по делам «или так, погулять», возможно, насвистываешь про себя или «думаешь мысль». А навстречу – вот они мы, в почти глянцевом облачении, со своими строчками разноцветными. Разнонаправленными, а при этом, все навстречу, все «здравствуй», всем по пути, всем. Обнимаемся,жимаем руки – здравствуй! Маша Панфилова, автор книги стихов «КИСТЕПЕРАЯ РЫБА ЛЮБОВЬ», 2010. Где я есть: Литературно-художественный клуб «Подвал №1», Союз литераторов России, Московский Салон Литераторов «МОССАЛИТ». Основные страницы в Сети:

http://fatima_13.livejournal.com, <http://stihi.ru/avtor/fatima13>

Скворчонок - незадачливый домущник, -
Метнулся к форточке, рванулся -
был таков.
Окатывает кремовый чубушник
Волной благоуханных лепестков

Оглохших нас, влюблённых,
беззащитных...
И жестяным прутком над головой
Скрежешет гром. Но глупая Кончита -
Посмешище! - не слышит ничего.

Курортников, бредущих краем моря,
Не замечает. Злые языки
Облизывают берег: Блажь! Умора!
Блаженство. Беспощадные тиски.

Бессовестные байки... Вдруг, из клетки,
Засвищет кенар про любовь до гроба...
Хозяин и хозяйка верят оба
В переселенье душ и в ипотеку.

Нацарапан на рыбе ножом
Ограниченным тиражом
Разговорник ангело-русский -
Иероглифы и картинки -
Николай Угодник "в нагрузку"
Ледяную свою Кон-Тики
Отдает за место на суше
Где теплей и тише, и суше...

Под вечер вспоминается Итака...
Уходит Эос. Резко холодает.
Улыбчивая яблонька-китайка,
Усыпанная терпкими плодами,

Сияньем наполняет этот угол
Запущенного сада. Над домами
Восходит, оттеняя елей уголь,
Испуганное личико Данаи...

Прозрачна ночь. Бессонницы багор
Нащупывает полутруп зевоты...
Но сочное портовое аргю
Врывается из памяти, и воды

Той гавани, куда мне нет возврата,
Кольшут корабли моих иллюзий...
Окончена веселая регата.
Скамейка. Младший Плиний.
Старый лузер.

Сорока трещит о вечном
О вечном и о высоком
Сорока трещит о рюшах
Сорока трещит о цапках
И множество разной чуши
Про чувства
Не в сером вороньем х/б,
Сорока в платье ч/б
В пестрой своей сорочке
Таскает в тонкой авоське
Сорок трескучих песен
Сорока она воровка
Сорока ворует счастье
До срока, пока не кончит?
А коли она воровка, -
Ждет ее клетка в клетку
Или клетка в полоску -
Чья-то грудная клетка.
Тише, сорока, - сердце

Поцелуй лекарственные
Применять всем
без разбора.
Их можно пить,
Можно вдыхать,
Прикладывать где болит.
Рассовывать по карманам
на всякий случай.
Принимать вздох
По жесткой схеме
Без всякой карты
Строго по расписанию
Как можно чаще.

Себя как есть, голого,
Сдай Весне всего, без оглядки
Кисельна грязь да осадки сладки
Небес горячее олово
Пей из её ледяной туфельки
Свои позвонки на свистульки
раздай ангелам... себя голого
Поврозь с собой,
то есть в розницу,
или оптом
оп!
да какая разница
Себя, голословно любовь славящего
Голосом ласковым
эх ты, Вася!
Вот так, дорогой товарищ,
Сдавайся!
Сдавайся.

А над землею
Небо
Ангельский трёп
Дуются вдрызг в картишки
И листья летят
Литеры желтые
Желто-красные
Ржавое
оперенье небесных вобл
Нездешнего пива пена
По нёбу Бога, языку...
языку...
«...Яко же и мы...»
Прости, заболталась совсем,
Что-то не то реку...

Эти берега надену
Этот снег берестяной
Эту шубу камышовую
Дудочку поцелуем оживлю
Это небо пропою тебе нежно
И забудешь обо всём
И вспомнишь себя, которого знаешь
давным-давно
И за крыльями услышишь
И толкнешься под ребром моим
И толк... и только
И...

Небо, деревья, дома – от солнца светлы.
За домами – не МКАД, а – море,
гудит, трубя...
Проходи. Руки? Красные от свеклы.
Я ужасно рада видеть тебя!

Я соскучилась. Я, соскальзывая в пустоту,
Ветви орешника видела над собой
И лягушек... Но, кажется, я расту,
Прорастая радугой. Пой же, пой,

Караоке-жизнь, в заштатном баре
в моем дворе!

Недослушав куплет,
соберут чемоданы грачи.
Осень свингует.

Кропает свой жесткий рэп
Чайльд-Гарольд мой,
уроки недоучив.

Светлана Сударикова

Литератор, прозаик и немного философ. Родилась в Москве. Живет в России и Австрии. Писать начала еще в школе, однако серьезно подошла к этому процессу лишь много лет спустя, примерив не одну профессию. Некоторое время работала на телевидении, пробовала себя в качестве журналиста, секретаря, и, наконец, индивидуального предпринимателя. Окончила Литературный институт им. А.М.Горького. Член МСП «Новый современник» и автор-участник Московского Салона Литераторов (Моссалит), главный редактор литературно-просветительского сетевого журнала «Московский BAZAR».

Руфочка

Вы не знаете Руфочку? Быть такого не может! Руфочку знают все. Это такая маленькая щупленькая старушечка с морщинистым личиком и очень теплым взглядом. Она будто вся светится. Руфочка всегда аккуратно причесана, все на ней чистенькое, отутюженное, на голове неременная шляпка, в руках саквояжик, ходит она мелкими шажками, но очень быстро. И, несмотря на свои восемьдесят пять, весьма бодр.

Летом она собирает травы и делает вкуснейшие настойки, а какие печет пироги! Так вы еще не были у нее в гостях? Обязательно загляните. Руфочка гостям всегда рада. Она непременно достанет голубую скатерть, на которой еще ее дед гостей потчевал, поставит сервиз «с вензелями» (Руфочка утверждает, что сам император с императрицей, правда, непонятно какие, из этих тарелок кушать изволили), выложит на стол все содержимое холодильника, нальет заветные 20 грамм наливочки и угостит вас порцией замечательнейших историй, большей частью ею же выдуманных.

На Новый Год Руфочка обожает делать подарки, и не просто сунет вам в руки какую-нибудь безделицу, а все обернет красивой бумагой, бантик пришиллит, еловую веточку вставит, так что если с утра настроение у вас было неважное, то к вечеру обязательно поднимется. Вот только про Руфочку отчего-то все забывают, и она часто остается без подарков. Но она не обижается. Честное слово, не обижается. Она всегда говорит, что ей самой лично делать подарки нравится значительно больше, чем получать. Дело в том, что у Руфочки есть мечта: чтобы все люди друг с другом дружили, друг друга любили и ценили. А она, Руфочка, будет в этом деле посредником. Так что напрасно злые языки клеветают, будто старушка бездельем мается, мол, ни мужа, ни детей нет, времени невпроворот, вот и варит настоечки да бантики на коробочки лепит.

Я никогда не могла понять, почему тетя Рая, а именно так и звали Руфочку, прозвала себя этим дурацким именем. Но сама Руфочка называть себя по-другому категорически запрещала, даже не позволяла прибавить к имени «тетя», Руфочка и все тут. «Все молодится», — злобно язвила Полина, соседка Руфочки по коммуналке.

Тетя Рая была давней подругой моей бабушки. Они вместе учились в школе, вместе были в эвакуации в Сибири, потом вместе работали. Да и жили в одном доме. Была у них и третья подруга, Клавдия Ивановна, но она переехала в Ленинград, нынешний Санкт-Петербург, и потому виделись они крайне редко, хотя связь не обрывали. Бабушка всегда жалела Руфочку и говорила, что все это ее дурацкое поведение, а именно так она и выражалась, надуманное, а на самом деле она совсем другая. При этом бабушка тяжело вздыхала. Когда бабушка умерла, Руфочка «досталась мне по наследству». Надо сказать, наследство это меня несколько утомило, поскольку отвязаться от Руфочки было довольно сложно. Она, как конек-горбунок, возникала перед глазами именно в тот момент,

когда я намеревалась тихонько прошмыгнуть мимо ее двери. Руфочка радостно распахивала дверь и всплескивала руками: «Оленька, детка, как же ты выросла!» Не знаю, что она имела в виду, поскольку расти к тому времени я давно перестала, но у Руфочки на этот счет было собственное мнение. «Ты совсем забыла старуху, — продолжала она, сокрушенно качая головой, а затем хитро добавляла: — Сегодня я открыла мятную». И как-то так вышло, что время от времени забегать к Руфочке вошло в привычный график моей жизни. Я даже стала получать от этого удовольствие. Мне нравилась ее голубая скатерть, сервиз с вензелями, который они вместе с моей бабушкой когда-то купили в местном универмаге, ее истории и то чувство покоя, которое она вносила в мою жизнь.

У Руфочки был племянник, которого никто никогда не видел. Но он существовал, это точно. О его появлении мы узнавали по коробкам конфет, о которых Руфочка как-то устало говорила: «Племянник дал». Не подарил, а именно дал. Где? Когда? При каких обстоятельствах? Об этом Руфочка не упоминала, просто дал и все. Надо сказать, что этот таинственный племянник имел вполне земные намерения: он являлся единственным Руфочкиным наследником и претендовал на ее площадь. Правда, с площадью не все было просто: дело в том, что наш дом (я жила этажом выше) давно признали аварийным, и он подлежал выселению, по этой причине приватизировать квартиры нам не позволяли, как и прописывать кого-либо, поэтому племянник претендовал на ту квартиру, которую Руфочка получит взамен старой. Все мы, как люди выросшие в центре города, разумеется, уезжать никуда не хотели, но прав у нас не было никаких, и потому выбирали лучшее среди худшего. Только Руфочке было все равно. «Мне уже недолго осталось», — без всякого огорчения говорила она. «Да ты еще на наших похоронах простудишься!» — язвила соседка Полина. А вот племяннику было совсем не все равно, где он будет проживать, и он странно привередничал, отменяя предложенные варианты.

Что касается Полины, то она была бабой бесцеремонной и наглой. Язык ей давно стоило бы укоротить, да некому. Она резала в глаза такие гадости, что любой другой человек непременно бы обиделся, но только не Руфочка. Полина вечно всех ругала, постоянно пребывала в дурном настроении, кричала и сквернословила по поводу и без такового. «Сосисочки она кошкам покупает! — говорила Полина Руфочке, упирая в жирные бока пухлые кулаки. — Конечно, мужа-нахлебника нет, детей-паразитов нет, живи в свое удовольствие, наливочку пей, в кино ходи. А тут дочь без работы, муженек ее, тунеядец, диссертации пишет! Не разгуляешься. Хорошо устроилась!» «Ну что ты, Полюшка, я же одинокая старуха, что ж в этом хорошего», — возражала Руфочка. «Ой, ой, ой! Плохо ей, глядите! Прямо сейчас помру от жалости!» — и Полина удалялась в свою комнату орать на мужа и внуков. А Руфочка вздыхала, но тут же принималась напевать что-то веселенькое, словно бы ничего и не случилось. Или шла к Наташе, другой соседке, к которой особенно благоволила, почаевничать. Тридцатилетняя Наташа была недурна собой, но ей отчего-то не везло с замужеством. Все ее мужчины

рано или поздно отчаливали к другим, а она продолжала ждать своего, не принца, нет, обычного мужика, который бы разделит с ней жизнь. А такового все не предвиделось. На что Полина неизменно говорила: «Ничего, квартиру дадут, тут же какой-нибудь претендентик сыщется». Вот так изо дня в день они и жили.

Если вы познакомились с Руфочкой недавно, она вполне может показаться вам сумасшедшей. Представьте себе такую ситуацию: отлавливая вас по разным углам, Руфочка настоятельно предлагает заглянуть к ней на пироги и мятную настоечку. Искерпав все разумные доводы, а именно: неотложные дела, гости, дети в детском саду, родительское собрание в школе, театр, кино, цирк и прочее, вы, наконец, тяжело вздохнув, соглашаетесь, и сообщаете, что завтра зайдете. Ах, умиляется Руфочка и мчится в магазин готовиться к Вашему визиту.

Опоздав минут на десять, вы стоите у ее двери, раздражаясь этой навязанной встрече, звоните положенные два звонка... Звоните, звоните, звоните. А дверь-то вам никто не открывает. Тут вы слышите, как разъяренная Полина что есть силы вопит: «Руфочка, черт возьми, ты что, оглохла на старости лет?!» Вскоре дверь открывается, и перед вами предстает растерянная Руфочка. «Простите, старую дуру, – огорченно вздыхает она, – склероз». Потом застигнутая врасплох хозяйка начинает суетиться, носиться из комнаты на кухню и обратно, достает голубую скатерть, сервиз с вензелями и все, что только можно поставить на стол. Вы уходите от Руфочки в сметенных чувствах. С одной стороны, её жалко, вы ведь понимаете, что дело не в склерозе, а в том, что никто к ней попросту не приходит, вот она и не ждет, а с другой... Наконец-то вы от нее отвыкались, и теперь самое главное не попасться ей на глаза в следующий раз. Хотя, поверьте, это совершенно невыполнимо.

А бывает и так. Вы приходите в положенное время, а Руфочка, уже одетая, хватает Вас за руку и куда-то тащит. «Я познакомлю Вас с изумительной женщиной, Ниной Ивановной. Врач! Такой человек!» – тараторит она на ходу. «А нас ждут?» – неуверенно спрашиваете вы, но в ответ получаете лишь уничтожающий взгляд.

Дверь открывает сама женщина-врач. При виде Руфочки лицо ее принимает такое выражение, что вам хочется исчезнуть, раствориться во мраке подъезда. Но поздно. «Проходите», – уныло говорит женщина-врач и исчезает в недрах квартиры. Сияющая Руфочка семенит за ней, без умолку щебеча, а вы, как сирота казанская, топчитесь у входа, затем робко следуете за хозяйкой. Женщина-врач привычным движением достает тонометр, нацепляет его на Руфочкину руку, затем, ничего не сказав, снимает. Всем видом она демонстрирует, как мы нехотим. Но Руфочка этого не замечает. «О! – вдруг восклицает женщина-врач, будто случайно взглянув на часы. – Как раз сейчас дочь с внуком вернутся!» Вы понимаете, что это тонкий намек, раскланиваетесь и выскальзываете из квартиры юрким ужом, чувствуя себя прескверно. Вам хочется изо всей силы потрясти Руфочку и спросить, неужели она не понимает, что женщина-врач была совершенно не рада нашему приходу и все вышло прескверно. Вы мечете на Руфочку яростные взгляды, так и осыпая ее иголками, но она ничего не замечает. Опершись на Вашу руку, Руфочка семенит и приговаривает: «Какая женщина! Просто чудо!» И в этот момент вы ненавидите Руфочку, женщину-врача, которая уж точно ни при чем, а больше всех себя, потому что послушались бестолковую старуху.

Тем временем наш дом постепенно расселяли. В один прекрасный день Наташа вдруг согласилась уехать в Марьино. И уехала. Как же суетилась Руфочка! Она металась по квартире, как полоумная, что-то складывала, связывала, в общем, всячески путалась под ногами. Наконец вещи были собраны, и, получив на прощание массу ненужных указаний, Наташа отбыла в Марьино. «А мы решили в Митино, – поделилась Полина. – Дочь сказала, что там неплохо. Метро скоро будет. Так что, Руфочка, скоро одна останешься, будешь жить, как в отдельной квартире». «Да, – отмахнулась Руфочка. – Племянник все чего-то ждет. Выбирает». Она неопределенно развела руками.

Эх, довыбирался! Не досталась племяннику квартира, ой не досталась. Зря потратился, конфеты давал, давал, а толку – ноль. Так ему и надо. Померла Руфочка. Да так неожиданно. Еще с вечера была бодра и весела, а ночью умерла, тихо, мирно, без боли, без страданий, уснула и не проснулась.

А накануне мы с ней в парке гуляли. Погода была такая хорошая. Солншышко снег подтопило, в ручейках зазвенело, понеслась весна по улице, зашелестела теплым ветром, покатились с крыш сверкающей каплей. Руфочка делилась впечатлениями о Ната-

шином отъезде. Вот, говорит, скоро и я уеду. Племянник звонил, сказал, вариант подобрал, надо какие-то бумаги подписать, завтра явится. Так и разлетимся по разным концам Москвы. Идет Руфочка, мечтает о том, как будет в новой квартире гостей встречать, куда стол поставит, куда комод, племянник расщедрился, обещал холодильник новый купить. И вдруг останавливается и говорит: «Хоть ты-то ко мне приедешь?» И такая тоска в глазах, аж ком в горле. «А как же, обязательно, и я, и мама, и Наташа, и Полина. Только успевай гостей встречать!» Ой, не верит Руфочка, и я не верю. Но я к тебе обязательно приеду, честное слово, клянусь.

Вот только приехать не получилось. Утром пришел племянник документы подписывать, а уже некому. Грустно. Что интересно, где-то за неделю до смерти Руфочка раздала нам все более или менее ценные вещи. Мне достались книги и сервиз с вензелями. Мы отказывались, а Руфочка ни в какую, берите и все, не обижайте старуху. Племянник кинулся, а ничего уже нет, и спросить не с кого, да и чего спрашивать, он же у нее не был, вещей не видел, чего искать не знает. Рвет племянник на голове жиденькие седые волосенки, зря опись не составил, опростовосился, Ваньку сваяла, вот и обдурили. Все пропало, все. И похоронные деньги пропали, они у Руфочки в верхнем ящике комода лежали. Об этом все знали. Открыли ящик, а денег нет. Наташа пристально смотрит на Полину. Я знаю, о чем она думает. Я думаю о том же. Но доказательств у нас нет, а на нет, как говорится, и суда нет. А Полина и глаз не отводит, мол, смотрите, сколько хотите. Так и пришлось скидываться. Мы с Наташей больше всех дали. Племянник ничего не дал, и так напрасно потратился. И на похороны не пришел. Жалкий он какой-то. Уже не молодой человек, и... Впрочем, мое ли это дело?

Зато приехала Клавдия Ивановна со старшей дочерью. Вошли две бабушки рука об руку, одна старенькая, другая совсем старенькая. Клавдия Ивановна ко мне подседа. «Ты, – говорит, – очень на бабушку похожа. Просто удивительно». И смотрит на меня светлыми голубыми глазами. «Жалко с Раечкой не попрощалась, да и мне пора». «Мама», – возмущается дочь, но Клавдия Ивановна только рукой машет.

Остановились старушки у нас, и вечером Клавдия Ивановна достала из древнего чемодана коробку фотографий. «Вот, – сказала она, – здесь вся жизнь наша». Весь вечер мы их смотрели, а Клавдия Ивановна все рассказывала: вот твоя бабушка, это в Казахстане, а это в Москве, сразу после войны, а это в Ленинграде, мы здесь все вместе, 62 год.

А это кто? Руфочка, с какими-то детишками?

Клавдия Ивановна вздыхает. Не с какими-то, это ее дети. Да-да, не удивляйся. Она никому не разрешала об этом рассказывать, запретила. Теперь уж чего. Двое у нее было. Девочка восьми лет, Наташенька, и мальчик, три годика, Сашенька, такой хороший, такой живой мальчик. Мы тогда в эвакуацию, в Сибирь, ехали. Раечка как раз похоронку на мужа получила. Не помню, на какой станции, кажется... нет, не помню. В общем, Раечка за хлебом пошла, а тут бомбежка, как раз в этот вагон... Страшно. Клавдия Ивановна отворачивается, достает платок и вытирает слезы. Она не помнит, как называется станция, но она хорошо помнит Раечкины глаза, помнит, как кричит Раечка, как бросается в огонь, как ее хватают, почти уносят. А она все кричит: «Пустите, там мои деточки! Врете, врете, живы они, живы! Я же слышу, как они плачут, там, в огне!»

Она потом долго молчала, продолжает Клавдия Ивановна, а в глазах – ничего, понимаешь, ничего. Сядет у окна и смотрит куда-то, руки стиснет, аж до белизны, и сидит долго-долго, пока не стемнеет. Помереть она хотела, да Бог не дал. А потом как-то утром ворвалась в комнату, вся сияет и говорит: «Руфочка есть хочет. Дайте пирожок». Мы думали, она сошла с ума. Может, так и было. Но только после этого она прозвала себя Руфочкой, а о детках своих говорить запретила. Тайком в церковь ходила да свечки ставила. А нам не велела. Так вот и жила. Так что ничего о ней люди не знали, а судили. Клавдия Ивановна снова вздыхает.

И я ничего не знала. Но теперь перед моими глазами стоит совсем другая Руфочка, не та, над которой все потешались, а та, которой она была на самом деле. Человек, тихо и незаметно пронесший через всю жизнь огромное горе, не позволив себе и капли уронить на нас. Мне очень стыдно, что я не увидела в ее глазах той боли, что лежала на поверхности, и что ничего уже не исправив, но я благодарна судьбе, за то, что встретила Руфочку на своем пути, и она так долго шла рядом, укрывая теплом своей души.

Спасибо тебе, Руфочка, за то, что ты была в моей жизни.

Ирина Гусева (Науменкова)

Родилась в столице Латвии – Риге. Публиковалась в газете «Заря» (Брест), журнале «Неман» (Минск), в журнале «Работница» (Москва). В 2010 году вышли две книги поэзии в издательстве «Альтернатива» (Брест): «На языке любви» и «Дары пилигрима» (переводы лирики Юзефа Игнацы Крашевского). На интернет-портале Ольги Лялич-Кровицкой (республика Польша) размещены переводы лирики польских авторов из Люблинского воеводства (2012). Живу в Москве.

Болтливый Барсук

Один Барсук в лесу
любил поговорить...
Спроси: здоровье как? И – не остановить:
расскажет всё про всё, подробности смакуя;
когда же, наконец, закончит,
«аллилуйя!» –
в душе кричит тот слушатель случайный,
кляня втихую Барсука отчаянно...

И потому в лесу зверь всякий норovit
скорее в чащу, коль завидит Барсука,
приняв рассеянный донельзя вид:
– Спешу, приятель мой, нет времени, пока...

Здесь не нужна мораль, и без неё все ясно:
пустая болтовня, как ни крути, опасна –
так разжигает собеседнику мозги:
в конце беседы тот не видит уж ни зги...

О любви к лести

Один Баран на лесть был жутко падок –
В ней находил душе своей уладу,
И всякий мало-мальский хомячок
Мог посадить его на сей крючок...

...и начинал Баран наш красоваться!
Ах, это было зрелище, признаться –
И так, и этак рожками вертел,
Крутил всем, чем ни п'опадая,
хотел,
Чтоб все его достоинства за раз
Предстали бы и восхитили вас...

Так крепко он посажен был на лесть:
Труда не составляло в душу влезть
И разглядеть всё ж, каковы изъязы...

Не будьте же, друзья, таким бараном,
Перекрывайте похвал'ы фонтаны;
Самоирония – поймёте вы не вдруг –
Вот лучший и проверенный наш друг!

Про учёного Мыша

Один учёный Мыш
(меж нами – полный шиш)
хвалился всем, что он великий умник,
дипломами так тряс,
что не заметил раз
кота голодного хвостатый лоботряс...

Здесь вывод очень прост,
как голый мышкин хвост:
коль н'е дал бог природного умишка,
пропасть вам ни за так,
как этот мыш-простак,
пусть даже в багаже у вас три «вышки»!

Про петуха

Один петух, потрёпанный весьма,
желая реноме своё поднять у кур,
сначала, братцы, сделал педикюр,
потом и гребень нарастил себе Фома
(так звали нашего героя),
а после – я от вас не скрою –
и б'отокса пришёл черёд
с лица его изгнать морщины...

Но, главное, – первопричину,
по коей полную отставку получил,
хоть тцился, не восстановил;
естественно, прибег и к фармацевтике –
но всё ж – увы! – не помогли рецептики...

Напяливать, друзья, личину или маску,
когда в загашнике всего лишь ничего,
едва ли, выход...

Оттого,
что знают все – читали в детстве сказки –
лишь пустота одна под нею скрыта,
пусть бисером и стразами обшита!

Койот и Скунс

Вонючка-Скунс, известно уж давно,
чуть что не так, струю пускает,

но
ему в недобрый час встал на пути Койот,
что обоняния лишён был...

Ну, так вот,

сей удивительный, скажу я вам, зверёк
вонючку съел – не встал он поперёк
в койотовом-от пищеводе,
вполне усвоился и вроде
доселе здравствует Койот...

К чему клоню: вонять там не пристало,
где много собралось приличного зверья,
но коль неумогу сдержаться,
и струя
летит себе куда попало,
бегите к Айболиту поскорей –
с успехом лечит вонь он у зверей!

Мишкин промах

Решил один Медведь взять референта,
чтоб оппонентам отвечал особенно писучим,
какие ждут удобного момента,
чтобы его, могучего, «прищучить».

Да только в выборе ошибся: взял Ослицу...
Ну, на худой конец, на ней бы мог жениться...
Но референтом?

Боже, так глупа,
что оппоненты только рассмеялись
и наотрез общаться отказались
с подобьем сим фонарного столба.

Быть должен референт умнее босса,
чтоб каверзы просечь, ответив на вопросы,
достойно защитив хозяина...

Теперь
смеётся в том лесу над Мишкой каждый зверь!

Корабль и Море

Гордясь собой, корабль плыл по морю –
наперекор штормам, с ветрами споря.
И думал: покорил большую лужу;
ему я больше, чем оно мне, нужен!
Без парусов моих вся прелесть-то увянет.
Ну, в общем, без меня его не станет!

Он, рассекая волны, так гордился,
что налетел на скалы и разбился...

А где мораль? Да вот она...всплывает:
как смысла здорового порой нам не хватает,
чтоб оценить холодным взглядом ситуацию,
и что к чему понять без ажитации...

Про Ежа

Был Ёж среди поэтов первым самым
в родном лесу/ писал он эпиграммы –
остр'ы на диво!/ у четвероногих
бичуя недостатки и пороки;
свободным был художником/ хотел
очистить лес от скверны наш пострел!

Но предложение получил однажды
сотрудничать в одном журнале «важном»,
что Лис седой, вальяжный издавал...
Дал Ёжик слабину/ согласие/ и пропал
куда-то полемический запал –
пронзительность его колючих строчек...

Поставим здесь, читатель, многоточье
и вывод сделаем:

такой «ангажемент»,
как правило, включает тот момент,
что «направленье» задаёт издатель –
в пределах допустимого/ приятель
наш давний Ёж/ теперь руками машет
и под дуду пройдохи-Лиса пляшет...

Завистливая Сорока

Сорока-сплетница, прославиться желая,
и стрекотание за пенье выставя,
решила укрепить-от реноме худой
на первого певца: - О, боже мой! -
и тут, и там завистница вещала,

- Что в трелях соловья хорошего?

Встречала
получше я певцов... Моё возьмите пенье...
Но птицы, услышав то самовосхваленье,
придумывали сразу же предлог,
чтоб улететь...

Коли не можешь петь
и лишь соперников чернишь ты даровитых,
навряд ли станешь знаменитым,
а критиканом злостным прослывёшь,
чьим словесам нет веры ни на грош!..

Волк-вегетарианец

Все добродетели примерив за один присест,
Волк похвалялся в чаще встреченным зверушкам,
как милосерден он и добр – зайчатины не ест,
а больше тянет его к рыжикам, волнушкам,
малиною тож балует себя...

Весь мир животный, дескать, возлюбя,
он стал почти вегетарьянцем...

Но, прерванный на полуслове зайцем,
не выдержал заявленную роль...

И зайку съел...

Ах, снова гол король!.. И ни к чему напрасные потуги
представить дело так, как хочется...

Да, други,
коли внутри одна лишь волчья суть,
едва ль ягненком стать клыкастому хапуге!

Про Жирафа и Бегемотиху

– Развод и д'евичья фамилия! –
гиппопотамиха сказала
супругу...

Кончилась идиллия,
что длилась десять лет без малого.

– Жирафа полюбила страстно,
когда он, шею наклоняя, шептал:
– О, бэби, вы прекрасны!
В саванне вы – одна такая!..

Наверное, уж догадались,
читатель,

что альянс был кратким:
спустя неделю разбежались
жираф с подругой без оглядки...

Хочу сказать: союз сей пробный
полезен был им –

ищут оба
теперь среди себе подобных
и дружбу, и любовь до гроба.

Красавица и Зеркало

Красавица, любясь – наслаждаясь
той прелестью, что ей природа отпустила,
однажды вдруг у зеркала спросила:
– Ты не испытываешь ко мне зависть?
Ведь безупречна я лицом и телом,
весь мир у ног моих...

– И в чем же дело?
Что побудило сей вопрос задать? –
спросило зеркало её.

– Сказать
по правде, на своем веку немало
я насмотрелось на красавиц дивных самых,
а вот такой вот глупой не видало,
и без утайки я скажу и прямо:

да хороша ты телом, нежной кожей,
румянцем на щеках, но всё же –
не светится в глазах ум и душа :
без них, как ни была б ты хороша,
подделка, а не женщина...

Разбито
сейчас же было зеркало правдивое –
решенье дева приняла несправедливое,
услышав правду неприкрытую,

еще раз подтвердив страдальца правоту,
что глупость портит, как ничто, любую
красоту!

Глупый Воробей

Решил раз Воробей в Италию лететь,
чтобы, как Соловей, там научиться петь:
возжаждал славы он,

услышав, как красивы
рулад соловушкиных переливы...
А птиц аплодисменты? – просто шквал!..
Ну, в общем, так затосковал,
что живенько в Милан собр'ался дорогой,
по месту сообщив: летит талант большой,
что требует огранки лишь слегка...

...прослушали его два знатока
и вынесли вердикт: – Вы, знаете, милоч,
ученье наше не пойдет вам впрок,
ведь голосок – нет даже и октавы;
преувеличили способности, вы, право...
Летите-ка скорей в родимый уголок,
Ла Скала – не для вас, увы, увы, дружок...

Но Воробей был глуп и требовал по-новой
прослушивания...

Нездоровыми
сказались, как назло, маэстры все...
Что ж Воробей?

Предстал во всей красе,
Явив не только – ох! – отсутствие
способностей,
а также и ума, и скромности...

Друзья мои, встречали ль средь людей,
таких, как этот дурачина-воробей,
что о своей талдычат гениальности,
а между тем полнейший ноль в
реальности?

Кошка и мышонок

Как-то раз один мышонок
погулять решил немножко,
не спросив у мамы с папой
разрешенья...

Ну, а кошка
только этого ждала:
мягко лапками ступая,
ухватила шалопая
и ко рту уж поднесла...

Тот пищит: – Ну, погоди же!
Не наешься мной, я вижу:
голодна ты, словно тигр;
я ж могу сестриц и братьев
щас позвать, что будет кстати, –
как бы для совместных игр...

Та задумалась немного,
приоткрылся рот...

Ей-богу,
хорошо всё просчитал
юркий маленький мышонок,
хитрован и пострелёнок, –
молнией мелькнув, пропал...

Обмишулилась растяпа,
впору ей от злости плакать...
Жадиною быть не след! –
пусть про бонус кто-то шепчет,
челюсти сожмите крепче,
а не то пропал обед!

Про Енота и Ежа

– Ты, знаешь, исписался брат! -
сказал Енот-издатель старому Ежу.
– Твои иголки, верно говорят,
не колются, как прежде,

я гляжу,
что потерял свою квалификацию
первостатейного писаки...

Статья
я, может быть, тебя-таки уволю:
не вызывают опусы

ни споров и ни драки –
такой мне журналист не нужен более!..

А кто, скажите, правил все статьи
и убирал «колючие» места,
уже Енот забыл?

Вот красота!..
Когда у босса этаким склероз,
то «поимеет» всех сотрудников тот босс,
а, ежели ещё, как Ёж, стоят молчком...

Такой начальник вам, случайно, не знаком?

Про Рыцаря

На свете рыцарь жил один,
не то чтоб очень паладин*,
но всё же, все жё
решил он подвиг совершить
и сердце дамы ублажить –
к ногам дракона положить,
быть может!..

И вот отправился он в путь,
устал, решил передохнуть
совсем немного,
потом подумал: – Штоль, дурак?
убить дракона ни за так,
ведь он же мне не кровный враг...

А недотрога
пускай-ка сыщёт глупыша,
не получивши ни шиша,
к чему стараться –
во имя подвиг совершать,
когда могу сейчас лежать
от лени – через раз дышать,
и наслаждаться...

Ах, от намерений до дела,
друзья, увы, не краток путь –
давно сто лет уж пролетело,
а рыцарь наш, донельзя смелый,
всё не герой... всё как-нибудь...

*

Паладин – рыцарь из высшего сословия,
фанатично преданный какой-либо идее
или какому-либо человеку.

Про ковбоя

В Техасе или в Аризоне
(не помню точно) жил-был Джонни,
себя ковбоем величал;
всем, кого в жизни он встречал,
рассказывал: мол, благородство
в моей крови...ни капли скотства,
в породе ведь – начало всех начал...

Но на rodeo не блистал он явно,
а от быков шарахался подавно
и как-то св'ерзился с лошади Иго-го-го,
а вид имел забавный до того,
что зрители: «Ты – клоун, не ковбой, -
смеялись,
«в цирк тебе, болтун-от, путь прямой!»

К чему чужие маски примерять,
Коль к ипостасям ты другим так расположен?
Лишь там успех ты обретишь, и, всё возможно,
Сумеешь птичку счастья поймать!..

Про фантик

Красивый фантик похвально:
– Конфета, что во мне – мечта!
Язык проглотишь! Вкуснота!
Ах! вы не пожалеете, купив! –
Таков всегдашний был мотив
обёртки броской...

Так старался,
заведомо, он, зная: гниль внутри...

Усвоить всем бы нам:
на фантик не смотри!
Коль выбираешь для себя конфеты,
ингредиенты проверь, чтоб было то и это
полезным, вкусным, непременно свежим...

На фантик покупаются невежды!

Брачные эксперименты Лося

Жене-Лосихе Лось сказал однажды:
– Вот прихожу домой, и вечер каждый
ты всё одна и та же. Пусть бы раз
ты Серною пугливой притворилась
и мне сдалась на мужескую милость!

Иль Ланью грациозной, нежной стала б
на час-другой...

Как будто не бывало
лет двадцати семейных мощных уз –
лишь укрепился б брачный наш союз!

Вняв просьбам мужа, повздыхав, Лосиха
решилась: стринги натянула лихо,
подкрасила отвисшую губу
и села ждать, закинув ногу на ногу...

Когда увидел Лось преображение,
он заикаться стал от впечатленья:
настолько не вязался облик тот
с женой, что знал, словно себя, какой уж год...

Тогда он молвил: – Будь, какая есть!
Знать, серны эти не про нашу честь...
Что в них хорошего: они худы, костлявы?
Сдурел, что ли, на старость лет я, право,
забудем неудачный опыт...

Я
скажу Вам так, сердечные друзья:
ведь Лось не Серну в годы оны полюбил,
когда был полон молодых лосиных сил.
Зачем же Лань не выбрал он тогда?
К чему “мудрить”, когда прошли года?

Роза и Крапива

Цвела в саду, благоухая, Роза.
А рядом – вот ведь жизни проза! –
откуда-то Крапива появилась.
И так случилось,
что слово за слово они разговорились.

И стали похваться друг пред дружкой –
Крапива – Розе: «Ты послушай,
как я полезна, а какие щи
со мною варят! Не взыщи,
но от тебя одна лишь красота,
какою не насытишь живота!..»

Но Роза отвечала ей в ответ:
«А вот – и нет!
Из лепестков моих варенье варят – мёд!
Духам мой аромат – ах! – сладость придаёт.
Собой стихотворенье украшаю.
В сердцах «любовь навеки» подтверждаю!..»

Так долго продолжался разговор,
что я устала слушать...
Этот спор
ведь ни к чему: нужны и та, и эта.
Пускай милее роза для поэта,
аптекарю полезнее крапива;
а что они «сцепились», то не диво:

Та и другая – «женщины», читатель!
Таковыми нас уж сотворил Создатель!

Битва гигантов

Раз не на жизнь – на см'ерть сошлись
в бою, пусть не кулачном,
богатыри
и так дрались!..

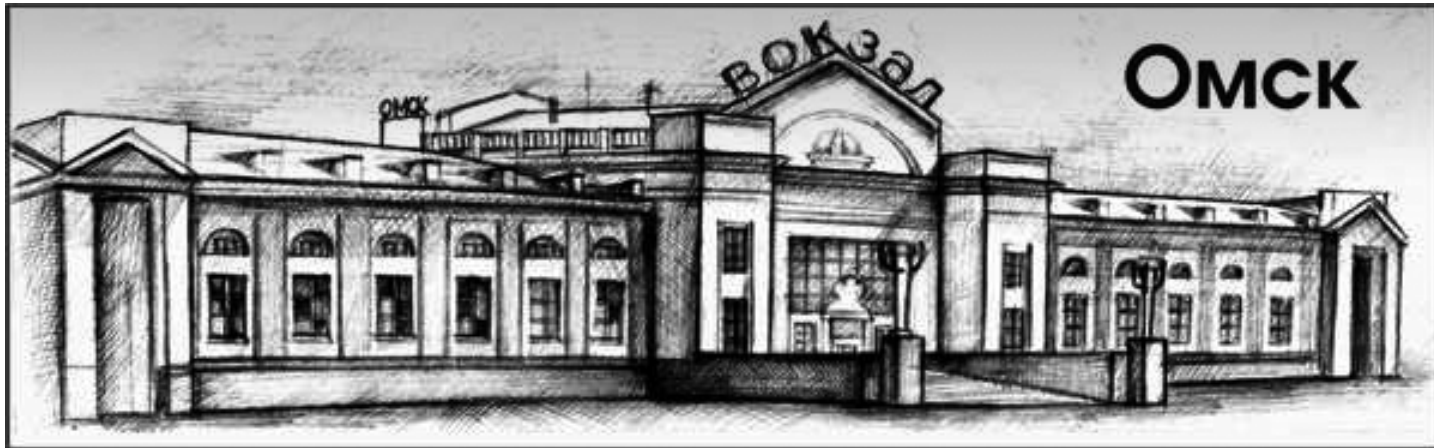
Но всё ж неоднозначным
итог той битвы был, друзья –
боролись там Хочу с Нельзя...

Принцесса на тропинке

Корона н'а бок, запылились башмачки:
Идёт принцесса, собирая мерой полной
Царапины, кустов “дрянных” тычки,
Укусы комаров и мошек беспардонных.

Лишь вышла за дворцовые ворота,
Свободы так наелась - до икоты
Домой под крылья фрейлин захотелось...
«Ах, боком мне выходит эта смелость...».

Ведь для принцесс – но, это между нами,
Пригоден лишь паркет дубовый под ногами.
Иль креативный пол...
Тропинка – это слишком:
Ведь царственному виду будет крышка!

Вячеслав Омский

Барыбов Вячеслав Васильевич, родился в 1942 году в городе Омске. Образование высшее медицинское и высшее юридическое. Печатался в США, в Австралии, в Германии, в Украине, в Чехии, в многочисленных российских журналах и альманахах. Автор четырёх книг: «Из века в век» (2007г.), «Поэт» (2008 г.), «Капли» (2010 г.), «Звёзды светят всем» (2013г.). Заместитель главного редактора медийной группы «Интеллигент» (Москва, Санкт-Петербург, Нью-Йорк), соредaktor альманаха «Чаша» (Омск), литературный редактор альманаха «Тарские ворота» (Омск). Кавалер ордена «Трудовая доблесть России» (2012г.)

Господь и Ева

Ева выходит из сада. Навстречу ей Господь... Ева:

«Господи! В саду твоём прекрасно всё без слов,
Красиво пенье птиц и вид их славный,
Там гнутся яблони под тяжестью плодов,
Змей –искуситель, милый и забавный!
Там солнцем залита земля и я в раю,
Как хорошо! Земля восторгом дышит!
Порой мне хочется запеть и я пою,
Да вот беда, никто меня не слышит!...»

Господь, помедлив:

«Создание моё! Отныне и вовек,
Я сотворю тебе, пожалуй, друга,
И будет зваться он, мужчина, человек,
Ты будешь для него всегда подруга!...»

Ева с интересом:

«Да, Господи!...»

Господь продолжает:

«Он будет убивать и будет мясо есть,
В поступках он безудержный и смелый,
Порою будет груб, порою прям как есть,
Без помощи он, в общем, неумелый.
Он будет пить вино, с тобой постель делить,
Любовью звать, а иногда и стервой,
Ты не должна ему о главном говорить,
Что из двоих, тебя я создал первой!...»

Ева, улыбаясь:

«Всё будет так, как ты сказал!...»

Расходятся. Господь идёт в одну сторону, Ева – в другую

Ряд Фибоначчи

*«Всё – есть число...»
Пифагор*

От мысли гения счастливой,
от взгляда острого не скрылся,
холодных чисел ряд унылый
вдруг ясным светом озарился.
Из тайны сумрачной, бескрылой
в основу жизни превратился...

Вы нищие плотью и духом...

*Ответ А.Козыреву на его стихотворение
«Реквием по двухтысячным»*

Вы нищие плотью и духом,
Вам главное только – «моё».
Не станет земля для вас пухом,
Коль вы не любите её!..

В изгнании

*“Радость одна у меня -
Ежемину́тная ты!”
Секст Проперций*

Жестокой судьбы виражи
Мне дикую дарят печаль,
И пляшут кругом миражи,
Зовут меня в дальнюю даль.

Холодные ветры оков
Доносят в чужие края
Мне запах родных берегов
И снится родная моя.

Нет в мире безумней огня,
Нет в жизни счастливей мечты,
Радость одна у меня -
Ежемину́тная ты.

Португалия

Ирина Фещенко-Скворцова

Урождённая Скворцова, литературный псевдоним Ирина Фещенко-Скворцова. Родилась 9.01.1954 года в Волгограде. Стихи писала с детства, непрерывная литературная деятельность продолжается около 15 лет, 6,5 из них в качестве члена Союза российских писателей. Пишу также рассказы, эссе, литературоведческие статьи. Доцент, кандидат педагогических наук. Начинала трудовую деятельность в Волгограде, затем продолжила её в Киеве, в КПУ и АМУ. В настоящее время проживаю в Португалии, г. Benavente, перевожу классическую португальскую поэзию и португальские легенды.

Лия

Я, слепая Лаванова Лия,
Дожидаюсь злодейки-зари.
О, каким был со мною счастливым,
О, какие он ласки дарил!

Только ночь... Как же счастье - случайно...
Нет, случайного Бог не дает...
Как изменится утром, сличая
Взор незрячий с лукавым - ее...

На плече напоследок устроюсь,
Благодарно обнимет во сне.
Шелковист его сброшенный пояс,
И тепла его тень на стене.

Словно стебли растений...

Словно стебли растений,
От слепящего света
Твоё Слово одето
Переливами тени.

С нами ныне и присно
Эта тихая заводь:
Откровение притчи -
Умолчания завязь.

Истин хитросплетенье,
Тьма на грани ответа...
От целительной тени
До слепящего света.

Гефсиманское эхо

Гефсиманское эхо,
Все звуки несущее ввысь...

Эти звуки лились, удалялись
и вновь приближались.
И тоска, и мольба, и вина,
и безмерная жалость,
одинокие звуки Земли...

Близко люди легли,
Точно к матке ягнята,
К земле перепуганно жались.

Только – холодом вдруг по земле...
Одинокие люди Земли.

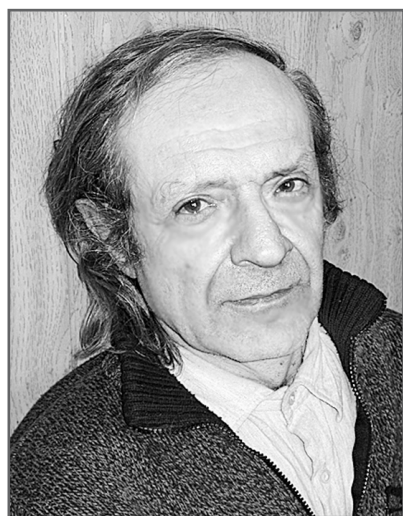
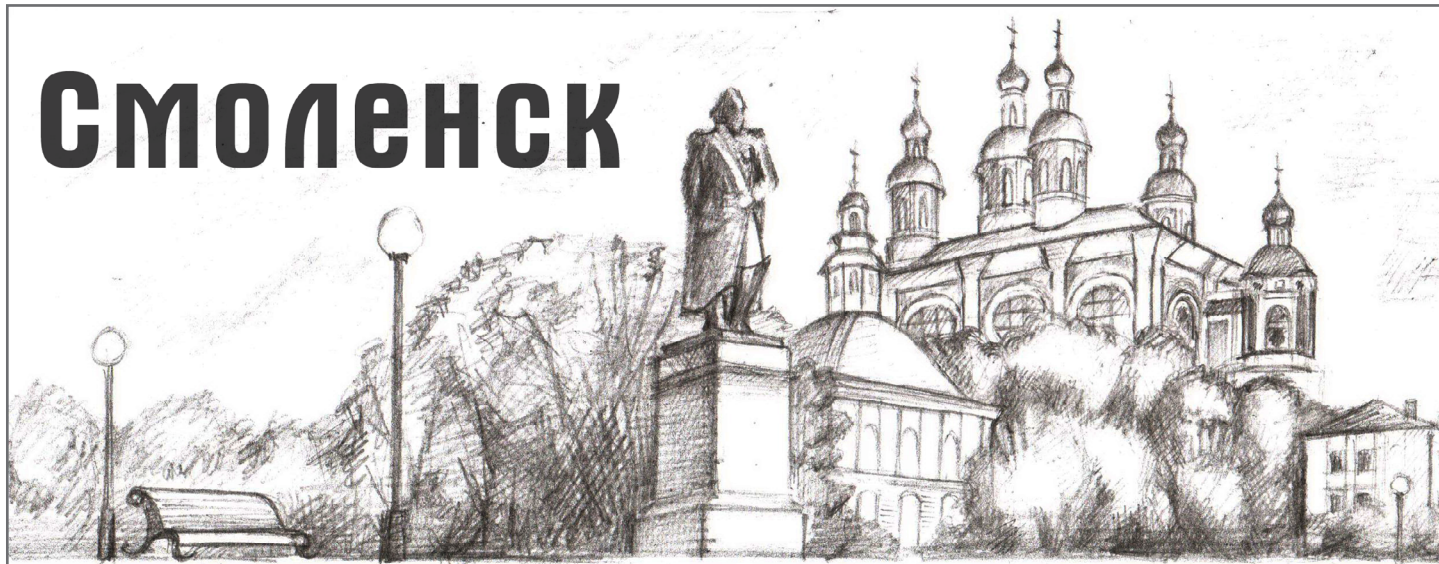
Илоне

Знаешь, Бог, как ребёнок,
Доверчиво просит утешить.
Поцелуй, чтоб утихла
Обидой рассказанной боль.
И неправда досадой в душе
Не напрасно скребётся.
Знаешь, Бог, как ребёнок,
Он погибнет без веры твоей.

В канун Рождества Христова

В канун Рождества Христова
Взыскующая - молитв,
Пошли мне такое слово
И сердце так закали,
Чтоб все обиды вмещало,
И в свой непреложный срок
Конец превращало в начало,
А зло превращало в добро.

Смоленск

Александр Агеев

Родился на Смоленщине. Окончил историко-филологический факультет Смоленского пединститута и факультет журналистики МГУ. Автор сборников стихов «Дебют» (1996) и «Междувечье» (2005). Член Союза российских писателей. Живет в г. Рославле Смоленской области.

К вам стихами приду,
Зрим, весом, но бесплотен,
Без додуманных дум,
Без эпичных полотен.

Я типичен, как дым
По Руси – коромыслом,
Эскимосские льды,
Философские смыслы.

И война, и тюрьма
Все ж меня миновали...
Гнет к суглинку сума –
Груз российской печали.

Нет, не жить по уму!
И отколь и доколе –
Все никак не пойму –
Не распахано поле...

Оглянулся назад –
Словно стон, долетело:
«Кто-то там виноват...»
«Что-то нам надо делать...».

Те же темы для книг –
Не фантастик, а правды,

Но издание их –
Прав ты или не прав ты –

Отложили на суд
Отдаленных потомков,
И туда я несусь
Вековую котомку.

Проходят года, поколения,
Однако планида одна:
Забутые богом селенья,
Хранимая Богом страна.

Вся наша жизнь – то барак, то
бардак.
Было так, есть и останется так.

Непомерное бремя,
И назначено мне
Это судное время
В безрассудной стране.

Возлежу я на одре
И взираю на свет,

«Пог ибоша, как обре»,
Но живой как поэт.

День 7 ноября-
Красный день календаря

Пусть марши победные льются
Во имя отряд и утрат!
Какая еще революция?

Парад был в России, парад!
Ищу днем с огнем человека,
Но лживые льются слова:
- Двадцатого не было века,
А был – девятнадцатый «А»...

Двусмысленны окна ночные:
В них свет, полусвет, темнота.
Таится за ними Россия,
Все та же она – и не та.

Повиснет вопрос без ответа:
«О Боже, что делаешь ты?»
В душе не убавилось света,
Но больше вокруг темноты.

Санкт-Петербург

О'Санчес

Современный русский писатель. Родился в 1957 г. Живет в Санкт-Петербурге. Настоящее имя: Александр Чесноков. Образование – высшее, СПбГУ, факультет психологии. Член союза писателей Санкт-Петербурга, член союза Российских писателей. Творчество О'Санчеса весьма многогранно: он пишет серьезную прозу, жесткие криминальные романы, фэнтези и городские сказки, а также рассказы, эссе, стихи, афоризмы. Везде он остр, оригинален, парадоксален, и нигде не скучен. Вот, например, остросюжетный роман «Пинка удаче» - о реалиях современной России и Санкт-Петербурга. Это ни в коем случае не фэнтези, не боевик, не чернуха и не детектив, но очень необычен. Среди его персонажей Николай Второй, Владимир Путин, Никита Хрущев, Валентина Матвиенко, сам автор... и, конечно же, великий и невероятный город Санкт-Петербург. Издавался и сотрудничал с издательствами «Сипозиум», «Геликон +», «Вагриус», «Амфора», «Лениздат», «Шико».

ДЕМИСЕЗОННАЯ ГРАДОЛИРИКА

В тесный гурт, как в диком поле,
Сбились робкие дома.
Очумевшая от воли,
Воеет в городе зима.

Вдоль порталов серых линий
Тихо скачет первый снег,
И его предтеча, иней,
Верноподанно поблек.

В ржавых ямах люков-десен,
Там, где гнило и тепло,
Плачет сморщенная осень:
Было... было... да ушло...

А когда-то, так беспечно
Легким золотом соря,
Знать не знала, что не вечна
Благосклонность сентября.

На исходе марта в городе Петровом
Зимняя погода тяжело больна.
Плавятся под солнцем вязкие оковы,
В небе синеглазом плещется Весна.

Всюду перезвон трамвайных колоколен,
За мостом улыбки трещин на Неве...
Только старый снег устал и недоволен:
Колко ему спать на будущей траве.

В куртке нараспашку, я иду сквозь ветер,
Суеверным шагом огибаю тень...
Слякоть... Что мне слякоть,
если есть на свете
Небо, Солнце, Город и Весенний день!..

НАВОДНЕНИЕ

Раздвинув холод тяжелой тучи
Над чашей сумрачного дня,
Нацелил перст руки трясушей
Пророк небесного огня.

И полыхающая влага,
С хрипящим вихрем под дугой,
По крышам, каменным оврагам
Рванула яростью тугой.

И был потоп под хохот бога!...
Но пробужденная река,
Шипящим стражем у порога,
Раздула серые бока...

А город, дав Неве послушной
Слизнуть небесный сор и гам,
Стоял, пресветло-равнодушный
К стихиям, людям и богам.

ЛЮБОВНАЯ ЛИРИКА

Под унылый шепот листопада
Вспомнилась любовь. И стало жалко
Тех двоих, что снялись в “моменталке”
У кинотеатра “Баррикада”
Я любил ее, она - другого,
Он - свою жену. Все - без ответа...
Я гляжу на них... и сквозь... И снова
Нас морочит северное лето...
Я бы миг тот вытравил и выжег
Из души, из времени, из тела!...
Впрочем, сердце пляшет
“чижик-пыжик”,
Словно никогда и не болело.

ДЖИННЫ

Я ровным пламенем горю,
Мне каждый год за год.
Твой возраст врет календарю,
А мой не врет.

Твой мир обилен и уныл,
Мой светел и убог.
Мой джинн свободу получил,
А твой не смог.

Ты разлюбила - в добрый час.
Потом и я устал.
И счастлив, что один из нас
Не предавал.

Юлия Андреева

Родилась в Ленинграде, живу в Санкт-Петербурге. И то, и другое считаю удачей, не всем так повезло. Петербурженка в третьем поколении. Наверное, это к чему-то обязывает, знать бы – к чему? Пишу фантастику и фэнтези, почему они так называются – не знаю. На мой взгляд, все истории моих книг вполне реальны. Что же до драконов, грифонов и иже с ними, так в жизни случаются и более экстравагантные встречи. Пишу исторические романы и явственно ощущаю, что настоящая моя жизнь именно в них. Еще пишу о фантастически-прекрасных людях, с которыми сводила меня судьба. С кем-то повезло идти бок о бок долгие годы, кто-то прошел, задев краем плаща или неожиданным стихотворным образом... Одних я очень люблю, некоторых очень-очень. Мои друзья-персонажи реальны и осязаемы, в каком бы жанре мы с ними не пребывали. Они стучатся ко мне в аську, барабаният в окна души, звонят по телефону посреди ночи, не боясь всполошить спящую квартиру. Я разговариваю по скайпу со своими персонажами – но это не шизофрения, встречаюсь с ними на конвентах, в музеях, Союзе писателей, просто в метро – но это не галлюцинации. Секрет прост: мои персонажи – герои мемуарных книг, реальные люди, наши современники – писатели, художники, поэты... Они выкидывают фортели на страницах моих книг и «в реале», а затем со спокойной серьезностью подписывают авторские договоры в издательствах, ссорятся, мирятся, строят планы. Я не придумывала их: Высшие силы, по воле Великого Креативщика создали их такими, какие они есть. Да они и сами творцы, за плечами каждого из которых не один сотворенный мир, демиурги, созидатели, изредка разрушители... Г.Л.Олди, Анджей Сапковский, О'Санчес, Андрей Балабуха, Геннадий Прашкевич, Дмитрий Вересов и многие, многие другие, странные источники света для путешествующих по дорогам сновидений и по страницам книг, удивительные и удивляющие. Меня попросили написать автобиографию. Я уже много раз делала это, разделяя по эпизодам и включая в собственные произведения... «Время разбрасывать камни»... А вот теперь настало время собирать – мелкий разноцветный сор воспоминаний, своих и чужих. Жемчужина за жемчужиной, камешек за камешком, лепесток за лепестком – постепенно выкладываются в некоторый магический узор, смысл которого пока еще тайна даже для меня...

Ангелы в грозу

Ты не можешь заснуть, маленький.
Я расскажу тебе что-нибудь.
Ты любишь страшное?
Я расскажу про ангелов,
С перебитыми в грозу крыльями.
И глазами.
Господи!
Какими глазами!
Как сама чистота.
Понимаешь.
Ангелы – они только добрые.
В них нет и капли нечистоты.
И поэтому они смотрят на раненые крылья
И не верят.
Не понимают,
Что больше не взлетят.
И поднимаются в воздух.
Это великое зрелище
Летающий ангел.

* * *

Когда-то давно
я был маленьким как звезда.
Мой дед – астроном
предсказал мое появление.
Взял меня на руки,
понес смотреть мир.
Когда я был маленький как цветок
мой дед ходил с палочкой,
носил шляпу,
ухаживал за растениями.
Когда он умер, я спал,
и не пошел прощаться.
Так дед остался со мной навсегда.
И однажды я увидел моего деда
с посохом странствий,
и в шляпе волшебника.
Он пришел и сказал:
– В мире, где я сейчас
сесть место для тебя.
Я дал ему руку,
и мы зашагали по небу.
А те, кто видел нас с земли
воспринимали наш свет
и думали, что мы две звезды.

Поток

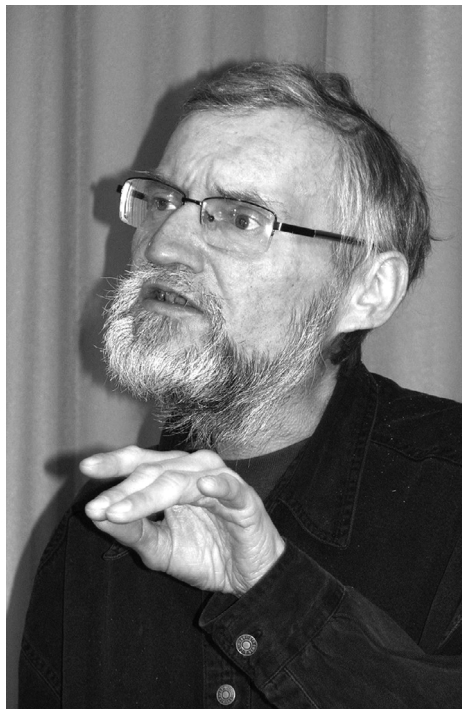
Через меня течет поток, пробивая путь.
Он рушит опору, показавшуюся мне монументальной.
Я не могу его повернуть.
Я не могу быть сильнее потока.
Плыть по нему – я не могу,
Ведь он становится видимым,
Только пройдя сквозь меня,
Как все имеет свое воплощение от женщины,
Но не является собственной частью ее.
Я рушусь, как берег,
Подточенный терпением,
И опускаю в воду волосы и руки,
Как ветви дерева.
И образую свое течение
Внутри потока и рядом с ним.
Я стою и истекаю за поворот реки,
И что-то во мне уже разбилось о камни.

Птица с убитой памятью

Мне неоткуда вернуться –
Птица с убитой памятью...
Звуки имени кажутся чужими,
В зеркале не возникает лицо.
Глаза сливаются с ночью,
Губы рыщут в тюльпанах
И находят пустоту.
Птица с убитой памятью...
Я забыла нероглиф движения,
А воздух не сохраняет следов
И вода потеряла мой запах.
- Откуда, - кричит эхо
в пустой комнате.
- Куда, - отвечают деревья,
не ставшие домом.
Я сижу на пересечении тропинок
И плачу.
А звезды ловят слезы и купаются в них.
И убитая память летящей птицы
Ищет меня.

* * *

Сколько за твоею грустью боли.
Выдержать не смогут струны,
Ну а я,
не омут я бездонный.
Я бродячий, черный клоун
в гриме полночи!

Александр Смир

Александр Смир (Смирнов Александр Валентинович) родился 4 марта 1960 года в Ленинграде. Поэт, издатель. До армии работал в НИИ Геофизика, после на объединении «Светлана». Там же занимался в ЛИТО. Руководитель Наталья Грудина, затем Валентин Петров. Так же ходил в клуб юмора при ДК Пищевиков. Руководитель Константин Мелихан. С начала 90-х участвовал во многих коллективных сборниках. В 1992 впервые попробовал себя в издательской деятельности – выпустил сборник «Странный лес» три поэта плюс три художника. В 1995 году создал две поэтические серии «Муд зубрости» совместно с А. Горноным, и «Петраэдр». Участник фантастических конвентов «Интерпресскон» 2011, 2012, 2013, 2014 и Фантастическая ассамблея 2013. Выпустил шесть своих сборников. Совместно с Ю.Андреевой в 2010 г учредил литературную премию Петраэдр, в 2012 были выпущены серебряные знаки лауреата премии Петраэдр.

Когда все в жизни спорится,
Боюсь – возрадуются старицей.

Мой ангел-хранитель личный
Слишком для жизни тепличный.

Какие примерим привычки? -
Для жизни найдутся отмычки.

Вот и закончилась квота на счастье –
Томлюсь, как в запятых дееспричастие.

У моего оптимизма
Приступ ревматизма.

Твои злополучия
Моих получше ли?

По жизни дрейфую –
Просто кайфую.

Было многое дано,
Да все затоптано.

Толи сбылось,
Толи аукнулось?

Собираю всерьез
Коллекцию вымерших грез.

Ко мне имеет интерес
Попутный бес.

Похоже мои сны
Объелись белены.

Мне бы шлем
От проблем.

Терпеливо ждет рок,
Пока нагуляю жирок.

Во мне жизнелюбие воскресло
И сразу же уселось в кресло.

Экономическое чудо-юдо
Чищу воблу на раритетное блюдо.

Светало,
Но как-то устало.

Ручей мнил:
Он – Нил.

О грешных нас заботясь
Сгорел черт на работе.

Во время проводов цыганского барона
Украли лодку у Харона.

Утер ангелам нос
Черт альбинос.

Чары
Ауры.

Для пауза
Полезна пауза.

Размышления о пользе и вреде
Кругов на воде.

Он брал от жизни все.
В конце лишь плаху предложили.

Догмы -
в домны.

Никогда с горяча
Не внимай речам.

Татьяна Громова

Татьяна Витальевна Громова родилась в Ленинграде. Окончила ЛГПИ им. А.И. Герцена, и курсы «Литератор». В литературе дебютировала в 1991 году в журнале «Мансарда» стихами «Бутерброд со счастьем» и «К Нинели Михайловне Джуриной». Выступала как редактор-составитель детских книг и поэтических сборников: «Гуляндия» (1998 г.), «Светлячок» (1999 г.), «Волшебная шкатулка» (2004 г.), «Эйдос» (философско-поэтический альманах, 2000 г., 2001 г.), «Встречи» (2005 г., 2006 г.), «Философские сказки» (2006 г.). Начиная с 1997-го в течение двух лет постоянно сотрудничала в журнале «Медный всадник» и газете «Земля русская». С 1999 по 2002 гг. являлась заместителем главного редактора газеты «Русь». В 2002-2007 гг. – ответственный секретарь журнала «Невский альманах», с 2007 г. – сотрудник издательства «АураИнфо». Автор нескольких поэтических книг.

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ПЕТЕРБУРГА В КИЕВ

В октябре 2013-го мы с Маней, прогуливаясь в Киеве между общагой на Космической и рынком «Юность», дали друг другу торжественное обещание вернуться сюда на весенних каникулах, и безо всяких там... спутников. Просто. По-девичьи. Вдвоем.

А потом потекли дни ожидания, и жизнь начала потихоньку вносить коррективы в наши планы.

Сначала в Киеве случился майдан, потом созрело противостояние, беспорядки, убийства и прочие безобразия, и я всё ждала и надеялась – ну вот устаканится, ведь до весны еще так много времени!

А оно всё никак не утрясилось и дотрясилось до аннексии Крыма...

И тогда пришло понимание: люблю жить по принципу «Что за дело вам – хочу!» и в Киев поеду несмотря ни на какие аннексии и майданы.

Надо сказать, мне очень крупно повезло: муж всячески поддержал эту идею, а от мне-ний остальных почти до самого отъезда удалось отгородиться. А вот Мане довелось вынести серьезнейший прессинг. И она не сдалась. Слава героине!

Вот и билеты уже куплены, и все пугалки, страшилки, сопелки и пыхтелки выслушаны, четверо провожающих сидят тесненько в купе и распивают коньяк из выдавшей виды походной фляжки. Кто – за то, чтоб девочек не убили и не ограбили и на таможне не высадили, а кто (не вслух, конечно, а задней такой мыслишкой) – чтоб высадили-таки и вернули в лоно семьи.

У меня на чердаке
Поселился кот в мешке.
Я держать его решила
На коротком поводке.

Только этот вредный кот
Поводка не признает.
Он шипит и безобразит,
И когтями крышу рвет.

Изменился мой чердак.
В нем разруха и бардак.
Я ему сказала: «В Киев
Отвезу тебя, раз так!»

Вот и едем с чердаком
В Украину напрямиком.
Ну, а кот в мешке доволен:
Мур-мур-мур, и хвост торчком!

И как последний штрих, через два часа после отправления, – звонок на мобильный от приятельницы, с которой и говорим-то в лучшем случае раз в полгода, но тут она сочла все же своим долгом остановить, предотвратить, предупредить. В общем, проявить активную жизненную позицию – запретить, не пущать.

– Танька, ты совсем с ума сошла? Вылезай из поезда немедленно! Там на границе у тебя паспорт порвут, все деньги отнимут, из поезда вышвырнут. Одумайся, вернись!

Сам понимаешь, дорогой читатель, что хочется ответить заботливой подружке в по-добной ситуации. Предлагаю варианты ответа составить самостоятельно.

На всякий случай любовно перелистываю и оглаживаю страницы российского паспорта. Нет, расставание с ним в мои планы пока не входит, и решаюсь рискнуть заграничным – он, по крайней мере, не бессрочный, все равно через год менять придется.

Ночь резиново тянется в тревожном ожидании свидания с пограничниками.

– Мань, а вдруг мы им не понравимся?

– Ну-ка посмотри на себя зеркало! Ну? И как это мы, такие красивые, можем им не понравиться?

И вот Маня безмятежно спит, а я ворочаюсь с боку на бок, потею, вздыхаю и мучаюсь бессонницей.

Тревогой помечены лица,
Тревога застряла в груди...
Граница, граница, граница,
Граница грядет впереди.
Какая, какая, какая
С утра ожидает судьба?
И вспышки в сознание мелькают:
Допрос? Ограбление? Стрельба?
Не спится, не спится, не спится, –
Ворочаюсь ночь напролет...
Граница, граница, граница
На вымыслы правду пролет.

...Погранцами оказались разнокалиберные девицы с каменными физиономиями. Таким хрен понравишься. Самая толстая, видимо, старшая, долго обнюхивает наши паспорта и задает каверзные вопросы.

— А с какой целью едете? А к кому? А на какой срок? А по какому адресу? Телефоны, явки, пароли... А обратные билеты у вас есть?

— Есть.

— Предъявите.

— Они в Киеве.

— Как?

— Не продает Питер обратных билетов.

— Почему?

— Спросите у Питера.

— Я пока не буду ставить вам штампы, — и передает нас другой девице, более компактной. Та начинает фотографировать наши паспорта и записывать адреса и телефоны киевских друзей.

Сдаем всех, кого знаем.

Эх, в гестапо бы им работать!

Завожу разговор о том, как нежно мы любим Киев и как нам стыдно за Россию.

На погранцовском лице появляется человеческое выражение.

Паспорта проштампованы, движение в сторону Киева продолжается.

Вот она, платформа Дарницкая, это уже Киев, здесь неподалеку и метро Дарницкая. А название знакомо по круглым буханкам хлеба, серого и потому какого-то безвкусного.

А между Дарницкой и центральным вокзалом — Днепр, со множеством поросших мелкими деревцами небольших островков и великолепным видом на лавру.

И какой же поезд не любит быстрой езды до середины Днепра?

С удовольствием узнаю места, где уже бывала — проезжали на такси или ходили пешком.

Здравствуй, Киев, за два коротких посещения успевший стать любимым городом.

Вычитала недавно в интернете: «Путешествия учат лучше, чем что бы то ни было. Иногда один день, проведенный в других местах, дает больше, чем десять лет жизни дома».

Да, да, да, тысячу раз да!

Спускаемся на низкий перрон, так хорошо изученный и оббеганный вдоль и поперек полгода назад во время поисков шепотного, болтливой и абсолютно непредсказуемого Дмитрия Аркадьевича Маковицкого. У него, видите ли, не было обратного билета, и потому всей нашей разношерстной компании пришлось выдвигаться на вокзал на целый час раньше, чтобы помочь ему приобрести этот билет. И ничего не оставалось, кроме как взять на себя ответственность и водить его за руку, словно малое дитя, ибо, в придачу к своей общей чудакости, он был еще туг на оба уха.

Так вот этот Маковицкий потерялся в самый ответственный момент посадки на поезд. Его паспорт и билет у меня, а самого Дмитрия Аркадьевича как корова языком слизнула. И мы с Маней, словно наскипидаренные, бегали по платформе и по вокзалу в безуспешных поисках.

И где же он оказался?

В вагоне, на своем месте! Это без паспорта и без билета!

Уронив из пасти кусок пены, зверюга, проснувшись во мне, нервно клацнула зубами и попыталась откусить у Маковицкого породистый нос, но промахнулась и глухо зарычала, исходя сдавленными проклятиями.

Да, перрон был знакомым, и встретившие нас Женя и Аркадий — тоже. Оба худые, высокие, длинноволосые, в чем-то похожие и очень подходящие друг другу.

Первые объятия, поцелуи...

Нас ждут три неполных, но плотно насыщенных событиями дня, три дня в так называемой «горячей точке», о которых и хочется написать подробнее, но... То мне кажется, что времени не хватает, то — умения, то — терпения, то — смелости... Потому что на самом-то деле плевать мне было на горячую точку, а основная цель — осуществление мечты... Что исполнилось. И теперь есть о чем мечтать дальше.

Не увидела и не почувствовала я там никаких горячих точек. Только весну, тепло (+18!), полноту жизни, стопроцентную доброжелательность от всех, с кем довелось встречаться, абсолютно никакого ущемления в русском языке и безграничное уважение к украинцам... И — любовь, любовь... О которой ничуть не стыдно рассказать мужу. И я счастлива и горжусь, что у меня такой замечательный муж, который всё понимает и с которым можно поделиться самым сокровенным.

И теплые посиделки с друзьями по переписке, и встреча с киевскими молодыми поэтами в арткафе, и посещение дома писателей — Спилки. (Ах, какие там интерьеры!), и премьеры «Антигоны» в молодежном театре «Созвездие» (зал — битком, полный аншлаг), и экскурсия по майдану (первое удивление — большая работающая карусель! Порядок, чистота — ни мусоринки! Дань памяти погибшим — стенды с фотографиями, цветы, свечи... И уже как музейный экспонат — легковушка с простреленным ветровым стеклом... И вместе с тем — продажа сувениров с «майданной» тематикой, и палатка, превращенная в пивной павильон, и коврики «Вытирайте ноги!» с физиономией Януковича в слове «ноги»)...

И семейный праздник — день рождения народной художницы Украины Людмилы Сенчило... Покупаю у нее картину. Ветки цветущей яблони (или груши?) в простой стеклянной вазочке. Натюрморт под названием «Весенние цветы». 33x40. Это без рамы. А с рамой — в чемодан не влезет.

А с Людмилиной картиной приключилась в поезде забавная история.

Мы же с Маней, дуры несусветные, не озаботились обзавестись разрешением на ее вывоз. И ко мне на таможне прицепились погранцы и стали высаживать из поезда.

Я согласилась, что да, нарушила правила, дико извиняюсь, виновата, но нельзя ли хоть чем-нибудь мне помочь? Нет, говорят, нельзя. Вот, заполняйте (вежливые, блин!) декларацию, подписывайтесь везде где надо и катитесь на минском ночном поезде из Горностаевки обратно в Киев.

Ха! Испугали! Скорее, я обрадовалась новому приключению. Отдала Мане чемодан, забрала у нее все оставшиеся гривны, обменяла еще у соседки по купе, позвонила мужу, чтоб так скоро не ждал, позвонила киевским друзьям, чтоб так скоро ждали, сходила к проводницам за билетом, оделась и стала ждать Горностаевки. У Мани и соседки по купе квадратные глаза, а у меня улыбка до ушей.

Приходит пограничник и спрашивает: «Готова?» «Готова», — говорю.

А он делает свирепое лицо, комкает подписанные мной документы и строго так цедит: «Чтоб в последний раз! Больше не прощу!»

Ну, предложила ему коньячку за его здоровье выпить, а он: «Я на службе», — и отказался.

И поехала я в Питер. Опять пришлось звонить киевлянам — чтоб не ждали, и мужу — чтоб ждал.

Вот такая комедия.

Екатерина Асмус

Родилась в Санкт-Петербурге, 11.10.1967 года. До 4 лет жила с родителями в Африке (Хартум) и Европе (Лондон, Париж). Образование высшее – художник - модельер. С 2000 года основная работа в кинопроизводстве. Профессии: художник-постановщик, автор-исполнитель, журналист, писатель, сценарист. Публикации: в многочисленных альманахах, сборниках и журналах. Написан и проиллюстрирован рисунками автора роман «Рок».

Так сладко жить

Так сладко жить, что страшно умереть
Бессмысленно, бесславно, безнадежно
Увлечшись снов прикосновеньем нежных
Где нет борьбы, где не придется впредь

Искать себя, умения и призванья,
Считаться с конъюнктурой и судьбой
Пытаясь все исправить ворожбой,
Такою же забавной, как метанья

Незнающего правды чудака
Сморящего на звезды в поднебесье,
Уверенного, что их нет чудесней,
Правдивей и важнее бытия.

Не сомневайтесь!

Не сомневайтесь,
В мире нет такого,
Что длилось бы
На вечные века

Не сомневайтесь,
Солнце выйдет снова
И явит нам горячие бока

Ветра исчезнут, и мороз, и выюга
Рассыплются, растают без следа.

Сегодня – жизнь.
А завтра – может чудо
Спасет меня от нового креста?

Стульчаки и троны

Однажды, бархатное кресло
В углу гостиной развальясь, вещало так:
“Я отродясь
Не видывал такого места,
Где был бы принят сей изгой!”
Оно презрительно ногой
Махнуло в сторону столовой.

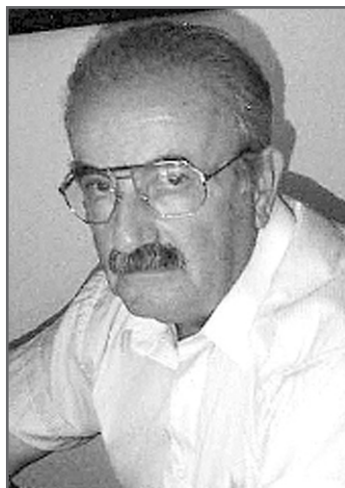
Стоял там скромный венский стул.
В гостиной плыл веселый гул
Смеялись пухлые банкетки,
Хихикал кожаный диван,
Нарядных стульев караван,
В новейшей шелковой обивке
Зашелся в хохоте. Порой
Казалось – кто-то просто лопнет!
Все ждали – стул ногою топнет?

Однако, стул наш лишь вздыхал
И так стоял, на ножку с ножки,
Переминаясь...
Да он знал, что нет в нем никакого блеска!
Что он потребен лишь тогда,
Когда в столовой очень тесно,
Когда сидячие места уже закончились, а нужно
Еще кого-то усадить за пышный стол...
Однако, пол, шепнул бедняге, усмехаясь:
“Нехай их, пусть пока язвят!
Посмотрим мы на их наряд лет через двадцать
Иль хоть десять! И будет голос ли для песен!”

Прошло лишь десять лет – и что ж?
Диван на мебель не похож!
Его шикарную обивку подрали кошки по углам!
А кресло? Бархат, где ты там?
Уж нету – мошь сожрала, напрочь!
Стоит как лысый старикан в углу гостиной и брюзжит.
Стул венский им не позабыт!
«Ишь - шамкает- блестит боками!
Как будто годы только с нами сыграли гадкую игру?
Как сохранился – не пойму!»
Ему поддакивая горько, ряд пуфов драною оборкой
Печально пыльно шевелят,
Банкетки, плача говорят:
“Да-да... Куда катится мир!
Наш шелк протерся весь, до дыр...”

Мораль сей басни такова:
Бог с ней с одежкой,
Пусть крепка основа силы вашей будет,
Но внутренней... А внешний лоск?
Лишь пылесборник, корм для моли,
Непостоянные, как воск!

США

Владимир Зильберберг

Родился в Киеве в 1933 году в семье потомственных врачей. Имеет 300 печатных работ и 50 авторских свидетельств. В 1993 году вышел на пенсию и приехал в США, где живет по сей день. Поэзией Владимир увлекается с юных лет. Американский период жизни оказался очень плодотворным для Владимира в творческом плане. Он пишет много стихов, в течение ряда лет выступает со своими стихами на радио, его стихи печатаются во многих русскоязычных периодических изданиях, а также опубликованы в сборнике избранных стихов Литературной студии «Вдохновение» и в поэтическом сборнике «Русскоязычные поэты Америки к 10-летию теракта 9/11». Владимир является членом Союза писателей Северной Америки. В прошлом году из печати вышел поэтический двухтомник Владимира Зильберберга «Поговорим начистоту» (Изд. «AprintZone», Филадельфия, 2013).

* * *

Туман... Над городом туман
Разлился мутною рекою.
В дар, видно, Лондоном нам дан,
Он над тобой и надо мною.

Сады и парки, сеть дорог
Укрыл он влажной пеленою,
Залёг везде, где только мог,
Он над тобой и надо мною.

Замедлили машины бег,
Одна крадётсЯ за другою,
Стал серым бывший белым снег,
Что пред тобой и предо мною.

Туман, он даже рифмам враг –
Умчались пёстрою гурьбою.
Погода вот такой зигзаг
Нам приготовила с тобою...

Не различишь ни близь, ни даль,
Ни снег, туман стоит стеною.
А на дворе у нас февраль...
Он над тобой и надо мною.

* * *

Свеча горела у окна,
И огонёк плясал несмело.
Кому-то в этот час она
Привет свой передать хотела.

Слова, неведомые нам,
Сокрыты были в этой пляске,
И только огонёк знал сам
Шифр этих слов любви и ласки.

Как же язык свечи расшифровать,
Чтоб нам доверила она свои секреты?
Как много нового смогли бы мы узнать
В безмолвном жарком монологе этом...

Недолог жаркий век свечи,
Горящей днём иль среди ночи.
Чем боле чувства горячи,
Тем её жизни век короче.

Но где-то с нетерпением ждут
Её посланий пылких, ярких.
В них память и любовь живут
Пока огонь пылает жарко.

* * *

Багровый отгорел закат,
Ночь на дворе.
Мерцает тускло циферблат.
Идёт к заре.
Уже светлеет неба край,
Не спит восток,
Звёзд исчезает урожай,
Тих ветерок.
В окошках гаснет жёлтый свет.
Пришёл рассвет,
И ничего важнее нет,
Прекрасней нет!

* * *

Деревья эти, коль они в цвету,
Узнаю безошибочно, без спору.
Ни с чем не спутать пышность, красоту –
Японцы празднуют цветенья сакур пору.

От чувств нахлынувших,
лишившись дара слов,
В объятьях сакуры стою я на балконе.

Доверчиво горсть розовых цветов
Она кладёт в мои раскрытые ладони.

Я будто жизнь держу в руках своих
И влажность, трепетная
свежесть грозди этой
Сама собой рождает отклик – стих
В природу любящем сознании поэта...

* * *

Люблю Луны ущербной половинку
И пенье птиц, не знающих оков,
Люблю в природе каждую травинку
И в небе перья нежных облаков,

Люблю я в шторм рёв дикий океана,
А в штиль плеск волн, ласкающих песок,
Люблю росы бриллианты утром рано,
Люблю тропинку, что ведёт в лесок.

Люблю природу! Всю! Без исключения!
В стихах к ней возвращаюсь вновь и вновь,
И это не каприз, не увлечение,
А настоящая серьёзная любовь!

* * *

Подкралась ночи тьма к нам
без предупреждения,
Зажглись нечастые ночные фонари,
Деревья сонно, в предвкушеньи
дня рожденья
Листовою шепчутся, ждут утренней зори.

На небе тучи трут сияющий диск лунный,
И ветер, словно вырвавшись из шор,
Перебирает, точно арфы нежной струны,
Полоски навесных оконных штор.

Ночной прелюдии звучат беззвучно звуки,
Дневной мажор сменил ночной минор,
Затихли птицы, шепетавшие без скуки,
И лишь цикад звенит нестройный хор.

Всё подчинилось летней ночи обаянию,
Оно влилось и в этот скромный стих,
И даже ветер, непоседа по призванию,
Под утро сдался, утомившись, и затих...

* * *

Война и Победа, вы были когда-то
Всей жизни советских народов залог.
Всё дальше уходят от нас эти даты,
Однако никто позабыть их не смог.

На фронте бои, отступление, бомбёжки,
Но был перелом и раздавлен враг был!
Мы, дети, сажали ростки от картошки,
Чтоб мог прокормиться воюющий тыл.

Ничто не забыто – ни голод, ни муки,
Ни смерть, ни фашистских зверей лагеря,
Ни женщин, мужчин заменившие, руки,
Ни флаг над Рейхстагом и крики «Ура!»

Всё это в историю вписано кровью
И стало народу дорожке вдвойне,
Поэтому помнят с такою любовью
И песни войны, и стихи о войне.

Казалось, что общего в песне с войной?
Но песня – не только потеха,
В ней радость и горе, приказ боевой,
Такой песне смерть не помеха!

Да, песня солдат на войне звала в бой
За синий платок, за Катюшу,
Она согревала в землянке сырой,
И тело солдата, и душу!

И с песнею этой солдат сильным был,
С ней легче сносить было беды.
Она, как письмо, а в письме этом тыл,
Где всё для фронтов, для победы!

Та песня солдата к победе вела,
Сквозь Невский, Крещатик и Пресню,
Она, как солдат, в бой смертельный
с ним шла
За Родину, дом и ... за песню!

* * *

Старики вы, мои старики,
Где мундир, ордена и медали?
Падать духом вам всем не с руки,
Мы другими недавно вас знали.

Да, усталость застыла в глазах,
А в изломе бровей память смерти...
Не забыть отступления в слезах,
Слов скудных в похоронок конверте...

Не стесняйтесь морщин глубины,
Они подвигов ваших гаранты,
Они к лицам героям войны,
Как к мундирам шнуры аксельбантов.

Серебро благородных седин
Мудрость ваших голов украшает,
Подтверждением тяжёлых годин
Уваженье к наградам внушает.

Вы победу несли на штыках,
Грели дулом своих автоматов,
Чтобы подвиг остался в веках
За бесстрашным советским солдатом!

* * *

Острый угол журавлиной стаи,
Небо, как в ненастный день вода.
Улетают птицы, улетают...
Значит, наступают холода.

Что так грустно, журавли, курлычете?
Что с высот вам видится вдали?
Ненароком нам беду накличете...
Не курлычите, не курлычите, журавли!

Знаю я, промчатся дни печальные,
Вновь весна, пора любви и встреч,
Ваших лапок кольца обручальные
Вам помогут чувства к нам сберечь.

Вы вернетесь в лоно гнёзд насиженных,
Где познали прелести любви,
И утешите разлукою обиженных
В том краю, куда вернётесь вы...

* * *

Как жаль, что многое сегодня позади,
Что времена былые не вернуться!
Сказать бы времени: «Послушай, погоди,
Дай дух перевести, дай оглянуться!»

Припомнить всё до самых мелочей,
Все мысли, чувства, свежесть ощущений,
Чтоб снова пережить сумбур страстей
И прелесть близкого, несмелого общения,

Чтоб от воспоминаний захмелеть,
Чтоб голова кружилась не на шутку,
Чтоб снова этим всем переболеть,
Не упустивши ни одну минутку,

И утомлённым памятью, смирясь,
Потоку мчащегося времени отдаться,
Чтоб, с прозой серой, будничной борясь,
К воспоминаньям снова возвращаться...

* * *

Великолепие бриллианта –
Ничто перед людской красою,
Перед величием таланта,
Пред эрудицией людскою.

Великолепие бриллианта
Бледнеет пред людской любовью,
Безмерной чёткостью педанта,
Пред верностью, скреплённой кровью.

Великолепие бриллианта
В одном лишь не уступит людям –
Он будет жить, когда таланта,
И эрудита, и педанта,
И верного любви гаранта
Уже давно в живых не будет...

* * *

На набережной Делавера,
Про время забыв, стою.
Воспоминанья, как химера,
Обвили голову мою...

Лелея гребней волн седины,
Так величавы и просты,
Дугою изогнувши спины,
Повисли над водой мосты.

Хоть радуйся ты или кайся,
А на оставшемся веку
Не позабыть, как ни старайся,
Родного города реку!

И так же, как всё было ране,
Днём глядя в волны иль в ночи,
Свой Днепр видят киевляне,
А Москва-реку – москвичи.

И петроградским иммигрантам
У Делавера наяву,
Подобно Зимнего атлантам,
Не позабыть свою Неву!

Пусть сини волны иль зелёны,
Вода везде одна на вид,
А память... Тут свои законы,
И сердце всё равно щемит...

* * *

Искусство – это кладёзь вечного,
Незабываемо прекрасного,
И с этим наряду беспечного,
Сиюминутного, безгласного...

Сиюминутное и вечное...
Что родилось, а что рождается...
Продольное и поперечное
В канву единую вплетается...

Так жизни ткётся полотно.
По меркам нашим современным
Каким получится оно –
Бессмертным или бледным, тленным?

Мы все идём своим путём,
Ошибки совершаем, учимся,
Но что уже в канву вплетём,
То в нашей жизни и получится.

Вплетём ум, вкус, предмета знание,
Упорный труд, ночные бдения,
Свои дерзания, терзания –
Получим ткань на загляденье!

А коль пустить на самотёк,
Коль творчеством вообще не мучиться,
То, что основа, что уток –
Рядно дерюжное получится.

Прочёл я то, что написал...
Здесь многое иносказательно,
Но я уже заранее знал,
Что Вы поймёте обязательно!

Канва у каждого одна.
Так прочь минутное, беспечное!
Ведь жизнь не так уж и длинна...
Давайте ж ткать стараться вечное!

* * *

Хочу понять всё непонятное,
Хочу постичь непостижимое,
Чтоб предсказать всё вероятное,
Хоть не легко, но достижимое.

Хочу познать доселе скрытое,
Изведать то, что не изведано,
Добыть наукой не добытое
Иль что пока забвенью предано.

Хочу... Иной раз до отчаянья,
Но тут и возникают сложности,
Поскольку эти наши чаянья
Исполнить часто нет возможности.

И в этой противоположности
Природы мудрость проявляется:
Конфликт желанья и возможности
Извечным стимулом является.

Женя Павловская

Родилась в прошлом тысячелетии (страшно подумать) в городе Горьком, утратившем это имя, в СССР — стране, которой нынче нет. Училась в Горьковском университете, в Москве и в Ленинграде, который тоже поменял имя. Будучи по образованию химиком, писала стихи, рассказы, фельетоны (что для химика нехарактерно). В разные годы печаталась в городской газете, в «Крокодиле», в «Театральной Жизни» в «Новом Русском Слове», в «Панораме», еще где-то... Живя в России, преподавала химию в политехническом институте. Посидела с семьей восемь лет в «отказе» — бесценный опыт борьбы и выживания. На пустом месте создала журнал «Бостон-Русский Бюллетень» и шестнадцать лет растила и лелеяла это, набирающее вес, дитя. В промежутке между этими занятиями издала четыре книжки. Чем горжусь: со Львом Николаевичем Толстым меня роднит неприятие оперы, с Мариной Цветаевой — злоупотребление тире, с Чеховым — отсутствие пафоса, с Софи Лорен — умение стряпать, и, наконец, с М. Горьким — место рождения. Со всеми вами меня роднит редкостное совпадение — мы современники.

Толстым меня роднит неприятие оперы, с Мариной Цветаевой — злоупотребление тире, с Чеховым — отсутствие пафоса, с Софи Лорен — умение стряпать, и, наконец, с М. Горьким — место рождения. Со всеми вами меня роднит редкостное совпадение — мы современники.

Как мужик стресс победил

У одного американского мужика, представителя среднего класса, была жена Кэролайн, дом, работа и стресс. Нормальный набор. Про жену, дом и работу он знал давно, а про стресс ему недавно доктор сказал, когда он ходил холестерол и мочу на всякий случай проверить. Мол, холестерол и моча у вас, мистер Шеннон, соответствуют самому правильному в мире американскому стандарту, а вот стресс в вас несомненно завелся, так как вы при мне целый один раз на часы посмотрели, два раза пригладили причёску, хоть, по сути дела, на вашей лысине причёске никакой не удержаться. Sorry, конечно, но я, как врач, обязан быть объективным. И улыбка у вас в два с четвертью раз уже, чем это рекомендовано и одобрено американской медициной. А всё это оттого, что вы предъявляете к себе завышенные требования и стараетесь успеть сделать многое в короткий промежуток времени.

— Как же мне быть, доктор? — заволновался мистер Шеннон, еще раз погладил лысину, взглянул на часы и криво улыбнулся, полностью подтвердив этим диагноз.

— Планируйте свою жизнь так, чтобы между каждым вашим действием оставался промежуток времени в пятнадцать минут. Оставляйте свои наручные часы дома. Пытайтесь есть и разговаривать медленно, — сказал доктор, по-кошачьи почесал за ухом, посмотрел на часы и заерзал на стуле, — а также постоянно улыбайтесь и находите время для маленьких радостей. Нюхайте розы... Визит окончен. Следующая наша встреча в среду, в девять утра, тем более, что ваша страховка это оплачивает.

Мужик этот, мистер Шеннон, был исполнительным. Назавтра встал, надел один носок, а второй спланировал надеть через пятнадцать минут. Потом стал планировать натянуть джинсы. Но со временем перепланировал и достал брюки. Подождал ещё пятнадцать минут (тут уж пришлось посмотреть на часы) и начал планировать надеть рубашку.

— Дэвид, быстренько в душ! Кофе и омлет на столе, поторопись, — кричит жена Кэролайн. А мужик всерьез решил стресс лечить, поэтому отвечает через пятнадцать минут. Медленно и, постоянно улыбаясь: «О-о-о — ке-е-й! — То есть, ладно-ладно, успокойся, не горит.

Отправился на работу в фирму. По пути, как рекомендовано, останавливался на лужайках перед домами и нюхал различные растения, отдавая предпочтение розам. Его облаивали собаки за нарушение границ частных владений, а одна пожилая леди грозила кулаком и посулила вызвать полицию. Мистер Шеннон спланировал не обращать внимания. Здоровье дороже.

На работу опоздал, но часы-то, как велел доктор, оставил дома — вот и не нервничал нисколько. Ну его, этот стресс, в болото! Пусть босс нервничает!

Босс так и сделал.

— Мистер Шеннон, это... это невероятно, это ужасно! Вы опоздали на встречу с важным клиентом на сорок три минуты! Вы, надеюсь, хорошо понимаете что это такое? Фирма потеряла заказчика! Мы понесли серьезные убытки! Да-да, убытки! — и аж весь зашёлся, глаза скосил, щеки трясутся, слюна брызжет, зоб надулся, коленкой дрыгает.

— Это моя ма-а-аленькая радость, — медленно, как учили, ответил Шеннон и светло улыбнулся.

Тут босс пошёл крупными бордовыми пятнами по зеленому фону и злобно уволил мужика по его, босса, собственному желанию. Проявил, акула пятнистая, власть капитала и полное отсутствие заботы о простом человеке-труженике. Но мистер Шеннон родился и вырос в социально терпимом американском обществе, поэтому он такими словами про это не подумал, а подумал другими, которые я привести не решаюсь, потому что их могут прочесть и запомнить дети и молодые девушки.

В среду к доктору он не пошел, а напрямик двинулся на курсы, рекламу которых под названием «Посмотри на себя изнутри» вычитал в газете «Дейли Ньюз». Там узнал где какая чакра организма притаилась, различные оттенки биополя стал различать, и пульсации космоса маленько отгонять в нужную сторону — в общем, не зря деньги на учёбу потратил. И стал народным целителем с уклоном в психотерапию. Многое вылечить мог — и алкоголизм, и бородавки, и боязнь мышей, и гинекологию разную. Даже на расстоянии и по фотокарточке тоже — вот только с кариесом справиться никак не удавалось. Но тут надо понять, зубы это такая грубая материя, которую космос вообще полностью игнорирует. Пусть уж там дантисты...

Бывший босс регулярно ходит к мистеру Шеннону лечиться от стресса. Послушно выполняет все рекомендации, нюхает розы, дышит низом живота и три раза в час внушает себе: «Я спокоен! Я, черт побери, спокоен. Я совершенно никуда не тороплюсь, пропади все пропадом!» И все у босса стало хорошо, вот только с бизнесом что-то стало плохо. Но бизнесы мистер Шеннон не лечил, это совсем другая специализация.

Мистер Шеннон хоть и не злопамятный человек, скорее даже добрый, но оплату с эксбосса берет только наличными и широко улыбается. Такая у него полезная привычка выработалась. А стресса у него теперь и в помине нет, даже рубцов не осталось. И розы нюхать у него в настоящее время ни малейшей нет необходимости. Доктору же тому, который от этого недуга так здорово помог, он на каждое Рождество и ко Дню Благодарения шлет красивую открытку с пожеланием успехов в труде и приятной личной жизни.

Аркадий Шляпинтох

Родился в Минске. Учился, служил, работал. Не состоял. С 1991-го года живу в Чикаго. Постоянно чем-нибудь увлекаюсь. На сегодняшний день поэзия преобладает над другими увлечениями. Чем буду заниматься завтра – не знаю.

Бабушке

В мозгах засела «кукарача» —
Мотив фиест.
Растраченных иллюзий сдача —
На проезд.
Куплю талон, за три копейки,
На трамвай.
В потёртой, старой телогрейке —
Меня встречай.
На остановке, где колонка,
Дом на слом.
Трамвай исчезнет гулко-звонко
За углом.
Пойдут две тени по тропинке
На ночлег.
И будет память по крупинке
Падать в снег.
— Ты помнишь, как мы посыпали
Снег золой?
Остались призрачные дали
За спиной.
— Малыш, не повернуть разлуку,
Как память, вспять.
Я буду рядом, дай мне руку—
Время спать.

* * *

Беспомощен влюблённый Бог.
Он сам себе смятеньем тесен.
Мир, копошащийся у ног,
Ему лишь ею интересен.
Подвижен талии узор,
Манит прикосновенья шея.
Она смущённо прячет взор,
Глаз на Него поднять не смея.
Обычный, в общем, эпизод —
Фантазия творящей воли.
В театре вечности живёт
Мгновение в пределах роли.
А дальше — бесконечный прах,
И прах, родившийся из праха.
Но что-то, вдруг, пошло не так,
Бог мир готов стереть с размаха.
Уже занесена рука,
Закат под Ним пылает кровью,
Прервут движение века...
Но как же Богу быть с любовью?
Она — земное существо...
Признать свою любовь ошибкой?
И стала женщина Его
Божественно звучащей скрипкой.

* * *

Всё могло быть чуть-чуть иначе,
Или даже совсем не так.
Дождь осенний уныло плачет,
Ветер дверью стучит в косяк.
И от этого гулко-го стуча
Дом пустой ещё более пуст.
Завершает свой круг разлука,
Поцелуем касаясь уст.

Неумело звучат молитвы,
Оплывает слезой свеча.
Ранит глубже опасной бритвы
Слово, брошенное сгоряча.
У обиды свои законы,
У разлуки свои пути.
Облетая листвою, клёны
Тихо шепчут: «Не жди, не жди...»

Я уверен, всё будет иначе,
Даже если опять не так.
И пусть дождь бесконечно плачет —
Месяц в небе зажжёт маяк.
Я по хрупкому лунному следу,
По серебряному лучу,
Доплыву, долечу, доеду...
Только ты не гаси свечу.

* * *

Вы всегда такие красивые,
То колючие, то уютные,
Непокорные, терпеливые
С нами в наши минуты мутные.
Иногда от ревности вздорные,
Чаще нашей любовью пьяные,
В однозначности очень спорные,
Но всегда такие желанные.

Не хватает в палитре нежности,
Чтобы выразить нежность красками.
И тогда просторы безбрежности
Наполняет судьба подсказками:
То вдруг дева с полными вёдрами,
То деревья качнут вдруг кронами...
Мы безумно вас любим бодрими.
И немножечко больше сонными.

Речи льются сладкой подливой.
Сколько в них вам всего обещано.
Пусть всегда будет самой счастливой
Рядом с нами любимая женщина.
Вы всегда такие красивые,

Вы всегда такие уютные,
В доброте своей терпеливые
С нами в наши минуты мутные.

* * *

Безоблачные сны
Прощаются с тобою.
Улыбкою луны
Ночь тает над землёю.
Очарованье сна
У детской колыбели.
В душе звучит весна
Мелодией капли.
В покатоми мире крыш
Не удержаться снегу.
Не торопись, малыш,
Продли ночную негу.
Вот-вот наступит день,
Распустится подснежник.
Разворошит олень
В глухом лесу валежник.
И мы с тобой пойдём,
Забот у нас немало,
Туда, где за дождём
У радуги начало.

* * *

Звучит надорвано струна,
Саднят натруженные пальцы.
И поднимаются со дна
Глубин бездонных постояльцы.
Из мира вечной темноты,
Туда, где свет царит кромешный,
Они, по зову красоты,
Плывут в попытке безуспешной.
Зов музыки не поборошь.
Но смерть, не подавая знака,
Рвёт размечтавшуюся полоть,
Достигнувшую полумрака.
И наступает тишина,
И опускаются тоскою
На ил покинутого дна,
Обманутые красотою.
А музыка звучит, маня
Наивных. Музыкант не знает,
Что он, играя для себя,
Других невольно убивает.
Над миром вечной тишины,
Где жизнь прерывистей пунктира,
Всегда отчетливей слышны
Мелодии чужого мира.

Татьяна Янковская

Родилась в Ленинграде, окончила химический факультет ЛГУ. С 1981 года живу в США, работала в университетах и частных компаниях, заведовала лабораторией в корпорации Honeywell. Литературной деятельностью занимаюсь с 1990 года. Статьи и проза публиковались в России, США, Франции и Израиле в «Литературной газете», в журналах «Нева», «Слово/Word», «Континент» (Париж), «Зинзивер», «Вестник», «Чайка», «Время искать» и других, в русскоязычной периодике («Панорама», «Новое русское слово», «Форвертс», «Секрет», «Русский базар» и др.), в альманахах «Свой вариант», «ЛитЭра», альманахе Клуба писателей Нью-Йорка. Лауреат нескольких международных литературных конкурсов. Автор книг «М&М. Роман в историях» («Э.РА-Летний сад», 2009 г.) и «Детство и отрочество в Гиперборейске, или В поисках утраченного пространства и времени» («Время», 2012 г.). Публикатор сборника поэзии барда Кати Яровой (1957-1992 г.) и продюсер избранного ее песен на трех дисках. Член организации русских литераторов Америки ОРЛИТА.

Из цикла «РАСКРАСКИ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ.
Зарисовки и рассказы-недоростки»

Ночь в Румынии

В августе 44-го на карпатском направлении шли бои. Еще в апреле советское правительство заявило, что не собирается захватывать румынские территории, и призвало румынские войска прекратить военные действия против СССР и повернуть оружие против гитлеровцев. Успех Яссо-Кишиневской операции лучше всяких слов убедил румын в неизбежности нашей победы. 23-го августа пала военная диктатура Антонеску, и новое правительство объявило о прекращении военных действий против Советской Армии. Но немцы и не думали сдаваться. Войска 2-го и 3-го Украинских фронтов и прибывшие им на подмогу части с других фронтов с боями продвигались вглубь Румынии, все еще занятой фашистами. Используя горно-лесистую местность, противник оказывал упорное сопротивление.

К вечеру подразделения наших войск, переброшенных с севера, подошли к ущелью, на другой стороне которого закрепился неприятель. Усталые люди расположились на отдых. Мгновенно, как это бывает в горах, пала ночь. Но близость врага не давала людям утомиться, и время от времени в воздухе свистели пули, летящие в обе стороны. Младший лейтенант прилегал к земле. Над ним было звездное южное небо, с которого, как ни в чем не бывало, подмигивали звезды. И все это так напоминало любившуюся всем за годы войны песню, что, сам не понимая, как это получилось, он запел.

*Темная ночь,
только пули свистят по степи,
Только ветер гудит в проводах,
тускло звезды мерцают...*

В начале 43-го после окончания курсов младших лейтенантов его отпустили на побывку к невесте, которая была эвакуирована на Урал. В армию он вернулся командиром роты и женатым человеком. Он был хорош собой, популярен, храбр. У него был сильный, красивый баритон — после поступления в университет он занимался в оперной студии, и невеста его тогда ревновала — и сейчас все замолкли, слушая этот голос.

*В темную ночь ты,
любимая, знаю, не спишь,
И у детской кроватки тайком ты
слезу утираешь.*

У него уже была дочь, жена прислала недавно фотографию младенца, лежащего на животе. Младший лейтенант помнил свою фотографию в таком возрасте в семейном альбоме — он был куда пухлее, чем дочка. Жена, конечно, получает за него аттестат, но хорошо бы послать ей что-нибудь, чтобы обменяла на продукты.

*Как я люблю глубину твоих
ласковых глаз,
Как я хочу к ним прижаться
сейчас губами!*

Он очень тосковал по жене. Ее маленькая фотография лежала в нагрудном кармане вместе с партбилетом — на фронте он вступил в партию. Его молоденький ординарец, мечтавший после войны стать художником, сделал с фотографии увеличенный карандашный портрет, который младший лейтенант носил в планшете.

*Верю в тебя, в дорогую подругу мою,
Эта вера от пули меня
темной ночью хранила...*

Он вдруг заметил, что вокруг стоит пронзительная тишина, выстрелы прекратились, и только песня разносится по ущелью — как будто и войны не было. Это было как массовый гипноз, наваждение, наваянное ночью, звездами, песней и мечтой о далеких близких. Но за ущельем — рукой подать — был враг, а рядом, скрытые темнотой, — свои, его боевые товарищи.

*Смерть не страшна,
с ней не раз мы встречались в степи.
Вот и сейчас надо мною
она кружится.*

*Ты меня ждешь
и у детской кроватки не спишь,
И поэтому знаю:
со мной ничего не случится!*

Когда он допел, на стороне немцев раздались редкие аплодисменты. Потом стали хлопать все больше, все сильнее, доносились фразы по-немецки, можно было разобрать выкрики «браво!». Зааплодировали и наши. И до утра уже никто в ту ночь не стрелял.

Перед рассветом, после артподготовки, они снова пошли в бой. «К концу сентября советские войска завершили прорыв стратегического фронта противника на протяжении 500 км и продвинулись на глубину 750 км. 12 сентября в Москве Советское правительство от имени союзников — СССР, Англии и США — подписало соглашение о перемирии с Румынией. В боях за освобождение Румынии от фашистского ига советские войска потеряли убитыми 69 тыс. человек».

А с младшим лейтенантом и правда ничего не случилось. Он закончил войну в Берлине лейтенантом и в 46-м вернулся домой к жене и дочке. Иногда, сидя у детской кроватки, он вместо колыбельной пел ей «Темную ночь» и, глядя на сонную щеку и светлые кудряшки, думал о том, как ему повезло.

Чудесный карандашный портрет жены лейтенант хранил всю жизнь как память о своем ординарце, которому так и не довелось стать художником, — он погиб в 45-ом, освобождая Польшу.

Сергей Гора

Родился и учился в г. Ленинграде. Окончил ЛГУ. Филолог-лингвист. Имеет учёную степень из СПбГУ, а также ряд научных публикаций в США, куда переехал как приглашённый специалист. Публикует стихи в семи странах, в среднем 16-17 раз в году. Профессор одного из ведущих мировых центров прикладной лингвистики. Постоянный прихожанин русских православных церквей. Известен как один из первых и наиболее удачливых пост-советских менеджеров потребительского рынка СНГ, а также как один из первых русских ведущих телевизионных ток-шоу. Стихи пишет с юности, хотя никогда не ставил перед собой задачи их коммерческой публикации. Многочисленные читатели и слушатели его стихов называли его поэзию летописью конца XX-го начала XXI века, написанную истинно русским человеком, уникально оставшимся неангажированным какими-либо властными или корпоративными структурами.

Вперёд на Лонг-Айленд

Не сбивай напрасно ноги,
Если хочешь погулять.
Запрягай-ка по дороге
Ай -Четыре- Девять-Пять.*
Притопи педаль до пола
(...Если пробок нет в пути),
И вперёд, как Марко Поло,
Выдавая авто-соло,
Вдоль Атлантики лети.

**В такт библейской поговорке
Следуй строго на восток.
Там приметней, чем в Нью-Йорке,
Первый мартовский росток.**

Там в глуши на почве глинной,
Отвердевшей за века,
Распростёрся Остров Длинный,
Где холмистый, где равнинный, -
Острый нос материка.

Смогом он не угнетаем.
Ни заводов там, ни шахт.
Хоть три века обитаем,
Всюду девственный ландшафт.
Сосны, ели и лужайки,
Пены океанской йод.
У домов не лают лайки.
Смокинги и «горностайки»
За решётками ворот.

Поселиться в нём не просто:
Тут богатство и престиж.
Цены сказочного роста,
Выше небоскрёбных крыш.
Есть ли где земля по-круче,
Представляется с трудом.
Здесь Америке Веспуччи
При инфляции ползучей
Не хватило бы на дом...

Впрочем, я ведь о природе.
А она для всех одна.
Неподвластна брэнной моде
Океанская волна.
Март не тянет из кармана
На ковры тюльпанных клумб.
В общем, жми вдоль океана

**Вглубь прибрежного тумана,
Как неистовый Колумб.**

* I-495

**TimeS Square –
Площадь Времени или... Времён**

*

Я не ошибся окончанием слова.
Не будь, мой критик, слишком удивлён.
Значение «ЭС» в английском -
мне не ново,
Но «Таймс» ...одна,
как зеркало времён.

**Её разлив на сон соседних блоков
Сулит привычным правилам подвох:
Здесь, как души слияние пороков,
В единстве света - множество эпох.**

**Скажите мне, в какой
«лингвистской» власти
Свести к векам амбиции людей?
Египет..., Рим..., Нью-Йорк... —
 всё те же страсти...,
Всё те же мысли в свете площадей...**

**И потому в грамматике — беспечность:
Вслед-в унисон восторженным стихам
Все времена зову я словом: «вечность»,
И имя «Тайм» - как гимн
 людским грехам.**

*

**Огнём летящих образов приветит.
Прольёт себя на мрак вселенских тайн.
Который час на суетной планете? -
Подскажет вам ночная площадь «Тайм».**

**И не пытайтесь сами разобраться
В сакральном коде пляшущих огней.
...Сюда легко Вы сможете добраться
На блюзе трэйна под названием «Эй»***

**Здесь скажут Вам неоновые блёстки
О том, что будет, и про то, что ждёт.
Не потому ль на этом перекрёстке
Встречают в мире главный Новый Год?**

* "A"-train

Трайбека*

**По Нью-Йорку бродя,
я снимаю «в анфас»
Всё, что в профиль снимать не пристало.
...Говорят: популярен и моден сейчас**

«Треугольник южнее Канала».**

В его улочках узких с давнишних времён
Есть приют и монахам, и геям.
И хотя не Бермудский, но тайнами
он,
Как и весь этот город, оваян.

**Местным крышам издѣвкой
с антенной колосс
Всюду видится призраком вещим,
Он напрасно над ними так гордо возрос,
Против лома прием не завешан.**

**Здесь повсюду сады и повсюду метро,
И рекламы бегущая лента.
Ароматы кафе и изящных бистро
Превращают туриста в клиента...**

Лад завышенных ценников -
 выбора нет,-
 Выжимают беднягу, как губку.
 А в награду -- чугунных узоров балет,
 Как бесплатный презент за покупку.

Букинистов столы меж
цветочных скамей:
Натюрморт на ожившем асфальте.
Хоть пока ещё здесь всё
гораздо скромней,
Чем в изысканном
«Аппа Вест Сайде».* **

Но и тут титулованных клубов огни
Поспевают за блюзовой нотой.
...Безмятежно текут треугольные дни
Между отдыхом сном и работой.

* Tribeca — район Манхэттана, примыкающий к бывшему Мировому Торговому Центру

** *Canal Street.*

*** *Наиболее престижный район Манхэттана*

Кораблик и зяблик

...из окна моего офиса на 78-м
этаже Мирового Торгового Центра

На зябкой ветке зяблик
Не зябнет - закалён.
...Прогулочный кораблик
Плывёт через Гудзон.
Он воду, словно птичка,
Размеренно клюёт.
Кораблик-невеличка
Плывёт себе, плывёт.

Сомнение вдруг подкатит:
К чему, мол, рифмы звон?
Кораблик - просто катер,
И Хадсон - не «Гудзон».
Но в том-то вся и штука,
Что в мире, где расчёт,
Душа, а не наука,
Корабликом плывёт...

Из небоскрёбных окон
Он ботик-коротыш, -
В порыве одиноком
Среди бесстрастных крыш.
Хочу, чтоб этот ялик
Не знал границ и зон.
Пусть добрый мой кораблик
Плывёт через Гудзон.

...Салют причальной вспышки
Отметила река,
И на его кормишке
Зажглись два огонька.
Маршрут не терпит версий:
Кораблик, между дел,
Добрался до Нью Джерси
...А зяблик улетел.

С добрым утром, с добрым утром, и с хорошим днем.

Дни проносятся секундой,
И взрослеет детвора...
В мыслях доброю занудой —
Пионерская пора.

Слышал я с небес как-будто
По утрам приказ: подъем.
С добрым утром, с добрым утром,
И с хорошим днем.

Бодро, звонко, браво пелось —
Прям, не песня -- ураган.
Но вставать так не хотелось
В стужу, в слякоть и в туман.

Только зорька почему-то
Все стояла на своем.
С добрым утром, с добрым утром,
И с хорошим днем.

Всем приветствие по нраву,
В тему, проще говоря,
День, мол, выдастся на славу,
Станет прожитым не зря.

Блестки света перламутром
Душ заполнили объем.
С добрым утром, с добрым утром,
И с хорошим днем.

Кто он, сладкий или горький
Развитой социализм?
Пионерский вихрь зорьки
Мне теперь, как атавизм.

Вся политика - продажна.
Да, гори она огнем.
С добрым утром, — скажет каждый —
И с хорошим днем.

Солнце...

Где наша Земля по галактике бродит,
Где с темными светлые спорят ветра,
Вальяжно и пышно светило восходит
Светить аж до вечера прямо с утра.

Христа и Мохаммеда молят народы,
От Яхве с Конфуцием требуют рай.
Но солнцепоклонники все — от природы.
Им солнце на блюде неси-подавай.

Оно разгорается днем в поднебесьи —
Спадает туманных оков пелена —
И можно ярлык на любого навесить,
Настолько видна человечья цена.

За утренней мглой, порою ненастной
Светлеет внезапно проснувшийся мир.
При свете все зримо, при свете все ясно,
Кто шут, кто невежа, кто вещий кумир.

Вот, Хорс, словно блин, вот,
Ярило-волшебник,
Вот, вещий Христос, вот, на бесов хула.
И мир под луной —
получатель-нахлебник,
Взлжавший энергии, света, тепла.

Хоть, будто с креста,
хоть как плод переспелый,
О грешной судьбе ты за зря не жалея,
Ведь свет неспроста —
убедительно белый,
Где дни пролетают как клин журавлей.

Да, здравствует свет! И, да, скроется тьма!

Писание всем объявляет с порога,
Что, дескать, однажды природа сама
Воскликнула голосом Господа Бога:
Да, здравствует свет!
И, да, скроется тьма!

Ура, нету тьмы! И Земля — не могила.
С дороги в кювет ты теперь не слетишь.
Короче, всем солнце прописано было.
А там и луна подтянулась, глядишь.

Лучи благодати наполнили души.
Расплылись в улыбке блаженные рты.
С тех пор только день для работы
и службы.
Назначен лишь сон для земной темноты.

Но дьявол, увы, оказался умнее,
Набросив на светлую истину тень.
При свете грехи становились виднее.
Короче, нечистый, да, здравствует день!
Волхвы загрузили, а демоны рады.
Ведь вера — насмешка.

Хоть плач, хоть кричи.
При свете творятся сплошные
неправды,
А правде оставлен лишь шепот в ночи.

Сумрак

Меркнет светило, включается свет,
Льет невидимкой небесная лейка,
И фонари посылают привет
Крышам, оврадам, цветам и скамейкам.

Мир — словно дождик — наперекосяк.
Грусть не зови, от себя отпуская.
Входит романтика в души трудяг,
Сказочным сумраком сердце лаская.

День то ли ночь, то ли просто не бел.
Звезды на небе едва различимы.
Связан пучок из амуровых стрел:
Женщины -стрелы, и стрелы-мужчины.

Кто он: распущенных грез фараон
Или мудрец из блаженной нирваны?
Терпко и трепетно шествует он,
Пылким мечтам раздавая тюльпаны.

Дымка над лесом, полей пелена
Шепотом вкрадчивым сказку бормочат.
Скоро на небе засветит луна —
Ей ведь светить полагается ночью.

В тьму уплывут, растворясь, облака
Где-то затлеет камин как окурок.
Все это будет потом, а пока
Тешит, витая, таинственный сумрак.

О грамматике

О глагольной поре каждый
судит с наскока.

Времена наизусть
мы спрягали как стих.
Для прошедшего с будущим -
суффикс наёмком.
Настоящее время... застряло меж них.

Для чего череда всеу мыслей
восставших,
Ведь грамматики строй —
не цари-не рабы.
Ни туда, ни сюда, -
и не сдвинуть застрявших
В роковом беспределе
мгновений судьбы.

Пусть невежа сочтет мудреца
сумасшедшим,
Откровенье приняв за
навязчивый бред.
Настоящее - сплошь из мгновений
ушедших.
Настоящего времени попросту нет.
Прошлый век или миг -

мне историей спящей,
И ее не разбудит любой грамотей.
А о будущем сны для меня

в настоящем
Хоть не знаю, дождусь ли
желанных вестей.

Ни к чему поливать недоверия семя.
И зачем вопрошать?

Ведь известно давно,
Что прошедшее —
сплошь настоящее время
И что в будущем будущем будет оно.

Я, увы, не приму правил хамелеонских,
Хоть грамматикой спорной мой
разум клеймён.
Перепуталось все нынче

в доме Облонских,
А точнее во вселенском порядке времён.

Дневник

Добродетели... пороки...
Сгустки мрака... блеск огней...
Все свои имеет сроки,
Сотворенные из дней.

Листопад, жара, метели
Бедность, роскошь, даже смерть —
Воплощение дней недели,
Чья предвечна круговерть.

Все поют все ту же песню
Про спасенья оберег:
Я когда-нибудь воскресну —
После дождичка в четверг.

В школе первые уроки
Крепко вдалбливали всем:
Дни недели — это сроки,
Поделенные на семь.

Все училки в такт галдели —
Я к галдению привык. —
Хочешь знать про дни недели —
Не ленись, открой дневник.

С той поры, на самом деле,
Размышляя про срока,
Я читал судьбы недели,
Как страницы дневника.

Справа — значит, ангел правит, —
Дней предпраздничных аккорд;
Слева — сплошь заданья травят,
Видно, в уважухе черт.

Я благих недель поборник.
Семь — удача -- не беда.
Понедельник, ниже вторник
И совсем внизу — среда.

Мне наскучила забота
Грезить временем — врагом.
Из под пятницы суббота
Лезет вслед за четвергом.

Впрочем, люди обалдели —
Цифры семь не видно здесь

В дневнике из дней недели
Насчитал я только шесть.

Гнев из ниоткуда взялся.
В гневе брызгаю слюной.
Где, зараза, затерялся,
Мой желанный день седьмой?

Будто мне мешает что-то
Докопаться до семи.
Весь дневник — одна работа.
Где же отдых, черт возьми?!

Я вот-вот от гнева тресну —
Где его хотя бы след.
Как же я тогда воскресну,
Если дня такого нет...?

Слышу сердца голос ровный
Не вставай, мол, на дыбы.
День седьмой — пробел никчемный
В дневниках людской судьбы.

Знать, его не доглядели,
Мчась к работе прямоком...
Я сверяю дни недели:
С вещим школьным дневником.

Белая ночь

Ночи утренняя бодрость
Медный блеск прибрежных брызг.
Как назвать мой милый образ,
С колдовством связав изыск?

Грёз — не кладбище, но одр.
Не куплеты — а сонет.
Не фигура и не контур —
Петербургский силуэт.

Тополиный пух кружится,
Вальс кружа над мостовой
Словно снег, ложась на лица,
Разрезвился белый рой.

Вновь расслаблен — не натужен
Трепет уличных очей.
Нежность кружев, нежность кружев
Белизны твоих ночей.

Ночь и день свивает вместе,
Удалое лето- выюн.
Это самый светлый месяц
Под названием июнь.

Вод гранитные оклады
И мостов ажурных лик
Украшают как наряды,
Ночи северной пикник.

Ни глентвагены, ни гуччи
Мне бросаются в глаза.
Вижу праздничный Щелкунчик
Водку пью, что как слеза.

Словно прежние концерты
Треплют струны-провода.
Ведь вдали Волшебной флейтой
В нотах плещется вода.

Фонтанчик

Тепло апрельской улыбки —
Начало вешней горячки.
Настал конец зимним думам.
О стуже мысль -- неподад.
Декоративные рыбки
Пестрят в пруду после спячки,
Где по камням бойким шумом
Настырно бьет водопад.

Бурлят весенние мысли
На ветках почки повисли
Мечты же — как одуванчик —
Их сдует временем вмиг.
Не обольщайся. Будь трезвым.
Не верь журчаньям помпезным.
Ведь это просто фонтанчик
В пруду шумит как родник.

А дух весны все хмельнее.
И зов желаний — сильнее
И сердце бьется слышнее —
Мой зычный ласковый плут.
Легко летит словно мячик
Желанье вечной удачи.
Но это, просто, фонтанчик
Мощней струится на пруд.

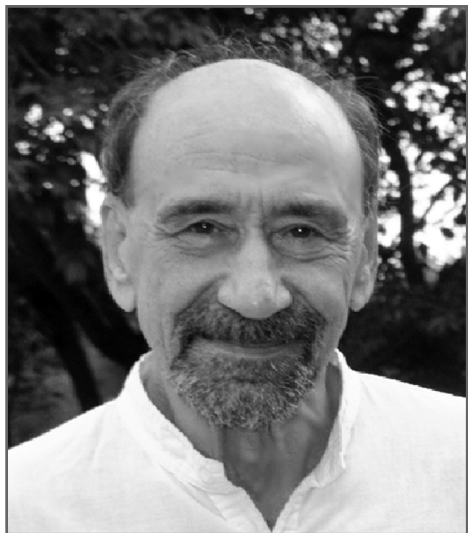
В апрельских мыслях я молод.
И шарик мой не проколот.
Набит надежд чемоданчик
Глухой тоске на беду.
Но за обилием — голод.
Тепло и грусть сменит холод,
Когда шумливый фонтанчик
В моем утихнет пруду.

Петроградская сторона (гитарная пьеса)

В полдень солнце, а в полночь луна —
Два привычных этюда в окне.
Кто успешно за светом по свету прошел,
Ощущает себя на коне.
Петроградская сторона,
Ты, теперь на другой стороне.
Там, где Троицкий мост,
Великан-Мюзик-Холл
Улыбаются юностью мне.

День и ночь — словно бог-сатана —
Вечной парой судьбы суета.
Как найти-подобрать роковые слова,
Что пустой болтовне — не чета?
Петроградская сторона,
И Нева -- будто жизни черта.
Там проспект упирается в те острова,
Где моя обитала мечта.

Лампа или лучина нужна?
С чем сравнится пыланье свечи?
С тем, что нам излучает небесная твердь
Или с трепетной искрой в ночи?
Петроградская сторона,
От безверья меня излечи.
Князь-Владимирский светоч,
а может, мечеть
Мне расскажут про свет как врачи.

Вадим Крейд

Поэт, историк литературы, переводчик, специалист по серебряному веку и первой волне эмиграции. С 1995 по 2005 главный редактор «Нового Журнала» (Нью-Йорк). Является членом редколлегии американского журнала *Поэзия. Russian Poetry Past and Present*. Автор и составитель более 40 книг о серебряном веке и литературе в эмиграции: «Образ Гумилева», «Поэты парижской ноты», «Ковчег. Поэзия первой эмиграции», «Вернуться в Россию стихами», «Воспоминания о серебряном веке», «Георгий Иванов. Книга о последнем царствовании», «Петербургский период Георгия Иванова», «Николай Гумилев в воспоминаниях современников», «Словарь поэтов Русского Зарубежья». Автор сборников стихотворений «Восьмигранник», «Зеленое окно», «Квартал за поворотом», «Единорог».

* * *

Был августовский звездопад,
в траве пиликали цикады,
и выводила невпопад
свирель (с хрипотцею) рулады,
сверлила нежно темноту,
и было жаль - чего? - кто знает...
и обещала ноту — ту,
которой даже не бывает.

В ней кто-то близкий на порог...
но поезд — и пора прощаться,
в ней позабытый детский бог
стал, возвращаясь, приближаться..
Свирель запуталась слегка,
река — тиха, а звуки — те ли?
вот и они, издалека,
как в гололед, заледенели.

Века прошли. Луна и тишь.
Идет на убыль сила лета.
А ты сидишь, и тишь следишь
впотьмах, не зажигая света.
Мысль усмирила пестроту,
в стожарах памяти блуждает...
и набрела на ноту — ту,
которая освобождает.

* * *

Когда вечерний горизонт
как храм сооружен,
когда невольный этот сон
уже преображен,
молчи, таись, не говори,
сожги свои мосты,
в пунцовом пламени зари,
как стружки бересты,
и пусть земля небес милей,
ты не гляди назад
на этот бред земных полей,
на этот грустный сад.

* * *

День молодой и горящие клены,
ломкая линия леса вдали
заросли вереска, пестрые склоны,
острая осень - гляди и хвали.
Все переменится - клены и вера,
даже и вера сегодня светла,

только и тешила детская мера
чувств без названий и дней без числа.
Кажется, я ни к чему не привязан,
кажется - более не привяжусь...
Только горячая к жизни приязнь,
хоть и в жилы уже не гожусь.

* * *

Разве счастье под запретом?
Закуривший у окна,
Он глядит перед рассветом
(Цвета серого сукна)
В утро цвета мокрой крысы
(Питерский пейзаж суров)
На антенны, трубы, крыши,
В двор-колодец на сугроб.
Радио гундосит гимны,
Прозвенит во мгле трамвай,
В комнате пустой и дымной
Он заваривает чай,
И внезапно он смекает,
Что уж не о чем смекать,
И мгновенная сверкает
Ниоткуда благодать.

* * *

Смеркается...В небе над нами
Плывет караван облаков.
Закатом расцвечено знамя
Ушедших в пространство веков
То в музыке лунного света,
То в шорохе желтой листвы...
И, может, не нужно ответа
Иного, чем выкрик совы.
Зачем же, как ножик, моторка
Врезает озерный простор...
И молча ты смотришь с пригорка
За дальний рыбацкий костер.

* * *

В вышине шуршали листья,
может, та к — для одобренья,
в тишине шатнулась лисья
эластическая тень.
Ты бродил в леске веселом,
светлом, как стихотворенье,
что когда-то так пронзило —
в дальний, ранний, юный день.

Жар серебряного света
в час когда все приутихло
отворил в долине лета
хор мифических дриад,
не мелодии -- намеки,
снов чуть плещущие весла —
неуловленные строки
в контур четных русских строф.

* * *

Или горного духа
тут пронеслось участие,
или на этой планете
тоже бывает счастье?
Вот зеленеет мхами
радостный май в апреле,
дремлет небесное солнце,
желтое, словно с похмелья.
Или вот эти крылья
жестких стрекоз беззвучных...
и золотится хвоя
на муравьиных кучах.
То ли совсем забылся,
то ли насквозь пробудился,
не узнаю планеты,
чуть бы — и заблудился,
где не поедом ели,
не в рог бараний крутили...
что же мне делать со счастьем
эти три четверти мили...

* * *

Не заснуть и не очнуться,
И слипаются глаза.
Знаю, что сейчас начнутся
На мгновенье чудеса.
Этой ясности подспудной
Приближенье узнаю —
Даже день не страшен Судный
В этом медленном краю.

Ожидаю без желанья,
Оживаю и ловлю
Это тайное дыханье,
Что от века я люблю,
Что сознание поднимает,
Словно лодку на волне,
И сознание понимает
Искру истины во мне.

Елена Дубровина

Поэт, прозаик, эссеист. Родилась в Ленинграде. Окончила Ленинградский институт культуры. Уехала из России в конце семидесятых годов. Живет в пригороде Филадельфии, США. Является автором сборников стихов «Прелюдии к дождю» и «За чертой невозвращения», на английском языке романа «In Search of Van Dyck» и сборников рассказов «Portrait of a Wandering Soul» и «The Dying Glory». Составитель и переводчик антологии «Russian Poetry in Exile (1917-1975). A Bilingual Anthology». Ее стихи и литературные эссе печатались в различных русско-язычных периодических изданиях. Является главным редактором американского журнала *Поэзия. Russian Poetry Past and Present*. Последние годы пишет по-английски и публикуется в журналах. Ее стихи вошли в антологию английской поэзии *Liquid Gold*.

Мир — это прошлого замкнутый круг...

* * *

Сухая пыль с ночных светил
Слетала на уснувшие владенья.
Холодный свет и вечные сомненья.
Как этот мир бездушный опостыл!

И Вы, и я. И эти купола.
Их древний вид. И странное смятенье.
И эта память, ставшая лишь тенью —
Пустой сосуд, разбитый пополам.

Исчезла ночь в таинственных строках.
И кровь бурлит. И день — ее кипенье.
Но только муза, только вдохновенье —
И таинство ночей, и дрожь в руках.

* * *

Смотрят окна друг другу в глаза,
отражаясь в небесном хаосе.
Подожди, не спеши,
если даже ударит гроза
и застынут дожди,
как слова на допросе,
и прожектором молния
высветит ночь, и дома
вдруг откроют себя
словно души. Подожди
не спеши, и, играя в слова,
на тебя, как грозу,
я всю горечь земную обрушу.
Прокричу я совой, в темноту
упаду между спорбленных сосен,
и укрывшись дождем,
я однажды под утро умру,
как опавшая осень.

* * *

Не думать о смерти. Но ржавый замок
Под утро скрипит, вызывая тревогу.
Сварливая ночь повторяет урок
И старый рюкзак собирает в дорогу.

Как в комнате тихо. Смертельный покой
Едва нарушает движение мысли.
И тихо считает всю ночь метроном
Часы и минуты — о жизни, о смысле...

Я сплю и не сплю. Я парю над скалой
На грани времен, и на грани бессмертья.
Но рвется душа в неизвестность порой,
Где в строчках стихов затерялись столетия,

Где рифмы сплетают ажурную сеть,
Где птицы давно щебетать перестали,
И с ангелом белым сражается смерть.
И море застыло, как будто из стали.

Ночь ссорится с утром. Я слышу их брань.
Засовы скрипят, как шаги по паркету...
Завяла на солнце в стакане герань...
Ночь старый рюкзак все таскает по свету...

Осеннее

Улица безмолвна и пуста,
и слеза прошедшего дождя
на листке повисла неудобно.
Мутно в луже,
и на сердце мутно,
оттого, что вечер,
а не утро,
оттого, что осень,
не весна,
оттого, что падает листва,
оттого, что грустны лица,
оттого, что завтра повторится,
то же, что случилось и вчера.
Скучно. Осень. Падает листва.

* * *

Он придуман художником,
серый рассвет.
Вот и снова на время охота.
Две горячих руки.
Еще утро хранит теплоту
наших бед,
ваших польских кровей синеву,
серебристость соснового пота,
две неровных строки,
ненаписанных мной,
виноватой улыбки тревогу.
Все осталось не с нами.
Все стало игрой —
мелкий дождь,
непрощанье,
прощенье,
дорога.

* * *

Портьеры тяжесть, сильная рука,
свинцом холодным на плечо легла...

Я с болью отвергаю каждый раз
простую мысль, что смерть сильнее нас,
что в облаке, похожем на крыло,
есть обреченность. И мое окно —

всего лишь рама, узкий выход в быт,
который тучей черною размыт.

И что по обе стороны стекла
есть тайна света и густая мгла....

* * *

Я оглянусь. Все небо в серебре.
Вы вспомните, наверно, обо мне.
Один. В ночи. У зимнего камина.
И сердца жар, как красная калина
Оставит след кровавый на ковре,
Напомнив вам, наверно, о тепле
Моих восторгов, так неумолимо.
Прошепчет ночь, едва, неуловимо,
О том, что все проходит на Земле...

* * *

Ты разложила пасьянс.
Но карты врут. Они пророчат,
Что оборвется голос ночью
И кончится земной романс.
И странный мальчик из коры
Сплетет тугую паутину,
Как будто раму для картины
В другие темные миры.
Мурлычет ночь. Бездомный кот
Один — он никому не нужен.
Плывет легко по звездным лужам
Зимы последней ледоход.
Вкус ветра на губах, как мед.
Пчелиный яд в глубоких сотах.
Ты ожидаешь с неохотой,
Когда зима в тебе умрет.
Ты ждешь весны. Она и лето
Опять играют в преферанс.
Свет фонарей давно погас.
По мостовой стучит карета
И космонавт летит на Марс.
Он в путь опять собрался долгий.
А ты считаешь дни и годы,
Танцуя вальс, последний вальс.

* * *

К.

Что если встреча — только миг,
Полет высокий в мир нирваны,
Потом, возможно, — трудный срыв,
Что если час нам Богом данный —
Мираж, обман, пустой порыв?
Что если я — не голос тот,
Не легкий стан, не трепет сонный,
Что если долгожданный ток
Вдруг станет просто невесомым?

Что если это только дым —
Развеется как сон короткий?
Не вместе мы, но смысл один...
Как этот дождь, как эти строки:
К разлуке тянется тропа
И к небесам мое отчаянье.
Вокруг течет рекой толпа.
Но ты молчишь. Твое молчанье
Страшнее, чем твои слова,
Сильнее, чем гроза в июле,
И так шемительна тоска
Когда шепчу: «тебя люблю я».

* * *

Я помню осень воспаленным слухом,
Я слышу листьев чуткое паденье.
И сердце коченеет от бездушья,
И будит ночь едва заметным стуком
В мое окно. Я чувствую прозрение.
Молчанье тьмы и города удушье.
Уход в себя и с вечностью разлуку.
И черный ангел в этом мире звездном,
Ко мне слетел, как легкое дыханье.
Но боль прошла. И в этом своевластье
Я путь нашла. Но было слишком поздно,
Как будто где-то в глубине сознания
Я не нашла того земного счастья...

* * *

Как я могу себе помочь?
Забыть того, что не случилось?
Но миг прошел, а время длилось,
И сумерки уходят в ночь.

Есть тайна в легкости минут,
И тяжесть в воздухе прощальном,
Как золото в кольце венчальном,
Как руки, что так просто лгут.

И есть продуманность во лжи.
Есть верность в неумелом слове,
Когда тебе не прекословят,
Но в том движении нет души.

Сад опустел и дом затих.
Короткой жизни быстротечность.
Минуты переходят в вечность,
Как строки переходят в стих...

Как ветер, что стремится ввысь,
Как цвет загадочный в опале.
Да разве мы об этом знали,
Что миг есть смерть, а вечность — жизнь?

* * *

С сумкой дорожной, где втиснуто время,
Сжато сухими корнями бессмертья
Утру навстречу торопится смена,
День снегожданный, морозов предтече.

Как на холсте незаконченном, шторы
Чуть приоткрыты, чтоб видеть, наверно,
Связь расставаний, сплетенье узоров,
Вечную изморозь, трепет вселенной.

Вести о лете, несбывшемся Боге,
О неслучившемся в красках незримых,
О ледяной и бескрылой дороге,
С белым крестом —
два крыла Серафима...

И от звезды, на дороге беззвездной,
В небе остались лишь след полустанка,
Легкие тени, тугие полозья,
И предсказания старой цыганки...

* * *

Я здесь одна. И в моем тихом доме
Молчанье отражается немое
В зеркальной глади моего сознания.
И никого вокруг. Возможно, кроме
Дождливых капель. И оно такое
Надрывное и горькое, как осень,
То чувство, что забвенью предала я.
Как будто все еще в душе мы носим
Тоску по одиночеству. И зная,
Что каждый миг, как дар,
И каждый шаг как в пропасть.

Зимние Этюды

1

Мы вернемся, если будем живы,
Если к дому приведет Господь.

Иван Елагин

По комнате мечутся снежные блики.
В извилинах складок затеряны рифмы.
И памяти странно-скользящие лики
Звучат музыкально-замедленным ритмом.

Сон раненой птицей
повис над вселенной.
Глаза, словно звезды,
их взгляд неподвижен.
Две тени скрестились
на белой постели.
Их шепот и шорох чуть
в сумерках слышен.

Как мрачен дороги изогнутый стержень,
Едва освещенный безлунною ночью.
Но контур на стенке.
И холодно сдержан
в морозных тонах чей-то
профиль нечеткий.

И я возвращаюсь. По памяти скользкой,
По тонкому льду зазеркального детства
Спешу к незнакомому городу в гости.
Но память упрямо застыла на месте.

Как сморщилось утро, совсем постарело.
Осунулись улицы, лица прохожих.
И города сонное легкое тело
На пропасти черное тело похоже.

А в сумерках тает янтарная лунность.
Как в кадре из фильма,
бледнеют виденья.

Гуляет по Невскому старая юность
Обняв голубое свое привиденье.

Прощаюсь навечно. И грустно, и горько.
Пора просыпаться, но тянет обратно,
Где память и юность,
и детства осколки...
Все это куда-то ушло безвозвратно...

2

Мне это все приснилось по утру:
Свет фонаря, на набережной снег.
А я одна по городу бреду,
И на снегу мой одинокий след.

Воспоминанье. Детство. Юность. Дом.
Окно косое на глухой пустырь.
Здесь я жила. Вот лестничный проем.
Мой дом, как Соловецкий монастырь.

Иллюзии, загадочный мираж.
Скользит зима из сна в живую плоть.
А я взбираюсь на шестой этаж
Из завтрашнего дня
в сегодняшнюю ночь...

Из коридора вьется дым сигар.
Воркуют две старушки у плиты.
На кухне закипает самовар.
А дядю Ваню ночью увели

В тужурке старой на косой покроя.
Я вижу его мягкое лицо,
Когда вели из дома под конвоем,
И кто-то бросил розу на крыльцо.

Погас фонарь. Закончилось кино...
На черно-белом желтая луна...
Так было с нами, но давным-давно,
Когда зима по городу мела...

3

Зима в белой шапке и белой кольчуге
Кружится по снегу,
как в замкнутом круге.
Играет метель на рояле сонату
О том, что за счастье
несем мы расплату.

И два одиночества жмутся друг к другу,
И кружит метель по закрытому кругу,
И шепчется грусть
с человеком неслышно,
Их шепот ложится сугробом на крышу.

Рассыпались звезды — алмазные льдинки,
Торопится вечер на чьи-то поминки.
Тоскливо и холодно в зимнюю стужу.
Зачем же зима над вселенною кружит?

Зачем одиночество
с грустным партнером
Мелодии Брамса заучено вторит?
И кажется нет голубого затмения,
И слышится в вальсе задумчивом пенье.

Слагает метель свою грустную песню,
Как снежные хлопья летят
в поднебесье.
А чувства растаяли в зимнюю вьюгу.
И мечутся строки по снежному кругу...

4

Черная ночь — голубое пространство.
Снег возвратился из долгого
странствия.

Рядом прилег возле дома по-свойски.
Звезды плывут по поверхности скользкой

В мир зазеркальный, где нет им приюта.
Час утомленно считает минуты.
Скачет кукушка, пророчит начало
Утра, что где-то всю ночь ночевало.

И заметенные вьюгой незрячей
Строки ложатся в тетрадку иначе.
Холодно им, неуютно, тоскливо,
Буквы ползут по заснежию криво.

Сцены из сказки. Сугробы, как тени.
Голос причудливый вторит капли,
Строки знакомые слышу в метели,
Те, что вчера от меня улетели...

Геннадий Норд

Поэт, композитор, исполнитель. Член Союза писателей Москвы. Член Международного ПЕН-клуба. Создатель и председатель Союза писателей Северной Америки.

Автор 19 книг, в том числе:

- поэтические сборники «Високосный век», «Наедине со всеми», «Звоны», «Босиком по радуге», «Траектория памяти», «Вскрик на рассвете» и др.

- сборники юмористических стихов «Лягухи» и «Лягухи для бессонницы»,

- книги баек, фраз и воспоминаний «Заметки из барсетки», «Потомок Кумульду», «Бей, Олег, бей!» и др.

Автор около девяти сот песен.

Выпустил 31 песенный альбом, в том числе: «Осенний костер», «Золотые сны», «Махровая сирень», «Шалая листва», «Поворот», «Грешная душа», «Жасминовый дождь», «Падает снег» и другие.

Имя Геннадия Норда – «Норд» - присвоено Голубой звезде Седьмой величины в созвездии Водолея (Запись в «Международном каталоге небесных тел», сертификат RUS 75132 от 1 февраля 2014 года)

Инициатор и организатор установки в центре Монреалья (Канада) памятника А. С. Пушкину (скульптор Виталий Гамбаров).

Составитель и один из авторов четырех томов «Антологии русских писателей Северной Америки», которые изданы при поддержке Правительства Москвы. Стихи печатаются в различных альманахах, журналах и периодических изданиях в России, Канаде, США, Израиле, Украине, Германии, Австрии, Чехии и многих других странах. Стихи переводились на многие языки народов мира. Песни и стихи звучат на Первом канале ТВ, канале Россия, ТВЦ, РЕН-ТВ, ТВ-3, НТВ, Столица, Культура, Доверие, Звезда и радиостанциях Радио России, Говорит Москва, Голос России, Маяк, Русское радио, Эхо Москвы, Юмор FM, Милицейская волна и других.

Участник многих программ на различных каналах телевидения: «Смеяться разрешается», «Сто к одному», «PRO жизнь», «Апокриф», «Пусть говорят», «Поле чудес» и т.п.

Один из инициаторов и авторов программы «Культурное наследие, фундаментальные ценности и русский язык». Программа предусматривает с целью популяризации русской культуры установку в различных странах мира памятников русским писателям. За 2009-2011 годы установлены памятники А. С. Пушкину в Москве, Жуковском, Венгрии, Черногории, Панаме.

Включен в Энциклопедию «Знаменитые люди Москвы». Включен в Биографическую энциклопедию успешных людей «Who is who». Включен в «Энциклопедию русского шансона». Академик Евразийской Академии Телевидения и Радио. Член-корреспондент Международной Академии Интеграции Науки и Бизнеса. Академик Российской Академии литературы. Член Президиума Совета по общественным наградам Российской Федерации. Вице-президент Национального фонда поддержки культуры и спорта «Святая Русь». Вице-президент Регионального общественного благотворительного Фонда помощи детям военнослужащих «Забота». Член оргкомитета Международной Ассамблеи женщин мира при ООН. Координатор Всемирного Открытого Фестиваля детских и молодежных СМИ «Мир глазами детей». Вице-президент Центра фестивалей «Виват, Виктория!». Вице-президент и один из учредителей Международного общества пушкинистов. Член Правления Международной Федерации русскоязычных писателей. Заместитель председателя организационного комитета Международного конкурса фестиваля детского и молодежного творчества «Восходящие звездочки».

На протяжении 10 лет был организатором в Канаде Международного фестиваля искусств «Кленовые листья».

Один из создателей Общества веселых поэтов на радио Юмор FM. Организатор, сценарист, ведущий и автор гимна первого Всероссийского фестиваля «Мама Улица», посвященного беспризорным детям России. Инициатор, организатор и ведущий музыкального «Проекта Открытие», организованного Фондом «Подари жизнь». Сыграл роли в нескольких художественных и телевизионных фильмах, в том числе: «Час Волкова», «Однажды в милиции» и др.

Много гастролирует по России и другим странам.

По поручению Правительства Москвы дал сольные концерты перед соотечественниками в Домах Москвы в Риге, Ереване и на праздновании 15-летия Русской общины Азербайджана в Баку и Сумгаите.

За 2011 – 2013 годы дал более 200 благотворительных концертов и выступлений для военнослужащих, детей с нарушением опорно-двигательной системы, работников милиции, пенсионеров и др.

Председатель или член жюри фестивалей «Казачья песня», «Люблинская осень», «Душевная волна», «Хорошая песня», «Заречные зори» и других.

Организовал и провел в 2013 году в Москве 394 культурных мероприятия, на которых побывали 165 тысяч человек.

Один из авторов идеи, организатор и ведущий молодежных фестивалей «Арт-прогулка» в парках Таганский и Измайловский.

Организатор и ведущий фестиваля «Город Непоседовск» в парке Лианозовский.

Один из организаторов фестиваля «Прогулка по набережной», который прошел в столице Абхазии городе Сухум в сентябре 2013 года.

Лауреат национальной премии «Золотое перо Руси»

Лауреат премии ГУВД Москвы.

Лауреат многих Международных конкурсов и фестивалей, в том числе: «Пушкинская лира», «Русская песня», «Янтарное ожерелье», «Звезда полей» и других.

Победитель поэтического конкурса МИД России и «Литературной газеты».

Присвоены почетные звания:

- «Человек тысячелетия»
- «Лучший автор нового тысячелетия»,
- «Маэстро Шансона»,
- «Поэт 2002 года Русского Зарубежья»
- «Мастер словесности»

Награжден:

- Грамотой Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «За высокую гражданскую позицию в творчестве и в жизни»,

- Дипломом имени Риммы Казаковой «За высокое художественное мастерство лирической песни».

орденами:

- «За профессионализм и деловую репутацию»,
- «За службу Отечеству»
- «Культурное наследие»
- «Польза. Честь. Слава», «Единство»
- «Мир и дружба»
- «Трудовое отличие»
- «За веру и верность»

медалями:

- «Победа»,
- «За доблестный труд»
- «Ф.М. Достоевский. За гуманизм, культуру и справедливость»
- «Человек тысячелетия»
- «За солнечную деятельность»
- «300-летие Михаила Ломоносова»
- «Трудовое отличие»
- «Мастер словесности»
- «400 лет Дому Романовых. Николай II»

знаками:

- «Единство»,
- Лучший автор нового тысячелетия,
- «Маэстро Шансона».

За развитие русской культуры за рубежом объявлена Благодарность Министерства культуры Российской Федерации.

РУСЬ

Бездорожье, грязь и вязнут траки,
матерятся тихо шофера,
за поселком бесятся собаки,
а в поселке хнычет детвора.
День остыл, и сумерки у власти,
вспыхивают в окнах огоньки,
пароходное густое: «Здрасьте!»
долетает эхом от реки.
Возле клуба пьяная гармошка
мыкает вечернюю тоску,
рыжая обтрепанная кошка
наискось крадется по песку.
Ни кино, ни танцев. До упора
только водкой моются дела.
Где-то за дворами вспыхнет ссора —
значит, не хватило похмела.
Ах ты, Русь! Дремотная глубинка!
Летняя, изнывающая жара.
Рошица в березовой косынке
стонет под ударом топора,
замерзает дым от зимней стужи,
разрезает скрипом полночь дверь.
Я погибну, если ты не сдюжишь
череду ненастий и потерь.
Верю, что в предутреннем покое
медленно сползет с травы слеза
и тебя восторженно умоет
чистая весенняя гроза.
Но когда придет твоя победа,
я гадать сегодня не берусь.
Просто я тебе навечно предан,
Грешная и праведная Русь.

МОСКВА

Этот город меняет лица
ежедневно и ежечасно,
и готов я до крови биться
за его непростое счастье.
Я готов за него на плаху,
по Вселенной готов слоняться,
я готов за него заплакать,
и до коликов посмеяться.
Я люблю городское слово,
парки, скверы, пруды, бульвары.
Я люблю его утром — новым,
я люблю его ночью — старым.
И ложатся Москвы проспекты
стихотворной тоской на душу,
я его неизбывный вектор
безразличием не нарушу.
Он летит в напряженье спора
между «поздно», «сейчас» и «рано».
Я люблю этот громкий город —
непонятный, живой и странный.
Пусть мелькают его страницы,
пусть гуляет его беспечность!
Этот город меняет лица
не года, не века, а вечность.

Даже псов его грязных свора
для стихов моих знак и строчка.
Я люблю этот сильный город.
Потому, что люблю. И точка!

ДЕРЕВЬЯ УМИРАЮТ СТОЯ

Деревья умирают стоя,
И в дымке тусклой октября
В их сером, неуютном строе
Теряет молодость заря.
И утопают, словно в вате,
В размытом обрисе стволов
Веселых почек буйный кратер
И легкий шелест нежных слов.
И накипь крон, смахнув шумовкой,
Вздохнет и выдохнет листву
Беззубый ветер и неловко
Разметит инеем траву.
Заснувшие тропинок ленты
Не беспокоит шаг ничей,
И позабыв про комплименты,
Озябший хмурится ручей.
И лучик не живой, не меткий,
Зевая, хлопается в грязь.
Качаются бесстыже ветки
К земле пониже наклонясь.
И как-то сразу и неслышно
Исчезли с улицы грачи.
Уселся ворон возле крыши
И от отчаянья кричит.
И черно-белою стеною
Идут в атаку холода.
Деревья умирают стоя.
Кто до весны, кто — навсегда.

ЛЮБИМЫХ
МНОГО НЕ БЫВАЕТ

О женщинах не судят строго,
Узнаешь, коль судьба дала:
Красивых не бывает много,
А некрасивых несть числа.
В любви интимно все и лично:
Увидел — и дрожит в груди.
На свете столько симпатичных,
А милых просто пруд пруди.
Но в городах, дождем умытых,
Они ревут, платки соля.
На свете столько позабытых,
Что переполнена земля.
Зовут, устав от зимней стужи,
И подают заветный знак.
На свете столько слез ненужных,
А вот улыбок на пятак.
Как часто мы бываем грубы
В расколах фраз, в обрывках встреч.
На свете очень много глупых,
А умных надо бы беречь.
Ты в светлой россыпи веснушек
Слова заветные прочти.

На свете множество дурнушек,
А вот счастливых нет почти.
И вспоминая век, что прожил,
Ты внукам сможешь подсказать:
На свете столько баб хороших,
Что разбегаются глаза.
Но даже в перезрелом мае,
Когда бесчинствует весна,
Любимых много не бывает.
Любимой может быть одна!

СЛЕДЫ ПОЭМЫ

Слеза сползала по щеке
И в полумраке
На закипающей строке
Белела накипь.
И в тусклом взгляде ночника
Неоспоримо
Минуты, годы и века
Бежали мимо.
Писать стихи в ночную тишь
Святое дело.
И ты пришла, сидишь, молчишь,
Ты так хотела
Взглянуть на мук полет и раж
И приобщиться
К тому, как лезет фальшь и блажь
На все страницы.
Не воплощаются мечты
И в наказание
За пять минут услышишь ты
Мои метанья,
Мои надежды на успех
И слов фанфары,
И рифмы первородный грех,
И стон гитары.
Я унесусь в размеры строф
И смысл куплетов
В потоке яростном ветров
Зарей отпетых.
Под тени арок и мостов
Врываться будет
Набатный стон зажатых ртов
И смятых судеб.
И полетят без хвастовства
И без утайки
Не сочиненные слова
В рассветных стайках.
И переменяются миры
В крутом замесе,
И догорят к утру костры
Не спетых песен.
И нахлебавшийся тоски
К тебе вернусь я
В потоке бережной реки
Омытой грустью.
Бумаги стопка и в золе
Пустые темы.
И хрупко тлеют на столе
Следы поэмы.

Томск

Елена Клименко

Родилась в Томской области. Член Союза писателей России. Автор трёх поэтических книг: «Неуместные письма» (2000 г.) и «В подстрочнике мая» (2003г.), «Время вить гнездо» (2009 г.). Публиковалась в российских и зарубежных изданиях.

Женщина хочет покоя,
Отдыха после страстей.
Платьев простого покроя
И только светлых вестей.

Пусть в сковородке грибы,
А на стене лубок -
Бог нерестящихся рыб,
Правильной жизни Бог.

Щека как бабочка шершава,
Щека как бабочка нежна.
Пока словами ночь шуршала,
Хрустела звездами весна,

Летела рядом, трепетала
Чужая добрая душа.
Стремясь хотя бы два квартала
Подруг беспечных провожать.

Летела бабочка забвенья
На свой закатный огонёк,
Пытаясь удержать мгновенье,
Впечататься в весенний лёд.

Фото на мониторе:
Флоренция? Генуя? Падуя?
Есть же пути проторенные —
Пропasti геной памяти.

Мчимся по ним поездами.
Страны мелькают и гаснут.
Горы, моря и здания
Прекрасные не напрасно.

Кровь переплавилась в бронзу.
Пепел пророс именами

И Возрожденье Позднее
Кружится снегом над нами.

«Узнаешь по когтям,
Царапины изучишь», -
Совет ученикам.
Но и тому, кто учит,

Немного дано —
Лишь звёздная дорога,
Купе на одного
Да расписание Бога.

Волшебный запах пергидроли
Опять мужской волнует дух.
И новые несутся тролли
В объятья пышнотелых шлюх.

Тебя же манит бестелесность,
Травы и листьев новизна,
Полузаброшенная местность.
Небесная голубизна.

Ты оторвался от погони
Нежданных слёз и странных встреч.
И шорохи лесов и поля
Теперь твоя родная речь.

Спокойной ночи, товарищ по играм!
Отдых нужен и зайцам, и тиграм.
Мы не brutальны — прошли и растаяли.
Страсти слиняли, собачьи окраины
Брежут вполголоса, не серьёз.
Снежные джунгли на стеклах.
Мороз.

- Будем видаться редко.
Будем видаться кратко.
Ты не рада соседству
С вином полусладким? ...

Полусон, полуявь.
Половинкою лунной
Счастье мимо скользнёт,
Но заденет о струны.

Полумуж, полудруг,
Радости полумеры.
Всё для творческих мук -
И рабы, и галеры.

Хрупок домик тенёт
И в расшатанном кресле
Муза быстро уснёт,
Утомясь полупесней.

АБХАЗИЯ

Штопором в небо дорога уходит.
Реки дымятся бутылочным цветом.
Винной дорогой спешешь вслед за летом,
Не спотыкаясь на вязких согласных
Сбывшейся сказки.

Из сада в сад перелетаю.
Сюжет разделит запятая.
Лист или кошка промелькнёт.
Витраж в кругу иль медь дверная...
Зигзагом плюш перечеркнёт.
Приметы рая собираю,
Как липа собирает мёд,
Чтобы вести потерям счет,
В снегах Сибири утопая.

ТУЛА

Маргарита Дутлова

25 лет. Закончила класс с театральным уклоном в лицее искусств г. Тулы. Имею средне-профессиональное педагогическое образование. Люблю писать стихи, рассказы, эссе. В числе хобби значится рисование.

Тень, необходимая как воздух

Тень шла по городу, все ускоряя и ускоряя шаг. Она была так грациозна, как ни одно незаметное существо на земле. Всегда прилетая на помощь к другим, страшно бранила себя за это. Виктория не была эгоисткой, но и не являлась тенью. Хотя по описанию и этого нельзя сказать. Внешне она была такой же серой мышкой, какой хотели видеть ее окружающие: девушка среднего роста, ничем не приметная, кроме своих глаз, конечно. Эти две большие бусинки сияли такой добротой к людям, что в темноте не понадобилось бы ни одного фонаря. Она одинока в толпе, потому что все лже-друзья ценили ее только тогда, когда нужна была помощь. Виктория летела на своих крыльях спасать всех, даже вредя себе.

Девушка-тень, ее никто не замечал, но она была всем необходима. Единственные ее друзья - это звезды, которые выслушивали все проблемы, и только они освещали ее дальнейший путь и были ей верны. И никто не посмел бы обвинить Вику в

сумасшествии, потому что никто не замечал ее. И вот однажды, при очередной беседе со звездами, сидя, как всегда, в полном одиночестве в зеленой роскошной траве, ощущая ее душистый запах, она почувствовала тяжесть руки на своем плече.

Виктория оглянулась и увидела самую замечательную звезду - Его. Он был немой. Но разве нужны слова, чтобы понять, как вы близки, родственны друг другу? Два прекрасных человека стояли и смотрели в глаза, и не нужно было говорить, о чем они думают. С тех пор Тень не просто бежала, она летела на крыльях счастья. Она скинула плащ и показала свое истинное лицо; и это уже не тень, а Виктория - победа! Победа над собой! Только звезды знали ее и, не смотря на всю ее сущность, любили «тень» такую, потому что она была необходима всем.

Звезды всю жизнь будут освещать ее путь, ведь друзья всегда рядом.

Твое имя

Я нарисую твое имя мелом на асфальте, но пройдет дождь и смоем его.

Я старательно выведу твои инициалы у себя в мемуарах, но, прочитав, вырву долой.

Я выжгу аккуратно на доске солнечный блик твоего лица; но вскоре из моего произведения искусства сделают потрясающий шкаф, и никто не увидит моих стараний.

Я пошлю к тебе белого голубя со своей фотографией, но он случайно потеряет дорогу и, не долетев до цели, вернется обратно.

Я попрошу, чтобы время повернули вспять, чтобы чаще видеть тебя.

Все это я сделаю для тебя, но зачем?..

Ведь ты не увидишь отражения своего имени в моих глазах.

Яков Вакс

Яків Олександрович Вакс народився у 1948 р. в м. Житомирі.
Вірші почав писати ще в дошкільному віці. Друкувався в шкільній
стінгазеті, в газетах «Піонерська правда», «Комсомольська правда».

Після переїзду у 1991 р. в м. Кривий Ріг померла найдорожча людина - мати

Регулярно друкується в альманасі «Саксагань», є публікації в газеті «Червоний гірник», виступав з читанням своїх віршів на радіо «Рудана» є членом літературної спілки альманаху «Саксагань», читає свої вірші і в школах міста.

* * *

Бей жидов и опять эти рожи.
И опять я всем сердцем молю,
Так за что же ответь мне, о Боже,
Я ж как сын, эту землю люблю.
Черной сотни проклятье и гадость
И твержу, я, всем сердцем скорбя:
Над тобою они издевались,
И терзали, Россия, тебя!
Я прожить без тебя не сумею.
И смогу лишь всем сердцем вскричать:
Полюби меня, Русь, как еврея
И как русского, крепко, как мать!

* * *

Я рванусь, упаду на колени,
Нет не плотью, всем сердцем рванусь,
Слышишь, брат мой, Серега Есенин,
К той березе с названием Русь.

Припаду, причащусь, просветлею,
Истерзаю себя и листы.
Пусть рожден я, Серега, евреем,
Но душой россиянин как ты.

Нет ни жгуче её, нет светлее,
К черту блеск экзотических стран.
Я отдам тебе сердце, Россия,
Как отдал Исаак Левитан.

Русь моя, ты мой храм и берлога,
Не расстанусь с тобой, хоть убей!

Вот такая судьба и дорога,
Россиянин я, брат и еврей.

* * *

Удар судьбы, нас сбило, разбросало,
Стою один, вонзая в небо взгляд.
И вновь бреду, бреду куда попало,
Я за бугром, я братья - эмигрант.
Здесь чуждо все, здесь небо цвета стали
Душа вопит как скрипка без струны.
Вы так нужны, о если бы вы знали,
Мои девчонки, наши пацаны.
Хочу кричать, рвануться сердцем - птицей,
На срыве струн застыть на выраже.
Но нам увы, уже не возвратиться
Нас ждёт клеймо в три вздога П.М.Ж.
Ожог, удар, прощанье безвозвратно
И мы бредём в разлуке и тоске,
Зажав сердца, твердить на непонятном,
На чуждом нам до дрожи языке.
Не ты, не ты, земля моя родная,
Нам чужд Нью-Йорк, Париж и Амстердам.
Мы каждый день всей сутью постигаем,
Что сытость тут, а счастье было там.
Ну вот и все. И я для всех чужой...
Я понял друг, что родина как мама.
А мать одна и нет у нас другой,
Да, жизнь без родины пустая,
Как хлебница без хлеба,
Как храм без жертвы и Христа
И мир без звезд и неба.

Юрий Ващенко

Родился 12 апреля 1961 года. Образование – авиационное, что неудивительно (см. дату рождения). В авторской песне с 1999 года. Участник и лауреат многих фестивалей авторской песни. Работает в системе образования. Увлечения – дельтапланеризм, туристские походы, военная история. В настоящее время является зам. председателя литературного объединения при альманахе «Саксагань», член редакционного совета. Своё отношение к жизни выражает следующими словами: «Жизнь – довольно-таки увлекательное занятие, особенно, если найти своё место в ней».

* * *

Не поются что - то песни -
Ни чужие, ни свои,
У окна сидим мы вместе
С одиночеством моим.

Плачут дождевые тучи,
Всё никак не уходя,
Тихо омывают душу
Капли летнего дождя.

Все казалось бы - рутина,
На стене поет сверчок.
Только с боку паутину
Тихо тянет паучок.

Так и я на этом свете,
Понимаю в этот миг:
Кто - то тянет свои сети -
Я пою не видя их.

А сверчок поет, послушай.
Все печальней, все сильнее.
Мы с ним родственные души
В безысходности своей.

Он избавлен от вопросов.
Он дает ответы мне,
Этот маленький философ,
Мне поющий на стене.

Он поет, что жить нам стоит,
Несмотря на свой удел -
Получить, чего достоин,
А не то, чего хотел.

Прав ты будешь, виноват ли –
Всё уйдет чуть погода.
Как бальзам на душу капли,
Капли летнего дождя...

Философизмы

Сжав душу в кулаке и зубы стиснув.
По сторонам с надеждою гляжу.
Я на земле ишу следы разумной жизни,
И очень счастлив, если нахожу.

* * *

О вечных истинах болтая без умолку,
Во всем ты ищешь совпадения и приметы.
Кем в прошлой жизни был
гадаешь, а что толку? -
Пойми хотя бы, кто ты в этой!

* * *

Меняются эпохи, дни летят.
И что вокруг мы видим повсеместно?
Верхи не могут (да и не хотят),
Ну а низам всё пофиг, если честно.

* * *

Он идет к великой цели,
Видя цель в своем прицеле.

Каменный солдат

Полустолетия почти ваш покой был нам высшей наградой.
Были счастливы мы, что не надо идти больше в бой.
Нынче ж Родина-мать, что стоит на холме в Сталинграде,
Как в атаку комбат, поднимает опять за собой.

Не такой эта жизнь, как мечталось когда-то нам, стала.
И победный наш флаг на флагштоке бессильно поник,
Наши танки (пока) не стащили ещё с пьедесталов,
Но пытается кое-кто звёзды замазать на них.

...Мы ломали врага, с боем мы покоряли вершины,
И под натиском наших полков отступала... судьба.
«Мерседес» был для нас лишь немецкой трофейной машиной,
А не так, как у вас тут сегодня – мечтою жлоба.

Жили мы, как могли, но мы всё, что имели – отдали,
Точно зная за что шли мы в бой, погибая в бою.
А у вас, я гляжу, продают на базарах медали,
Отдавая за деньги кому-то и совесть свою.

Да и Вечный огонь не таким оказался и вечным,
И не в наши победы играют у вас малыши.
Тяжело тут стоять. То ли небо мне давит на плечи,
То ли больно отсюда глядеть на страну без души?

Моя вера в Победу была даже больше, чем в Бога,
И я вижу опять, что Отчизна попала в беду.
Как мне с места сойти? Как мне сдвинуть бетонные ноги?
Снова надо мне в бой!.. Я смогу!.. Я сейчас... Я иду!!!

Дмитрий Бобылев

Живет в городе Серове. Автор поэтического сборника «Рыбаки» (Серов, 2012). Участник художественных выставок. В свободное время играет в народном театре, занимается верховой ездой

* * *

Она скучна — что о весне писать?
Другое дело — осени загадка:
В сухой траве сухая стрекоза
Устала, подчинив себя упадку.

И не весной нам хочется присесть
И слушать, между звездами и чаем,
Как ветка яблоки качает, расточая
На ледяную кровельную жесть —

Детей к дождям холодным приучает,
Какие повторятся ли - бог весть...

* * *

Сгорело небо, между прочим
Просыпав звезды под окном —
Теперь ботинками затопчут
Небеснокудрое руно.

Попутно, выгуляв собаку,
И я по звездам пробегу.
Ларек у мусорного бака
Уводит в пятничный загул.

Приду домой, ботинки сброшу,
Усядусь ящик посмотреть.
А у порога, между крошек,
Таясь от тараканьих ножек,
Теплится будет тихий свет...

* * *

Ветры дуют невыносимо.
Верим свято: придет весна -
В глину, паханную под зиму,
Навзничь брошены семена.

* * *

Какой подвох — родиться безголосым,
Когда грудины рвет запасом слов!
Явилась суть, но не был он готов...
С безмолвной тени не бывает спроса.

Взорвать капкан, поймать ненужный сор —
Движение вперед бывает мнимо.
Те станции, что пролетают мимо,
Не ставятся кондуктору в укор.

Стоит один — колосс среди колосьев,
Не звуком даже, — мыслями увит.
А контур без окрестности — убит.
Не всем идет родиться безголосым.

* * *

Мы встали на новом пути,
Корабль отошел от причала,
И это всего лишь начало,
И целая смерть впереди...

Римма Дышаленкова

Российская поэтесса, журналистка, писательница, публицист и просто замечательные человек. Член Союза писателей России, Заслуженный работник культуры Российской Федерации, лауреат Премии имени Д. Н. Мамина-Сибиряка и Почётного знака «За заслуги перед городом Магнитогорском». Живёт в г. Магнитогорске.

ПЕСНИ СТАРОГО УРАЛА

ПОЭМА

1. Родословная

Осыпались с громом два века.
Урал безымянный, прости,
ты крепко держал человека
в оковах железной цепи.
Девчоночка в джинсах считает
своей родословной пути.
Счастливая, знать не желает,
что предок сидел на цепи.
Вот в этом забитом забое,
вот в этой пещерной дыре,
вот в этой забытой тобою и мною
замшелой уральской горе
все слышатся зовы и звуки,
и шепот ползет в тишине,
все тянет железные руки
мой прадед подземный ко мне.
Девчоночка в джинсах не знает
забытое это былье.
Счастливая, знать не желает,
какая земля обретает
и образ и имя ее!

2. Присказка

Смирен люд на Руси,
да не все же караси!
Есть и ведьмы-разбойнички,
и вампиры-покойнички,
и Степаны-гулеваны,
Емельяны-горлопаны,
и Петруши-перескоки,
и Ильюши-лежебоки,
летуны, вертуны, выюны,
плясуны, воины...
Под опалу попал —
на Урале пропал!
На Урале — двор — на запор,
на гвоздок — топор:
далеко ли сосновый бор?

3. Крамола

Ограды каменный отвал,
приюты и заслоны.
Вот здесь мой предок сохранял
крамольные иконы.

То дева зраком горяча,
то пьяненький угодник,
то Спас в обличье Пугача,
то Николай-разбойник.

Таил в одежке из тряпич,
как хлебную ковригу,
от грозных храмов и столиц
отторгнутую книгу.

Впадал в немыслимый раскол:
по праздникам великим
смотрел, как ссыльный колокол
качался безъязыкий.

Затем в заводе у горы
горел в кузнечном цехе,
ковал кому-то кандалы,
клепал ному-то цепи,

И от его ремесла
крамольно и лукаво
игра потешная пошла
детишкам на забаву.

Игра звенела возле стен
(забытая совсем).
— Кондалы! — Закованы!
— Раскуйте! — Чем?

4. Воспоминание о 1812-м годе

По Уралу были ходят,
песня старая живет
про Двенадцатого года
героический поход:

Мы — уральские ребята,
удалая сторона,
нас водил усатый Платов
по штыкам Бородина.

От Урала и Сибири
сила грозная лилась,
под знаменами святыми
вся Россия собралась.

Шли народы скорым ходом
мимо славного Кремля.
От великого похода
сотрясалась земля.

Не давали в битве спуску:
поминай святую Русь,
не ходи на землю Русскую
ни турок, ни француз!

5. Женская доля

Коснусь солдатского ремня,
спросив у Бога прежде:
— Есть ли надежда у меня?
— Нет, ты сама — надежда.

Гляди в седые времена,
ведь ты была и прежде:
война, война, опять — война,
и лишь в тебе — надежда.

Но, уходя в крошечный бой,
целуют легионы
всегда чудесный облик твой, —
пречистую икону.

Тебе оставили они
сиротские кручины,
твердя: спаси и сохрани
и жизнь, и дочь, и сына.

Любовь, надежду, веру дай
иль упокой навеки,
и дом весельем наполняй,
и хлебные сусеки.

— А как же я? А кто же я?
— Кто ты — никто не знает.
Тебя и небо и земля
Надеждой называют.

6. Столица и деревня

Недаром говорилось встарь,
когда был церемонен слог:
столицу не покинет царь —
деревню не оставит бог.

И что есть царь, и что есть бог,
как не закон и благодать?
Когда в столице царь убог,
тогда деревне бедовать.

Слуга царев возьмет топор,
опустошит крестьянский лад,
тогда крестьянин станет вор,
тогда столице — мор и глад.

Непредсказуема земля,
угрюма неба высота,
когда столица без царя,
когда деревня без креста.

7. Картофельный бунт

Слышен хохот по Расее,
расчехляются штыки:
не хотят картошку сеять
на Урале мужики.

Победители француза,
сыновья богатырей
не хотят кормить от пуза
окружных да писарей.

Не хотят на медных фабриках
глотать зеленую медь.
Не хотят! Да разве можно
мужику чего хотеть?

Надвигается расплата:
неработа — значит, бунт!
Голяков опять солдаты
сквозь шплицрутену ведут.

Отбивают спины, руки
у отцов и молодых:
вот вам царские науки,
в двести палок, в семь концов!

Слышен хохот по Расее,
протираются штыки:
не хотят картошку сеять
на Урале мужики!

8. Ярмарочный лубок

Во престольную столицу
я с обозом наезжал,
слышал слухи-небылицы
про дремучий наш Урал.

Будто мы умишком слабы,
будто водку любим пить,
нам и сабли не изладить,
нам и пушки не отлить.

Будто золото пудами
воровской народ крадет,
потому и батогами
наказуется народ.

За горами, за лесами
мир заморский говорит,
будто хуже нету камня,
чем уральский малахит.

Будто вовсе нет Урала,
будто мы — не арсенал,
будто мало льем металла,
будто плохонький металл.

Будто все мы виноваты:
разорили-де господ!
Так что, судари-ребята,
нечем потчевать живот!

9. Сходка

— Гни крестьянина в ухаб,
он, пожалуй, будет раб.
А рабочий на заводе
он силен, брат, словом,- брат.

— И о чем ему страдать?
В поле рожь не убирать,
хлеб хозяин привезет,
чтоб ворочался завод.

— Водки в кабаке нальют,
спесь нагайкою собьют,
дальше шахты либо доменки
поди-ка не сошлют?

— А на домне да в забое —
друг-обидчик; не ходи!
Тут не царские покои,
под огонь не угоди.

— И на шахте — ад,
и на домне — смрад,
много наших-то обидчиков
на кладбище лежат.

10. Новая песня

Верил я в бога, бог обманул.
Богу я правду на ухо шепнул.
Думу я славил, кормил всю страну,
министр отправил меня на войну.

Гибнут народы, поет пономарь.
Германии продал меня государь.
Вот я в окопе убитый лежу.
Встану, всю правду народу скажу.

«Царь испугался — издал манифест:
мертвым — свободу, живых — под
арест!»
Встанет рабочий против царя:
мир содрогнется, качнется земля.

11. Громотуха

Отправляюсь по дороге,
вдоль дороги — таволга,
свищет иволга в овраге,
брызжет влагой радуга.

Речка — камешки со стуком,
по прозванию — Громотуха.
В этой речке искони
колотили простыни.

А над речкой — деревнюха,
то же слово — Громотуха:
сто домишек, три крыльца,
церковь — луковица.

Двести лет тому, кажись,
те домишки завелись,
каторжане-грамотеи
грамотухами звались.

Гору видишь за селом:
Громотухой зовем,
там и камни выбираем,
там и ягоды берем!

А река несет со стуком
самоцветы мимо глаз,
под обрывом носит щука
в животе большой алмаз...
Громотуха, Громотуха
много ведает про нас.

Анна Турусова

Писатель и переводчик. Член СП России с 1996 г. Родилась в г. Магнитогорске. Окончила филологический факультет МГПИ. Работала на кафедре иностранных языков в МГПИ. На Магнитогорской телестудии прошла трудовой путь от корреспондента до зам. главного редактора Магнитогорского ТВ. Многократный лауреат литературных премий, в том числе Первой премии III Литературного конкурса имени К. М. Нефедьева. Имеет несколько книг и множество публикаций в газетах и журналах («Магнитогорский рабочий» «Уральский следопыт», «Уральская новь», в альманахах «Южный Урал», «Каменный пояс» и др.)

Братенок

Когда Ваньке шёл пятый, Саньке седьмой год, Васяне уже перевалило за десять. Он, как старший, был у матери на подхвате. «Васянька, накорми ребятишек! Васянька, натаскай воды! Васянька, затопи печку!»

Вечером, когда малыши засыпали, Васяня садился за уроки. Мать подходила сзади, обнимала большими тёплыми руками его золотушную голову и устало просила:

- Ты уж потерпи, сынок. Старший ты у меня, а старшим завсегда достаётся, по себе знаю. Старший – он для родителей, что костыль для хромого...

Перебивались с картошки на капусту, супы варили – крупинка за крупинкой гонялись с дубинкой. Послевоенные карточки только отменили, но хлеба не хватало, и всё время хотелось есть. В эти сонные вечерние часы мать иногда подсовывала Васяньке кусочек хлеба, чуть подёрнутый сверху маргарином – все дырочки можно сосчитать: - На, поешь. Мальцам в садике достаётся, а ты у меня совсем похудал. И золотуха вон не проходит.

Васяня ел, по-кошачьи слизывая маргарин, и был счастлив: задачи решались быстрее и стихи запоминались с первого раза.

Всё бы ничего, да мать ждала ребёнка, а отца посадили в тюрьму за аварию на целых два года.

- Ты не бойсь, сынок, - успокаивала мать, - рожать ишшо не скоро. А там помогут – барак большой, баб много. Тётъ Нюра присмотрит за вами. Может, ишшо и отца пораньше отпустят.

Но беда выскочила из-за угла, как голодная собачонка. Мать на работе тяжело подняла и занемогла. Её отвезли в больницу – на сохранение. Васяня не сразу понял: что ж это они её сами не сохранят, что ли? - «Да ребялёнка надо сохранять, дуралей ты золотушный, - смеялись тётя Нюра с соседками, - Ды ты не бойсь, выдюжим». Все говорили: «Не бойсь!» - а Васяне было страшно. В больницу ходил весь барак – по очереди несли, у кого что есть, а мать половину возвращала Васяне: «Ты не вари мне ничего, ишъ завалили, ишшо и вам остаётся. Да и не хочу я ничего. Вот селёдки хочу. Прямо умираю – хочу селёдки», – сказала она однажды с такой тоской, что Васяне стало не по себе. Что будет, если она умрёт? Может, тогда отца отпустят? Не-ет, уж лучше пусть досидит срок, только бы мамка жила. Отца они подождут. Нельзя, чтобы мамка умерла. Васяня шёл и прятал мокрые глаза от прохожих. А тут ещё вспомнились тётянюрины слова, что нельзя тяжёлой бабе, той, значит, которая ребёнка ждёт, ни в чём отказывать. А отказал, значит, отказал ребёнку, и он может родиться уродом – без пальца, без уха или носа, или ещё чего-нибудь. Васяня представил, как он нянчит братца-уродца, и в глазах зашипало. Он зашёл за какой-то сарайчик, сел на корточки и вдоволь выревелся. Потом шёл дворами и долго шуркал носом - из него капало, как из тётянюриногo самовара. Вот тогда у него и поспел план, как спасти мать и ещё не родившегося братца. А что родится братец, Васяня знал точно: тётя Нюра сказала: «Жди братенка, быть вам, братьям, что четырём ножкам у стола». А авторитет у тётя Нюры был не меньше, чем у коменданта посёлка.

Наутро Васяня поехал в другой район города, где его никто не знал, и обошёл три магазина. Его устроил последний: рыбой торговала круглая непо-

воротливая женщина, и народу оказалось немного. Бочка с сельдью стояла в подсобке, продавец подносила её к весам по несколько штук в плоской посудине. Васяня встал в очередь и боялся только одного: вдруг тара опустеет перед его носом. Когда он достаточно близко подошёл к весам, вытянул шею, заглядывая в подсобку, и сказал продавщице:

- Тётенка, у вас там кошка рыбу стащила!

- Ах, она

стерва! Вот повадилась...

Едва она отвернулась, Ва-

сяня стянул с подноса селёдку и сам не помнил, как вылетел из магазина.

- Шпана! Голь перекатная! Куда мать смотрит!

Больше он ничего не слышал. Спрятал селёдку под рубашку, перемахнул через улицу, добежал до остановки трамвая и заскочил на подножку. Вагоны, тогда ещё деревянные, дребезжащие, никогда толком не закрывались. Домой Васяня вернулся просоленный, пропахший, словно сам только что вынырнул из бочки с тузлуком. Сдёрнул скользкую рубаху, помылся. Вечером отварил картошку, завернул кастрюлю в полотенце, селёдку в газету и, счастливый, отправился в больницу.

- А что я те-бе при-нё-ёс! – гордо и загадочно сказал матери, как говаривал отец.

- Что-то я те-бе при-нёс! Сроду не угадаешь!

- Ой, сынок!

Кажется никогда больше Васяня не видел мать такой сияющей, как тогда, на приступке больницы: она жадно обсасывала каждое пёрышко, каждую косточку, кусок за куском, без хлеба, без картошки и только радостно приставывала:

- Ой, обопьюсь нонче, ой, обопьюсь!

Стерев рыбий жир с пальцев, мать вздохнула:

- Ох, и задолжалась я тётё Нюре. Как буду расплачиваться? По гроб жизни задолжалась.

- Это не тётя Нюра. Это я принёс. – гордо брякнул Васяня.

- Постой-ка, а где-ко ты взял?

- В магазине.

- На какие же вши?

- Просто так. Взял и всё. – Васяня избегал слова «украл», оно вроде как несправедливо по отношению к нему и безвыходности их положения.

Мать скрутила вдвое полотенце и трижды огрела его по спине на виду у десятка беременных жен-

щин, гуляющих вокруг здания. Потом обняла его голые плечи и бурно заплакала, совсем как Васяня вчера за углом. Даже носом шуркала так же.

- Это што же за жизнь такая? – спрашивала она у него. – Отродясь воровщину не ела. Разве што горох с чужого поля. И поди ж ты вот! Грех-то какой! Что же ты наделал? Лучше Христа ради просить, чем чужое брать...

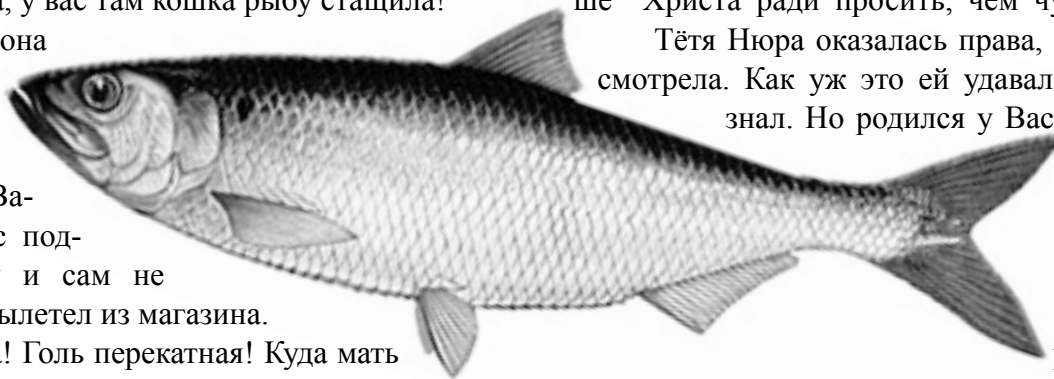
Тётя Нюра оказалась права, будто рентген смотрела. Как уж это ей удавалось, никто не знал. Но родился у Васяни братенок.

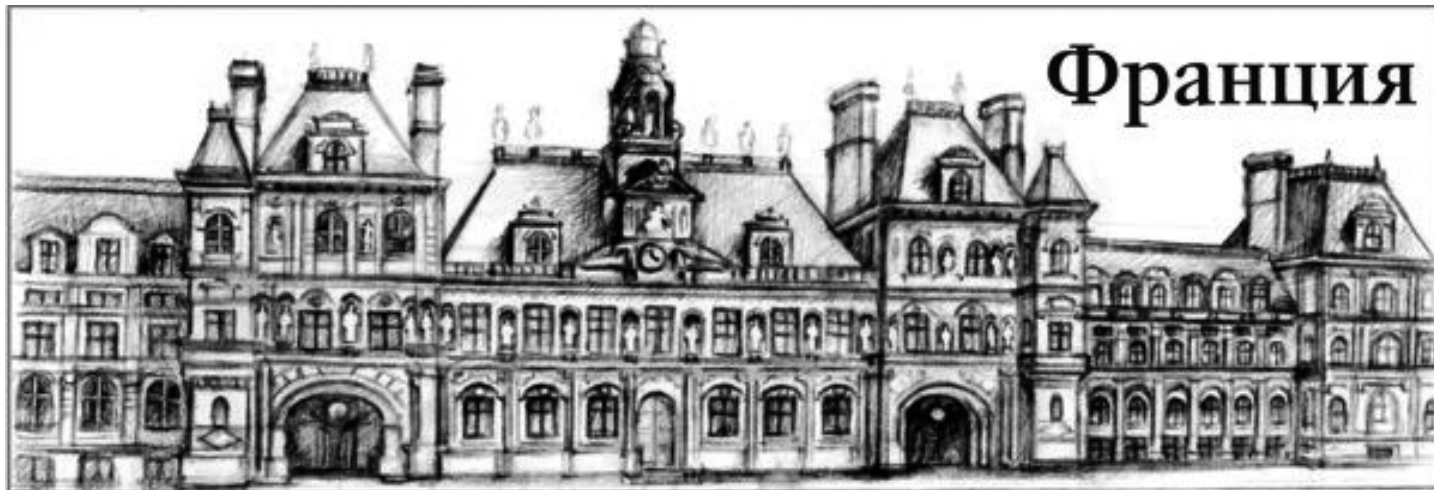
На звали Степаном, в честь отца, которого никто раньше сро-

ка, конечно, не отпустил.

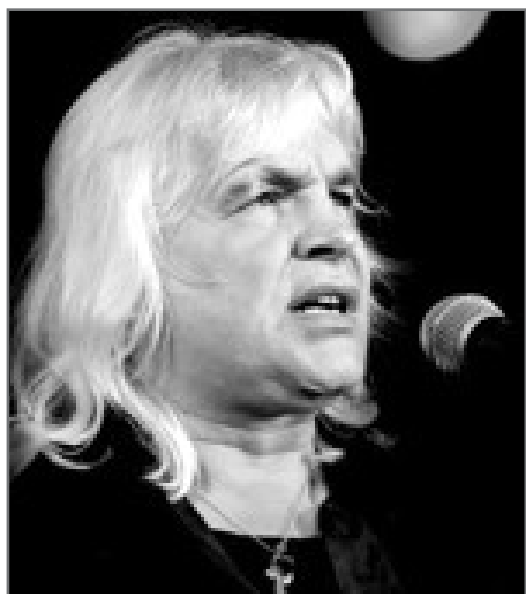
Первое, что сделал Васяня, когда мать принесла ребёнка домой, это пересчитал ему все пальцы. Убедился, что их ровно столько, сколько положено быть – не больше и не меньше, и успокоился. Он был убеждён, что к целостности и сохранности брата причастен, как никто другой. Васяня ещё долго втайне гордился этим, потом перестал думать, а после и вовсе забыл.

Всё это выплыло в памяти, как предрасветный сон, отчётливый во всех подробностях, здесь, в зале суда. Судили Степана - за грабёж. Воровал Стёпка всегда: в детском саду – игрушки, в школе – ручки и карандаши, на работе – что плохо лежало. Некраденое ему не доставляло радости. До поры до времени всё ему сходило с рук. До поры, до времени. Пока не стал ночным придорожником. Теперь Степану светило небо в клеточку по меньшей мере на пятилетку. И гнула Василию голову прилипчивая мысль, что в грянувшей беде виновен он, причастен к ней с давнего дня, когда Степана ещё не было на свете, а он гордо кормил мать ворованной селёдкой. Мысль росла, опутывала его, как банный жар, и отпугивала, и толкала на какие-то смешные, невообразимые выводы. «Да нет же, нет! Не может такая малость, как селёдка, даже краденая, вершить судьбу человека! Так можно на всю Россию одну шапку натянуть! Чуть собачья! И что только ни ползет в большую башку!» Он смеялся над собой, ехидничал, издевался. Но кто-то маленький в нём, битый полотенцем, мокропузый, золотушный, в нём, степенном и штампованном атеисте, всё шептал и шептал: «Не укради!»

Юрий Юрченко

Поэт, драматург. Родился в 1955 году, в Одессе. Учился в Школе-студии при МХАТ. Окончил Грузинский государственный институт театра и кино им. Шота Руставели; Литературный институт им. А.М. Горького (семинар поэзии Евг. Винокурова и сем. поэт. перевода Льва Озерова). Работал актером в театрах Тбилиси, Хабаровска, Владивостока, Москвы. Играл центральные роли в пьесах А. П. Чехова, Е. Шварца, А. Брагинского, Ж.-Б. Мольера, Ж.-П. Сартра. В 1989 году выехал в Германию, с 1992 года по настоящее время живет во Франции. Играл в театре на французском языке, снимался на французском TV. Дружил и сотрудничал с Алексеем Хвостенко (Хвостом), играл в спектаклях по своим пьесам и его пьесам в легендарном театре-клубе «Symposion» (Париж). Окончил аспирантуру в Сорбонне – Université Paris III Sorbonne Nouvelle (тема:

Русский поэтический театр. Истоки). Пьесы Юрия Юрченко ставились в музыкальных и драматических театрах Германии, Франции, Украины, России (в Москве - в театре Маяковского, в театре на Малой Бронной, в театре «АпАРТе» и в др., в антрепризе), были представлены на международных театральных фестивалях (Авиньон, Мобеж и др.). Автор восьми книг (стихи, пьесы в стихах).

* * *

У черных сопок на плечах
Высоко, в желтых зернах,
Косяк о чем-то прокричал
И пролетел к озерам.

Не греет старенький тулуп —
Бревно в огонь подвинуть,
И речка с именем Кулу
Себе подпалят спину.

...Два перелета до зимы —
Один глоток до точки
(И мысли все удалены,
И каждый жест отточен...)

Погас костер, дождем примят,
Уводит ночь заставы,
И где-то выстрелы гремят,
Дробь сыплется на травы...

* * *

Кивнешь на прощанье мне,
В замке прозвенят ключи,
Свет вспыхнет в твоём окне,
И снег захрустит в ночи.

На темные сопки вдруг
Прольется волшебный свет...
По снегу — за кругом круг —
Прокладывать буду след.

Всю ночь колобродить мне
Влюбленным хмельным птенцом...
...Луч света в твоём окне...
...Фонарь над твоим крыльцом...

Но сходят на нет во сне
Калитка... окно... порог... —

Я в теплой своей зиме —
Как в детстве — насквозь продрог.

И в пятнах парижских луж
Душа ли отражена? —
Другой я женщине муж,
И ты — другому жена...

Так что ж, словно пьяный в ноль,
Как в глупых пятнадцать лет,
Я плачу от счастья вновь
И вижу на сопках свет.

И сон твой всю ночь стерегу,
Пою тебе сотни осанн...
Взгляни в окно — на снегу
Стоит влюбленный пацан.

Эстония

Марина Викторова

Человек. Женщина. Врач. География – Эстония, Таллин. Стихи начала писать уже в зрелом возрасте. Финалист Международного Поэтического Турнира «Пушкин в Британии» (2011, 2012 гг.). Победитель конкурса литературного перевода на Международном фестивале русской поэзии и культуры «Арфа Давида» в Израиле (2012 г.) Член Международного Союза Литераторов и Журналистов АРЛ. Стихи публиковались в России, Германии, Великобритании, Израиле. Представитель медиа-группы изданий «Интеллигент» в Прибалтике.

Блекнет вечер, размазав закат в изголовье.
Горизонт - композит перламутра и крови.
Птичий щебет, тонувший вчера
в многословье,
Обрамлён молчаливой
спасительной новью.

Перелистывать старое кажется глупым -
Исписались чернила, потрёпаны перья,
И не хочется брать этот вечер под лупу,
Я сегодня ему не гоюсь в подмастерья.

Ни строки, ни единой окукленной мысли
О житейском, высоком,
глубоком ли, низком.
Точно взбитые сливки осели и скисли.
Остаётся вычёркивать прошлое.
Списком.

Другу

Желтизны почти не видно в кронах,
но вчерашний август закатился
перезрелым яблоком к затону,
тронув небо боком золотистым.

За окном полощутся пайетки
листьев гусолапчатого клёна,
пляшут человечки-статуэтки,
на ещё живом, ещё зелёном...

Пляшут, пляшут... Это - в застеколье.
Там, где ты - другое и другие.
Здесь - круглогодичное застолье
непереходящей ностальгии.

Кондиционер гоняет страхи,
остужая прошлое фреоном,

чей-то ямб сменяет амфибрахий,
и опять стихи, стихи - прогоном.

О минувшем. Проза разночтений.
Прогоркают давние надежды.
В переборе чьих-то изречений
ты то врозь с собой, то снова смежно.

Кто-то подойдёт, огня попросит.
- Нет, не жаль, курите на здоровье, -
и тотчас же снова канешь в осень
зыбким светом, смешанным с любовью.

Доминантное

Вот ночь. Ты снова включишь доминанту,
Сползёт абсцисса с оси ординат -
То Хронос, верным подданным таланта,
Привычно вновь попытается назад,

На заданную точку недеянья,
На точку сублимации души,
Где странно живы все воспоминанья,
На эропоэтическую "Джи".

И снова в старых ритмах рок-н-ролла,
Под водочку и девочек в довес,
Оплавится винил на грани фола,
И выплавится Слово из словес.

И станет тихо. Стало быть, родится,
Чтоб серебром по душам зазвенеть,
Твоих стихов целебная водица...
Моих восторгов грошевая медь...

Слепцы и смотряины

В этих чёртовых оболочках
Стёрты души до волдырей...
Я прошу тебя, Святый Отче,

посылай им поводырей,
Если слепы они настолько,
что вплотную не разглядеть,
как по осени стыдно-горько
обнажённой калиной рдеть.
Гроздей тяжкую переспелость
отпевают басы ветров,
не успеется - не успелось
заневеститься на Покров.
Будут ливни точить балясы,
омывая нагую статью...
Что потом?...
Ображаться в рясы
да корнями в снега вмерзать.
Пьяных ягод ронять рубины
под глухой хохоток слепцов.
это - поздней любви смотряины,
не смотри, не смотри в лицо...

Небожителям

Когда не небо в звёздах, а земля
С размытою суглинистою почвой,
Совсем не приспособленная для
Доставки вдохновений срочной почтой,
Твой долг - и день, и ночь сучить руно,
А не гадать мечтательно на рунах,
Следить глазами за веретеном,
Не беря расстроенные струны. ...
Всё просто: кто-то должен быть земным.
Не только для предательства и порки,
Все чувства наши - чувства, а не дым.
Быть может, без возвышенности Лорки,
Но так ли непростительна на вид
Озвученных раздумий неуклюжесть?
Когда душа болела и болит...
Увы. Неутешителен conclusion.
И пусть такой вердикт не напоказ,
Я попрошу вас всё-таки, потише.
Нам слышно, хоть вы много выше нас,
На несколько земных прогонов выше...

Влад Пенков

Живёт и работает в Таллинне. Писать стихи начал поздно – в тридцать один год, первая публикация так же датируется 2000-ным годом. С тех пор много пишет и изредка печатается. Автор двух поэтических книг – «Ладонь Ангела» и «Гефкер». Постоянный автор журнала «Вышгород». Член Союза Российских писателей (не путать с Союзом писателей России).

Через амхерст

1

Весны прозрачная извёстка
лилась по капле спозаранку
на белых бабочек Амхерста -
и бабочек летали ранки.

Сияли бабочками розы,
курчавя лёгонькие формы.
Авторитет советской прозы
был этой хрупкостью подорван.

А выше, выше, выше, выше
сияли пряди белизною
той, что из-под родимой крыши
чернильной вытекла слезою,

но выйти плотью не посмела.
Не захотела? не смогла?
Кому теперь какое дело
до той, которая бела,

белее роз и снегопада,
белее ярости январской.
Той, что занозою-наградой
вонзилась в русский мой тартарский.

2

Скажи, почему на тебе я завис?
Скажи, отчего я остался?
Так держит безумца оконный карниз,
его побелевшие пальцы

вцепились в последнее, в утро и ночь.
А ты, даже штор не раздвинув,
сумела бедняге-безумцу помочь.
Я вижу крылатую спину

и белое платье и губы, бледней,
чем платье и жемчуга нитку.
Ты столько берущихся штурмами дней
за так отдала недобитку.

3

Цветы не шепчут - говорят.
Во весь гигантский рост

они простёрли аромат -
до самых дальних звёзд.

А я молчу и ты молчишь
и сквозь тебя - трава,
Но я шмыгну к тебе, чтомышь,
однажды снова.

Я пью помногу и песок
шумит в башке моей
и бьётся дюной о висок -
в мысок семи морей.

И я не смею отделить
молчанье темноты
от жизни на живую нить.
И эта нитка - ты.

По крайней мере, твой Амхерст
насквозь меня пророс -
твои крыла - твой горб, твой крест
и куст дворовых роз.

Твой нежный рот, твой нежный рот -
земля, песок, трава
и те цветы, что в полный рост
не раз, не снова.

4

Я был бессмертием томим,
когда вкушал я бред,
что изрекает херувим
каштана в сентябре.

Я думал, если бы я мог
перевести для Вас,
что гром поёт, что стонет мох,
я кое-что бы спас

в самом себе, в себе самом
спасенья нить нашёл.
Но оглушали мох и гром,
вотще струился шёлк.

Бессмертие - без языка,
уменья говорить
в немом восторге. А пока
вотще струится нить.